

Сергей АНИСИМОВ

ВАРНАНТ «СКО-2»

Вариант «Бис»

Сергей Анисимов
Год мертвой змеи

2006

Анисимов С. В.

Год мертвой змеи / С. В. Анисимов — 2006 — (Вариант «Бис»)

Мир изменился – и все равно остался прежним. Война в Корее идет третий год, и ни одна из сторон не может добиться победы. Единственный шанс переломить ситуацию – это перевести конфликт в иную плоскость, изменив условия игры. Удастся ли сделать это? Можно ли предотвратить такой поворот событий? И сколькими жизнями надо заплатить, чтобы не случилось самого страшного? Эта книга об ответственности, которая важнее боли и страха, важнее даже самой смерти. И об уходящем поколении, которое было уверено в своем праве решать судьбы мира.

Содержание

Узел 1.0	6
Узел 2.0	22
Узел 2.1	31
Узел 3	38
Узел 3.1	52
Узел 3.2	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сергей Анисимов

Год мертвой змеи

Памяти поколения, которое уходит.

Автор выражает глубокую благодарность участникам военно-исторических форумов «ВИФ2-НЕ» и «Сухой.Ру», и особенно Борису Седову, Андрею Уланову, Юрию Тепсуркаеву и Леониду Крылову.

Узел 1.0

Январь 1953 года

Для оказавшейся в купе мягкого вагона компании мужиков нет ничего более нормального, чем, перезнакомившись, начать употреблять соответствующие случаю напитки. Поезд три часа как отошел от вокзала в центре Москвы, направляясь в глубь страны. Конкретно – в сторону Иркутска. Еще более конкретно – это был знаменитый поезд Москва—Пекин, в котором в последние годы двигался в сторону Поднебесной народ самых разных гражданских и военных специальностей.

Купейный вагон был, наверное, идеальным местом для того, чтобы пережить в здравом уме подобную поездку. Особенно если попутчики хорошие. С этим Алексею на первый взгляд повезло. В купе, занятое им согласно выданной военным комендантом плацкарте, сели не академик, страдающий недержанием речи в сочетании с астматическими реакциями на сигаретный дым, и не полковник с молодой женой, непрерывно запирающий купе изнутри, а три совершенно нормальных, спокойных мужика – в меру шумных, в меру воспитанных. Два русака и татарин, назвавшийся именем Муса.

Перезнакомились. Мужики отрекомендовались инженерами-металлургами: того, кто постарше, звали Борисом, младшего – Леонидом. Татарин был прорабом и направлялся вместе с ними на строительство чего-то металлургического на просторах Китайской Народной Республики. Алексей же был в форме и с погонами и на вскользь заданный вопрос ответил просто: «По службе».

Чего, казалось бы, еще надо: долгая и утомительная поездка, хорошая компания, согретая первой разгонной порцией коньяка в вагоне-ресторане, вежливый и предупредительный проводник с начищенными под серебро пуговицами со сдвоенными молоточками на каждой. Живи и радуйся моменту. Подогретые коньяком попутчики, за вычетом в основном молчащего татарина, начали несколько громковато обсуждать достоинства броневых сталей, как бы снимая всякое желание задавать лишние вопросы. Дураку, мол, понятно, зачем в пятьдесят третьем году могут ехать в Китай специалисты по броне.

Тем не менее, все это была ерунда. Инженеры из них были, как из самого Алексея – наложница китайского императора. Повоевавший человек всегда способен определить людей, подобных себе, среди любой толпы. Так уголовники, еще не видя ни одной наколки на теле, в любой компании узнают побывавших «там». Вот так и проведший детство на улицах провинциального городка и многому там научившийся капитан-лейтенант Алексей Вдовый прокрутил через себя лица попутчиков, их манеру держаться. Не просто повоевавшие, как любой нормальный мужик из их поколения. Воюющие. Лицо «прораба»-татарина украшал вертикальный шрам, уходящий под волосы – почти такой же, как и у самого Алексея. Муса в свою очередь глянул на его распоротую осколком щеку с молчаливым уважением, скользнул взглядом по ленточкам колодок.

– Какой флот? – наконец спросил Алексея Борис, которому, похоже, надоело держать за идиота их явно все понимающего бывалого соседа. К этому моменту они вернулись в купе.

- Четвертый¹. Который Балтийский.
- С самого начала?
- Точно. А вы где?
- Ленинградский фронт. У Старикова.
- Все вместе?

---

¹ С 1946 по 1955 год Дважды Краснознаменный Балтийский флот был разделен на 4-й и 8-й ВМФ соответственно.

– Нет. Мы с Леней в самоходах, а Муса вон в пехоте отвоевал. Но теперь все вместе работаем.

– Угу... Понятно...

Где эта троица может «вместе работать», Алексею было не очень ясно, но лишние вопросы задавать таким людям бывает вредно для здоровья и долголетия, вот он и не стал. У него самого биография была нормальная и нетаинственная до скуки. Кадровый строевой командный состав флота, катера по шхерам (патрулирование и заброска разведывательно-диверсионных групп), канонерка (стрельба-стрельба-стрельба), крейсер (стрельба на таких нервах, что любые полгода, с самого начала, можно было засчитывать за пять). После войны – тральщики, но уже на штабных должностях. Одно тяжелое ранение, пришедшееся «прямо в рожу». Впрочем, после вселенской бойни сороковых годов дефицит мужиков с целыми руками и ногами был настолько острым, что на рожу девушки практически не смотрели, а на каждую вздрогнувшую при первом взгляде на него деваху приходилось по пять-шесть твердо знающих: лицо – не самое главное в мужчине. Несмотря на это, встречаться с собой глазами в зеркале Алексей до сих пор старался как можно реже.

За исключением этой самой рожи со шрамом, наискось пересекающим правую скулу и спускающимся по щеке, выглядел он тоже совершенно обычно. Рост, может быть, чуть выше среднего, волосы темного цвета, уже едва заметно начинающие редеть надо лбом, карие глаза. Обычная среднестатистическая внешность жителя русского Северо-Запада.

– Тебя где? – спросил он татарина, кивая на шрам. Тот пожал плечами:

– Не помню...

– Осколком? – вопрос был, вообще-то, не очень приличный, но Алексей помнил свой осколок и на мгновение испытал жгучий интерес: было ли пехотинцу так же больно, как ему? Оба «инженера» после его вопроса, не стесняясь, засмеялись, и Муса улыбнулся тоже, пригладив усы рукой.

– Не смущайся, Лёш, – сказал, отсмеявшись, старший. – Просто я эти же вопросы Мусе задал, когда мы в первый раз все вместе встретились. Он уже тогда со шрамом был. Почти девять лет прошло, а мы почти не расстаемся, все на одном производстве.

Они опять посмеялись – видимо, последним словам.

– Меня ножом ранили в рукопашной, товарищ капитан-лейтенант, – сказал Муса серьезно. – В середине сорок четвертого. А вас?

– Не вас, а тебя.

– Вы младший офицер. А я старший сержант.

– А Борис? – спросил Алексей, мотнув головой на явно старшего в их группе. Про себя он отметил, что сержант про свое звание не сказал «был».

– Майор.

Это ответил сам старший. Несколько секунд они смотрели друг на друга, оба битые волки, дыша глубоко и тихо.

– Квиты, – наконец сказал Борис. – Свой.

– Извини, Алексей.

Татарин развел руками – дело, мол, такое, правила. Про себя они явно уже решили, что ехать неделю с лишним в молчаливом отчуждении от соседа по купе хуже, чем нарушить какую-то там конспирацию, непонятно зачем накинутую на нормальных вояк.

– Меня осколком. – Алексей бесшумно выпустил из себя воздух. Напряжение ушло. В купе теперь действительно были только свои. – Восемь дюймов взорвались на рубочной щели, проломили броневую заслонку. Много народу погибло, а мне вот повезло.

– Осколок-то вынули?

– А он и не сидел. Касательно, но кости разрубил как следует. В Мурманске четыре месяца провалялся пластом, с двумя пневмониями. Едва выжил... Но когда предложили на флоте остаться, – не возражал особо. Флот-то почти и не сокращали, если помните...

– В Мурманске... И с Балтийского флота... Интересный ты товарищ. – Борис задумчиво покачал головой.

– Понял?

– А чего ж тут не понять? Не тупой же я совсем.

Младший из «инженеров» достал из бюрократического вида портфеля, стоящего в углу дивана, бутылку водки и со стуком поставил на столик. С этого момента, собственно, и началось настоящее путешествие.

Пекин встретил их шумом и грязью. Жителя российской провинции трудно удивить валяющимся на улицах мусором – но после военных городков, где всегда есть избыток проштрафившихся солдатиков или матросов, кучи какого-то непонятного происхождения, в которых копались собаки, были встречены им с изумлением. Пробегали рикши, оглушая зазывными протяжными криками, пронеслись без всяких правил велосипедисты, нагруженные спереди и сзади пакетами и связками. Прямо от вокзала, засыпанного угольной пылью, начались узкие улочки, над которыми нависало такое количество сушащегося на морозном ветру белья, что даже Кишинёв мог в этом отношении отдыхать.

– Товарищ Вдовый?

К Алексею, поставившему свои чемоданы на булыжник привокзальной площади, подошел высокий человек в полевой форме с погонами пехотного капитана и нарукавной повязкой с выцветшими буквами.

– Помощник дежурного советской военной миссии капитан Жданный. Разрешите ваше предписание?

Алексей предъявил командирскую книжку и предписание «прибыть в распоряжение», которые помощник дежурного весьма тщательно просмотрел, часто переводя взгляд с фотографий на само лицо Алексея, бледное после недели в трясущемся поезде.

– Пройдемте. – Капитан указал рукой на припаркованную легковушку, обсыпанную местной желтоватой пылью.

– Леша! – раздалось сзади.

Он обернулся и увидел, что троица его недавних попутчиков усаживается в похожую машину, затаскивая внутрь и распахивая невеликие пожитки под ноги. Алексей помахал им рукой, встретив неодобрительный взгляд капитана, и, усевшись, с треском захлопнул за собой дверцу. Если ребята думали, что он остается в Китае, то они ошибались. Ехал он в Корею, где который год с переменным успехом шла война. Как казалось Алексею, война довольно бессмысленная: ну кому нужен задрипанный полуостров, где нет ничего, кроме рыбы и риса? В синем, так сказать, углу ринга, были войска ООН, процентов восемьдесят которых составляли старые знакомые американцы, а в красном – Народная Освободительная Армия Китая и Советский Союз, негласно помогавший своим друзьям техническими специалистами, советниками, вооружением – и, по слухам, даже авиацией. Одним из таких советников давно переросший свои капитан-лейтенантские погоны Алексей и должен был стать.

– Что ж вы так долго добирались, товарищ Вдовый? – поинтересовался военно-морской атташе, небрежно проглядывая его документы в очередной раз. – Не могли вас на самолет посадить?

– Виноват, товарищ капитан первого ранга.

– Знаю, что не виноват. А делать нечего, ни одного дня на отдых вам дать не могу. Сегодня летит самолет до гм... места назначения. С ним и отправитесь. Насколько вас ввели в курс дела?

– Насколько это можно было сделать в Ленинграде.

– В вашем личном деле сказано, что вы специалист больше по тральным операциям, чем по минно-заградительным.

– Так точно, товарищ капитан первого ранга. Но сейчас сложно найти чистого минера. Восемь лет тралим, а море все равно как суп с клецками.

– Ну вот и займетесь. Прививки вам сделали?

– Так точно, в Москве.

– Тогда, наверное, все. Желаю удачи.

Каперанг встал и пожал Алексею руку, одновременно стараясь запихнуть в карман кителя высовывающийся из него носовой платок. На дворе середина января, и на улице было холодновато, но в помещении было тепло натоплено и даже душно. На этом общение Алексея с высшим военно-морским чином советской военной миссии в Пекине и закончилось – его покормили в столовой и уже через два часа машина с тем же помощником дежурного в качестве сопровождающего повезла его через бурлящий и копошащийся город. К этому времени его уже переодели в темно-синий китель, подошедший бы младшему офицеру ВМС, но без знаков различия. Свой старый китель и пистолет Алексей оставил под расписку там же, в миссии, в то время как кортик и заслуженные к этому дню награды должны были дожидаться его возвращения в одном из многочисленных подсобных хранилищ штаба 4-го ВМФ. Взамен потертого «ГТ» мрачный немолодой старшина с ленточками «Кенигсберга» и «Варшавы» на груди выдал преобразившемуся черт знает во что капитан-лейтенанту китайский «Тип 54» – неплохо сделанную местную копию того же «ГТ» под тот же мощный 7,62-миллиметровый патрон.

– Отстреляли, товарищ капитан-лейтенант, не беспокойтесь, – просипел старый вояка. Толи он был просто простужен, то ли когда-то ранен в горло, но говорил старшина явно с трудом, и Алексей только махнул рукой, несколько раз прощелкав механикой «всухую», воткнул обойму на место и засунул пистолет в хрустящую, не обтертую еще кобуру.

– Патронов возьмете еще, товарищ капитан-лейтенант?

Подумав, Алексей с благодарностью кивнул и взял со стола перед старшиной поставленную им туда хрустнувшую от собственной тяжести коробочку на полсотни патронов – в дополнение к той, которую таскал в чемодане. В чужой форме и в окружении чужих людей Алексей чувствовал себя не очень уютно и от лишних боеприпасов не отказался, как бы мало они не значили на ждущей его войне. До нее, впрочем, еще надо было добраться.

Самолет ему все же пришлось ждать, причем довольно долго. Механики копались в моторах, подтягивали что-то, – и полторы дюжины пассажиров, сплошь военные, лениво покуривали, сидя на чемоданах под стеной заслоняющего их от ветра дома, часто отходя к стоящей под широким дырявым тентом бочке со стылой водой. Алексей был единственным в военно-морской форме, остальные – армейцы, авиаторы или непонятно кто. Несмотря на явно славянскую внешность заметной части военных, форма на них была не наша. Готовясь к новому назначению, Алексей вроде бы неплохо изучил, как должны выглядеть знаки различия китайской и северокорейской армий, но разобраться в том, кем являются окружающие его люди, до конца так и не смог – в том числе и потому, что большинство просто не имело погон.

Где-то треть пассажиров для разнообразия действительно составляли настоящие китайцы или корейцы. Держались они обособленно, редко переговаривались на своем мягком языке с большим количеством круглых, переливчатых гласных. Прожив большую часть детства в Бурятии, Алексей честно попытался уловить хоть что-то знакомое в их речи, но это было бесполезно – тот язык, на котором китайские или корейские товарищи общались между собой, не обнаружил ни одного слова или предлога, хотя бы отдаленно похожего на известные ему. Вдобавок, ни один из тех военнослужащих, кто был похож на своих, не подошел познакомиться. Подумав, Алексей, еще «дома» неплохо проинструктированный на предмет соблюдения секретности, решил поступить точно так же и не стал завязывать разговор даже с авиато-

рами, которые, не стесняясь переговаривались между собой по-русски. Он занес свой чемодан в пустой почему-то домик, где и присел на промятый до досок диван.

– Ни кхо бу кхо ча? – спросила незамеченная поначалу девушка-китаянка, сидевшая на стуле в дальнем углу полутемной комнаты.

– Что? – переспросил не понявший ни слова Алексей.

Извиняюще улыбнувшись, девушка легонько простучала по половицам, подошла к полке и сняла с нее одну из чашек. Через секунду она снова повернулась к Алексею, покрутила чашку в пальцах и опять улыбнулась.

– Чай? – глупо спросил он.

– Ча, – девушка улыбнулась так ласково, что на сердце у Алексея стало не просто тепло, а даже почти горячо. Он молча улыбнулся в ответ. А ведь его предупреждали, что такое может быть. Хотя, с другой стороны, – то, что капитан-лейтенант Вдовый был холостым, расценивалось соответствующими органами и как плюс, и как минус для его назначения одновременно. Пусть звучит это и смешно, но так уж ему сказали. Ну пока можно надеяться, что это все же в большей степени плюс.

Согретый не перестававшей нежно улыбаться девушкой чай оказался хорошим, в меру терпким и в меру крепким. Ждать его пришлось минут пять, и за это время в домик заглянул только один человек. Он окинул Алексея и китаянку быстрым неприязненным взглядом и сразу вышел обратно. Что это означало, Алексей не понял, но, выпив свою чашку и ответив девушке несколько раз повторенной серией излишне сложных жестов, символизирующих высшую степень благодарности, он вышел из комнаты и сам, не забыв захватить с собой чемодан.

Механики точно так же продолжали колотить ключами по своим железякам, как и час назад. Алексей ничего в этом не понимал, но от всей души понадеялся, что изношенный самолет доставит их куда надо. То, насколько капризной штукой являются авиационные моторы, конструкторы которых готовы на все ради каждой лишней лошадиной силы, втискиваемой в возможно минимальные вес и габариты, он прекрасно помнил по своим ранним военным дням на «туполевских» катерах. Именно поэтому Алексей был до мозга костей убежден в том, что мозоль на заднице от многочасового ожидания – совершенная ерунда по сравнению с тем, что эту задницу, вместе со всем остальным прилегающим к ней, может разорвать на весьма мелкие части, если один из налаживаемых моторов вдруг откажет где-нибудь над горами.

Еще через несколько часов авиаторы сделали перерыв и ушли куда-то, скорее всего – поесть. В животе у Алексея начало недвусмысленно бурчать, но поскольку остальные продолжали спокойно сидеть на своих вещах, то он не стал ничего выяснять, решив потерпеть.

Терпеть пришлось еще часа два, после чего подошедший к ним военный в длинной шинели произнес короткую, оставшуюся совершенно непонятной речь, и все сидевшие начали подниматься с мест – молча или обмениваясь недлинными энергичными фразами. К удивлению Алексея, никому из них даже не пришло в голову обернуться на оставленные под стеной и навесом чемоданчики и вещмешки, и, решив уже совершенно ничему не удивляться, он пошел вместе со всеми к полуприкрытому пеленой влекомых ветром снежинок домику метрах в трехстах от той рулежки, рядом с которой они провели последние несколько часов. В чемодане не было ничего ценного, за что стоило беспокоиться, поэтому Алексей мысленно пожал плечами. Ничего секретного у него не имелось, а сотня патронов к пистолету, пара перемен грязного и еще одна пара чистого белья, несколько книжек по специальности и потертый немецкий несесер вряд ли кого-то соблазнят. Почти наверняка у остального военного люда личных вещей еще меньше, а «крысятники» в воюющих армиях долго не живут, так что...

У входа в домик, в котором по запахам и столбу дыма над крышей можно было опознать столовую, нестройную толпу военных в разномастных шинелях встретил молодой очкарик без знаков различия, но с синей повязкой на рукаве, по которой можно было предположить, что он относится к китайским ВВС. Широко улыбаясь и ни на секунду не закрывая рот, китаец сна-

чала указал на вешалку, а потом развел пришедших по отдельным столикам на четыре человека каждый. Скатертей на столиках не имелось, но доски столешниц были чисто отмыты и украшены неплохо прорисованной стилизацией эмблемы ВВС НОАК: красная звезда во вписанном в красную же окружность белом круге, наложенная на двухлопастной пропеллер.

Алексей оказался за столом с двумя армейцами-азиатами и молодым офицером, удивительно похожим на украинца. Тот и сам посмотрел на Алексея с интересом, но рта не открыл и только улыбнулся глазами. Тот же очкарик скомандовал что-то из дальнего угла столовой, и все нестройно поднялись. Подавальщиц в столовой не оказалось, и к открывшемуся раздаточному окошку выстроилась короткая очередь. И подносов им тоже не дали, но Алексей посмотрел, как поступают остальные, и не моргнув глазом принял из рук ухмыляющейся девчушки в вытертой белой косыночке горячую миску. Несколько раз оглянувшись в разные стороны по дороге к своему столику, он так и не увидел, чем можно было есть то, что в миске лежало: густо пересыпанную кусочками овощей лапшу буроватого от соуса цвета. Хлеба не дали – впрочем, Алексея это не удивило: то, что в Китае хлеба не едят, ему уже рассказывали.

Вернувшиеся раньше него азиаты уже ели, не поднимая на соседа глаз, быстро и аккуратно работая длинными коническими палочками. Алексею пришлось в голову, что они принесли их с собой, как в советской армии в войну солдаты таскали с собой собственные ложки. Как флотскому офицеру ему было это странно, и что теперь делать, Алексей просто не знал. Этот было почти стыдно, учитывая то, что есть хотелось очень.

– Чёё, – произнес из-за его плеча подошедший военный. – Куинг, товалишь.

Хлопнувшийся на стул рядом украинец с благодарностью кивнул, как и сам Алексей, и подобрал легшую к нему рукояткой вилку.

– Льен– Чанг? – спросил сосед, когда снова улыбнувшийся китаец отошел.

Алексей чуть не клацнул челюстью, настолько чужие слова не увязались с ухмыляющимся усатым лицом.

– Ладно, шучу, – сказал украинец через несколько секунд, явно до предела насладившись его видом. – Меня зовут Вань-Ю Ша.

– Что?

Алексей опять не понял и только моргнул, продолжая держать вилку воткнутой в свою так и не попробованную еще лапшу.

– Вань-Ю Ша, – ухмыляясь, отдельно повторил этот же сосед, по крайней мере знающий русский язык. – То есть Ванюша. Иван. Фамилия Шурин.

Он сунул руку, и Алексей, наконец-то понявший сказанное, рассмеялся, крепко ее пожав: «Лёша».

– Моряк?

– Точно.

– Давно я вашего брата не видел. Да ты ешь...

Шурин наклонился над своей тарелкой и начал накручивать на вилку длинные полосочки проваренного с овощами теста. Алексей последовал его примеру незамедлительно, и разговор утих как-то сам собой. Пахло из миски мясом, но ни одного мясного кусочка в ней так и не попало – приготовлена лапша была явно не для старших офицеров. Впрочем, есть ее вполне было можно, и даже отсутствие хлеба не так уж помешало.

Подошедшая девушка с квадратным подносом в руках что-то спросила, и Алексей уловил первое знакомое ему уже китайское слово: « Ча ».

– Ча, – сказал он, и новый знакомый по имени Шурин негромко засмеялся, откинувшись на своем стуле и оглядывая расставляющую чашки девушку.

То, что чай подали не после еды, а вместе с ней, было странным, но и это тоже можно было пережить, как и его запах, немного напомнивший запах мокрых кирзовых сапог. Вкус, опять же, оказался тоже вполне ничего, так что когда доевший не особо обильную порцию

Алексей допил остатки чая и снова обходящая столы девушка налила «по второй», ему стало уже совсем тепло и уютно.

Сосед оказался в итоге не слишком многословным и ничего про себя не рассказал. Его военной специальностью могло быть что угодно: от криптографии до топографии, и добровольно выдавать лишнюю информацию впервые в жизни встреченному человеку было действительно вредно как для каждого пошедшего на подобную глупость человека в отдельности, так и для дела, которому все они служили.

– Из какого города? – было единственным вопросом, который «Вань Ю Ша» все же задал.

Вопрос был несложный, но Алексей все же задумался, как на него можно было ответить. Как любой кадровый военный, он к тридцати годам не слишком ассоциировал себя с каким-то отдельным городом, которых немало уже повидал.

– Нижнеангарск, – наконец сообразил он. – Хотя и это не город. Так, поселок. А ты?

– З пид Полтавы, – сообщил Шурин. – Тоже не город.

Иван поискал взглядом вокруг и сокрушенно вздохнул.

Вышло это настолько комично, что Алексей засмеялся снова.

– Нету, – сказал он. – И не может быть. А на месте что, не нальют?

– Может, и нальют, – пожал «Вань Ю Ша» плечами. – Да только долетим пока...

До самолета действительно пришлось ждать еще часа два – сначала за тем же чаем, потом снова на чемоданах. Последняя пачка купленного Алексеем еще в самой Москве «Памира» была уже здорово почата, но жадничать он не стал – угостил новоприобретенного знакомого. Кто знает, может, ему дольше хороших папирос не удастся увидеть, чем ему самому.

Уже почти к закату авиаторы наконец-то закончили свои непонятные манипуляции с инструментами, затянули замками крышки капотов обоих моторов, и с помощью аэродромных солдат, подкативших тележку с какими-то баллонами, запустили и опробовали их один за другим. Погоняв моторы на разных режимах минут пять и вроде бы оставшись довольным издаваемыми ими звуками, неслышимый за воем и рокотом летчик высунулся в форточку и закрутил над головой сжатой в кулак рукой. В шуме Алексей так и не расслышал ни одного прямо направленного к ним слова, но военные уже начали вставать и оправлять форму. Дело было понятное, и он поступил точно так же, как все остальные: взял в руку свой хиленький чемоданчик, пригибаясь и зябко сгибая плечи под теплой матерчатой курткой, заспешил к люку в вибрирующем корпусе самолета.

Летели на ящиках с английскими надписями, сложенными в средней части самолета – машина была грузопассажирская. Внизу проплывала изрезанная каналами и прудами равнина, потом пошли холмы с террасами посадок. Самолет вошел в облака и выскочил сверху, окутанный водяными каплями, стекающими по стеклам. Солнце пробивалось из иллюминаторов косыми качающимися полосками, то проводя ими по лицам, то вдруг освещая самые глухие закоулки салона видавшего виды «Ли-2». Потом Алексей уснул.

Проснулся он уже в темноте, когда они заходили на посадку на сияющий посадочными огнями аэродром среди смутно темнеющих покатых холмов. Очевидно, здесь надо было дозаправиться и сменить пассажиров: какие-то люди долго толкались и переговаривались, протискиваясь мимо него то в одну сторону, то в другую. Дозаправка заняла несколько часов, потом еще долго чего-то ждали, но Алексей так и не стал выходить из самолета: на прижатой к одному из шпангоутов свернутой вдвое куртке было достаточно удобно даже в положении полусидя, и он предпочел дремать дальше, ощущая все связанные с очередным взлетом звуки сквозь заложженные сном и перепадом давления уши. Еще через час или два, когда он выспался на неделю вперед и окончательно опух, самолет в очередной раз пошел вниз и неожиданно снова нырнул в сумерки, на этот раз утренние. Это было до того удивительно, что Алексей проснулся окончательно и с уже искренним интересом поглядел в иллюминатор на тянущуюся снизу кривыми зигзагами речку, в которой отражалась розово-желтая полоса восхода.

– Ну вот, – держась за поясницу, сказал такой же опухший лицом сосед-украинец, когда в разворачивающийся вид в круглом потертом стекле вплыли окутанные печными дымками кварталы города. – Долетели, похоже. Фынчен. Который Симынцзяпу.

Как выяснилось в ближайшие же дни, жизнь в Корее и близ ее границы сильно отличается от того, к чему Алексей привык за последние годы. К концу 1952 года, и тем более к началу 1953-го, эта война, перекатывавшаяся через 38-ю параллель то в одну, то в другую сторону, окончательно зашла в тупик. При этом ее накал продолжал оставаться весьма высоким, и бои на линии фронта, над ней и по обе стороны от нее всеми участниками этой малопонятной для Алексея войны продолжали вестись с максимальной яростью и даже жестокостью, на которую они были способны.

– Здравствуйте, товарищ военный советник, – сказал Алексею встретивший его на аэродроме переводчик, – невысокий и слегка сутулый парень лет двадцати трех-двадцати четырех. У него было спокойное, усталое лицо, которое напомнило Алексею лица воюющих офицеров любой национальности, какую он мог припомнить, от русских до немцев – даже несмотря на резкую очерченность скул и мрачные узкие глаза азиата.

Поразило Алексея и то, что переводчик ни словом, ни жестом не высказал раздражения или хотя бы огорчения по поводу того, что самолет, который он встречал, опоздал по крайней мере на шесть часов.

– Меня зовут Хао Мао-ли – сказал он вместо этого и сделал странную паузу на несколько секунд – как будто дожидался какой-то заранее приготовленной собеседником реакции. – Но вы, товарищ военный советник, можете называть меня просто «товарищ Ли» или «командир взвода Ли», – это будет вполне хорошо.

Отпустив крепко пожатую руку переводчика, Алексей подал ему свои документы, и когда тот вернул их, удовлетворенный осмотром, – поднял с земли чемодан. Переводчик, помахивая рукой, указал направление, и Алексей пошел за ним – куда-то в сторону от стоящего перед распахнутыми створками ангара самолета, от которого небольшими группками расходились прибывшие и встречающие. «Вань-Ю Ши» Шурина нигде видно не было – скорее всего, он уже отыскал своих. С самой первой его шутки с обращением на китайском украинец показался Алексею бывалым и приспособленным к местным обстоятельствам человеком.

К проходу в окружающем летное поле заграждении из плотно, в несколько рядов кольев, уложенной колючей проволоки они с «командиром взвода» шли минут пять. Алексей устал от перелета и ему хотелось в туалет, но спросить об этом переводчика сразу он не догадался, так что теперь приходилось терпеть.

– Если вам куда-то надо, товарищ военный советник, – неожиданно сказал переводчик сам, – то остановитесь здесь, – он показал на проволоку. – А я подожду впереди в десяти метрах. Хорошо?

– Да.

Алексей кивнул и поставил чемодан на жухлую, покрытую утренним инеем траву. Про «куда-то» сказано было чисто по-русски, но «впереди в десяти метрах» прозвучало слишком, по его мнению, правильно – нормальный человек так не скажет. Именно так, наверное, вычисляют вражеских шпионов.

Догнав Ли, Алексей спросил у него, где он так хорошо выучил русский. Даже при том, что переводчик, отвечая, опустил глаза, было видно, что он польщен.

– В Чжун, товарищ военный советник, – сказал он. – Это моя деревня, двадцать километров от Харбина. У нас всегда было много русских, и даже в школе был русский учитель.

– Белогвардеец?

– Нет, просто железно-до-рож-ник. Он был хороший человек, хорошо нас учил. Мы учили русские песни, и у меня хорошо получалось, он хвалил.

Расцветали яблони и груши, – с заметным акцентом, но с точными интонациями пропел Ли. – Поплыли туманы над рекой... Вы любите петь, товарищ военный советник?

– Не очень, честно говоря, – смутился Алексей. – Точнее, люблю, наверное, но плохо пою.

– А это неважно, – опять улыбнулся тот. – Мы же не для денег поем, а для души, верно?

К этому времени они дошли до стоящего на обочине грузовика, в котором Алексей без труда узнал старый «ГАЗ-АА». Из кузова выпрыгнули двое солдат.

В этом не было ничего особенного, но опытный кадровый офицер капитан-лейтенант Вдовый вдруг с недоумением осознал, что сам он документы переводчика не проверил. Более того, на командире взвода не имелось обычной (как, во всяком случае, было в Пекине) для состава китайской армии цветной нарукавной повязки. Это можно было списать на непроходящую усталость от измотавшей его дороги, но такая ошибка слишком уж шла вразрез со всеми инструкциями о бдительности, которые он старался пропускать мимо ушей, как сами собой понятные. Вот как свяжут его, увезут куда-нибудь в Сеул и начнут иголки под ногти заталкивать, выпытывая, сколько граммов сахара положено в Советском Союзе по допайку младшим офицерам, приписанным к плавсоставу надводных кораблей третьего-четвертого ранга...

Сказанное про себя, разумеется, это было иронией. Вряд ли кому-то придет в голову выкрадывать советского офицера из Фынчена, откуда даже до границы с КНДР было еще порядочно – не то что до линии фронта. Но в груди все равно неприятно кольнуло.

– Что-то не так, товарищ военный советник? – обеспокоенно спросил переводчик. Алексей столкнулся с ним глазами и понял, что никакое смущение не может иметь места, если речь идет о деле. Им предстоит много работать вместе, но авторитет новый военный советник при штабе ВМФ КНА должен, разумеется, зарабатывать не тем, чтобы стесняться исправить допущенную оплошность.

– Будьте добры, переводчик Ли, покажите мне и свои документы, и документы солдат, – твердым голосом потребовал он.

Командир взвода с пониманием кивнул и, не оборачиваясь, подал солдатам короткую команду. Стоявший до этого с карабином поперек бедер рядовой закинул оружие за плечо и сунул руку под куртку, в нагрудный карман гимнастерки, без слов подав в выставленную назад ладонь переводчика узкую желтоватую бумажку. Второй, безоружный, в такой же стеганой куртке и в украшенной красной звездочкой теплой шапке несколько другого покроя, на секунду замешкался, но поступил так же, подав картонную книжечку.

Не отрывая взгляда от лица старавшегося казаться расслабленным Алексея, переводчик достал и свои документы и спокойным жестом подал ему всю нетолстую стопку бумажек вместе. Оказавшаяся сверху бумага была на русском языке и сообщала, что командир взвода Хао Мао-ли прикомандировывается к военному советнику при флагманском минере ВМФ КНА капитан-лейтенанту ВМФ СССР А. С. Вдовому в качестве переводчика. Имя у комвзвода действительно было смешное, но смеяться над чужим именем или фамилией может только полный баран, так что «Хао Мао» Алексея не так уж и впечатлили. Остальные бумаги были написаны китайскими иероглифами и рубленным корейским алфавитом, и в них Алексей ничего не понял. Бланки были типографскими, но текст был вписан в разграфленные квадратики от руки – посветлевшими от времени синими чернилами. Фотографий в удостоверениях не имелось, но выглядели они достаточно официально и вполне Алексея успокоили.

– Рядовой боец-доброволец товарищ Ли, – отрекомендовал комвзвода кого-то из стоящих за его спиной. Кого именно – Алексей сначала не понял, потому что ни одного жеста он не сделал, – сопровождает следующий с нами груз.

«Ага, это, значит, который с карабином».

– И рядовой боец братской корейской армии товарищ Сэн.

Алексей осознал, что опять запутался. Даже то, что переводчиком при советском офицере, который должен был занять свежее испеченную должность советника при флагманском

минере корейцев, назначили китайца, а не корейца – уже само это было достаточно неожиданным. Теперь оказывается, что шофер грузовика – кореец, а какой-то там попутный груз сопровождает китаец. Это что, означает, что до места назначения они будут добираться на грузовике? Или здесь так и положено?

– Почему «боец»? – спросил Алексей вслух. Слово было устаревшим, такого он не слышал уже достаточно давно.

– Слово «солдат» хуже подходит, товарищ военный советник, – сообщил переводчик Ли. – Садитесь, пожалуйста, в кабину.

Место в кабине грузовика было как раз на двоих, и «командиру взвода» с вооруженным карабином «рядовым бойцом-добровольцем» пришлось остаться сзади, на ветру. Дорога быстро утомила давно отсидевшего себе все возможные места Алексея, но заставить себя поспать еще хотя бы час ему не удалось. Пришлось сидеть, глядя на тянущуюся под колеса грунтовку, выметаемую негустой поземкой, и по сторонам – на неинтересный пейзаж, унылостью своей напоминаящий то ли Казахстан, то ли юг того же Забайкалья.

Оттопырив от скуки губу и стараясь не слишком часто поглядывать на вцепившегося в рулевое колесо щуплого корейца с коротко стриженными волосами, Алексей размышлял обо всем подряд, включая непонятую ему оговорку переводчика о разнице в словах «солдат» и «боец», как и о «командире взвода» против привычного уже «лейтенанта». Последнее слово исчезло из советских военных уставов так же, как исчезло слово «командир» в значении «офицер». Командир в каждом подразделении, соединении, корабельной боевой части мог теперь быть только один. Про себя капитан-лейтенант с усмешкой подумал, что и сам он от обращения «командир» уже успел отвыкнуть – последний раз командиром он был еще в лейтенантские времена. Сменив пусть маленький, но все же свой торпедный катер сначала на канонерку, потом сразу аж на первый в стране линейный крейсер, а затем на тральщики, он каждый раз был уже одним из многих.

Алексею хотелось надеяться, что срок советничьей службы при китайских и корейских штабах, составлявший обычно от восьми до четырнадцати месяцев, он отслужит с честью. Именно это назначение было тем, чего он, застрявший на уровне младшего офицера, и добивался, понимая, что от уходящего поезда кадрового плавсостава «первой линии» отстать очень легко. С каждым годом в воздухе, которым дышала страна, все сильнее попахивало озоном и порохом, и любой помнящий этот запах с конца тридцатых фронтовик, если он хоть что-то собой представлял, старался занять свое место в раскручивающемся механизме готовности.

Получив в начале декабря 1952-го сообщение о новом назначении, Алексей счел себя везунчиком – что, впрочем, полностью соответствовало тому ощущению, которое он вообще и испытывал с момента поступления в училище. Сыну погибшего в самом начале войны кавалерийского офицера и брату погибшего в ее середине офицера артиллерийского, моряку Алексею Вдовому повезло честно отвоевать всю Отечественную от начала и до конца, ни разу не спрятавшись за чужую спину и не согнувшись. Более того, ему повезло остаться в живых и даже сравнительно целым...

Подняв руки, Алексей провел ладонями по изуродованной половине лица, как будто утирал текущую по ней воду. Кости уже давно не болели, но он все равно вздрогнул. Ничего. Это можно пережить. Согласно инструкциям, которые до него довели, пребывание советских военнослужащих в действующих частях запрещено – значит, ему действительно предстоит всего лишь советничья работа на берегу, какой бы серьезной она ни была. Восемь месяцев, двенадцать, четырнадцать, а хотя бы даже и шестнадцать. За такой срок вполне можно попытаться осложнить жизнь вражеских моряков, занимающихся тралением подходов к свежезахваченным или потенциальным плацдармам, до такой степени, что это окупит его проезд до Пекина, самолет до Мукдена и дорогу в этом разваливающемся грузовике и туда, и обратно.

Как предполагал капитан-лейтенант Вдовый, после этого вместе с погонями капитана третьего ранга его должна, обязана была ждать настоящая командная должность на любом из отечественных флотов. В идеале – командиром одного из строящихся эскадренных миноносцев новой 56-й серии. Как вариант – командиром любого из семи десятков современных «Тридцаток-бис», ставших за последние несколько лет станovým хребтом, рабочими лошадками всех шести флотов. Еще одним, устраивавшим его, вариантом Алексей считал командование дивизионом тральщиков или даже торпедных катеров. Последнее, впрочем, вряд ли: катерники – это особая каста, а на флотах сейчас достаточно много боевых офицеров, отвоёвавших на катерах всю войну, в отличие от него, а также ходивших в самые настоящие торпедные атаки и теперь только и ждущих возможности принять под свое командование очередной десяток «Тэшек», в обилии строящихся в Ленинграде и во Владивостоке.

Вообще же у любого из этих назначений, если рассматривать их как чисто теоретические возможности, были и свои плюсы, и свои минусы. Переформированные после окончания войны, флоты советских ВМС росли, по мнению Алексея, глядящего вокруг со своей колокольни младшего офицера, почти как на дрожжах. Доля флота в общем объеме оборонного бюджета только за последние несколько лет выросла так, что это его в чем-то даже пугало. Достраивались сразу несколько линкоров «второй серии», вступили в строй новые линейные крейсера «Сталинград» и «Москва», строился третий, название которого еще не знал ни один из его знакомых. После «шестидесят восьмых» – легких крейсеров военного времени – и последовавшей за ними «промежуточной» короткой серии «68-К», достроенной по чуть подкорректированному проекту, вступила в строй первая пятерка новейших крейсеров «68-бис», сразу распределенных по флотам. Несколькими годами раньше вошли в составы эскадр освободившие для своих последователей достроечные мощности судостроительных заводов последние серийные «26-бис» – родные братья балтийского «Максима Горького», черноморского «Молотова» и двух «тихоокеанцев». И это не считая десятков эсминцев, сторожевиков, тральщиков и подводных лодок новейших проектов. И все – одновременно с огромными средствами, выделяемыми на строительство и модернизацию военно-морских баз, судостроительных и судоремонтных заводов, военно-морских училищ и школ, на не прекращающуюся все эти годы боевую учебу в полную силу. Зная, что страна только-только начинает оправляться от понесенных ей чудовищных потерь, и помня, с каким трудом, на грани возможного, им удалось отбить удары врагов в 1941 и 1944 годах, капитан-лейтенант Вдовый, бывалый и вполне неглупый боевой офицер с четырьмя орденами на груди, боялся. Ему очень хотелось надеяться, что новая война не начнется до тех пор, пока он не вернется домой.

Для любого нормального офицера советских ВМФ военно-морской флот Кореической Народно-Демократической Республики представлял, на первый взгляд, полное позорище. Даже какая-нибудь Ладожская или Волжская военная флотилия в самые худшие свои военные дни крыла его по количеству вымпелов и объему сил и средств, как бык козу. Но в то же время – северокорейский флот продолжал драться, впитывая в себя и те крохи, которые могли дать ему сами почти беззащитные с моря китайцы, и те, которые доходили до него с советских заводов, отделенных от Восточного и Желтого морей многими сотнями и тысячами миль.

На скопище сараев и саманно-глиняных домов, носящее внушительное название «Военно-морская база Нампхо», как оказалось, базировались один торпедный катер и полдюжины приписанных к флоту маломерных судов – от катерных тральщиков и сторожевых катеров до обычных деревянных шхун, кунгасов и прочих «плаведилиц». Единственный крупный тральщик, который с натяжкой можно было назвать «базовым», был вооружен японской 75-миллиметровой пушкой, остальные несли максимум «сорокапятки».

– Сколько всего торпедных катеров у флота? – спросил Алексей «командира взвода Ли» (которого для удобства начал все же называть про себя лейтенантом), посмотрев на кораб-

лики, затянутые маскировочными сетками и заваленные щитами, раскрашенными под цвет окрестных крыш.

Лейтенант пожал плечами: он не знал. Вопрос надо было задавать флагминеру флота, но того в базе не было, и ждать его Алексею предстояло как минимум еще один день. Расхаживая по пирсу, покрытому таким же многослойным мусором, изображающим искажающий камуфляж, он внимательно смотрел себе под ноги. Сломать лодыжку в первый же день на новом месте было бы, вероятно, худшим позором, какой можно себе представить. Не считая самой «военно-морской базы».

Вздыхнув, Алексей опять посмотрел на катер. Он был, наверное, на год или два моложе того катера, на котором молодой флотский командир Вдовый воевал сам, но выглядел гораздо хуже. Торпедные аппараты на нем были под 450-миллиметровые торпеды, уже давно снятые с вооружения в советском флоте. На корме – сиротливый ДШК на высокой турели. Попытаться отпугнуть какой-нибудь одиночный «Корсар» вполне сгодится, но уже хотя бы два «Корсара» сделают из катера решето даже просто своими авиапушками. И это, похоже, было все, чем корейский флот располагал в Желтом море, где когда-то рубились эскадры русских и японских броненосцев и где бывало тесно от крейсеров и эсминцев. Впрочем, почти пятьдесят лет спустя таковых тоже хватало: всего милях в восьмидесяти отсюда крейсировала советская эскадра и те американцы да британцы, которые ее «пасли», не выпуская из окуляров дальномерной оптики ни на секунду. И вот это уже было здорово.

Подняв голову и посмотрев на море, исчерченное полосами несущихся слева направо блеклых снежных зарядов, Алексей не выдержал и искренне улыбнулся. Все-таки он был здесь не один. Есть советский военный советник при командующем флотом, есть советник при флагманском штурмане, при флагманском механике, при начальнике кафедры артиллерии военно-морского училища КНА. Всего восемь должностей, большая часть из которых введены либо только что, либо в течение нескольких последних месяцев. Для чего? Начальству виднее. Но раз ему поставлена задача активизировать минно-заградительные операции, то этим он и займется. В конце концов, именно такая работа являлась мечтой любого нормального офицера, воюющего на тральщиках. И, как не крути, а балтийские, североморские, черноморские, тихоокеанские тральные дивизионы воюют до сих пор, платя за каждую вытраленную мину ежедневным риском не вернуться домой – как не вернулся один из его собственных друзей. Значит, пришло время расплатиться. Когда капитан-лейтенант Вдовый вернется домой с вписанными в его личное дело тактическими индексами трех или четырех вражеских тральщиков и десантных барж – ему многие будут завидовать.

– Товарищ военный советник, – переводчик по имени Хао Мао-ли подбежал вприпрыжку, перескакивая через доски и растяжки, удерживающие натянутые под углом друг ко другу полотнища брезента, закрывающие просветы между бортами катеров и шхун от взгляда сверху. – Прибыл товарищ командующий военно-морской базой. Он дожидает вас в штабе.

– Ожидает, – машинально поправил Алексей.

– Так точно...

Переводчик мигнул, кивнул и повернулся назад, теперь тщательно выбирая, куда ставить ноги. За всю эту дорогу они ни разу не попали ни под бомбежку, ни под штурмовку, хотя свидетельств их регулярности и эффективности вполне хватало – вдоль обочин дорог, по которым густо текли транспортные колонны, там и сям виднелись остовы сгоревших и разбитых грузовиков. Поэтому Алексею было интересно: как в такой обстановке можно организовать тушение пожара, если одинокий разведчик американцев догадается пройтись из бортового оружия по скоплению непонятных серо-бурых брезентовых и деревянных пятен под берегом. Скорее всего никак – но уж этот вопрос вполне можно и задать. И в первую очередь – тому самому командующему ВМБ Нампхо.

Пробравшись вслед за переводчиком и выбравшись наконец на относительно гладкую поверхность непосредственно подходящей к пирсам дороги, Алексей ускорил шаг. К моменту его прибытия в Нампхо после утомительной дороги, измотавшей до предела физических сил, штабной домик был пуст, если не считать дежурного – на редкость крепко сложенного офицера-корейца с наполовину седой шевелюрой, выразившего при виде советского моряка настолько искреннее удовольствие, что тот даже застеснялся.

За десять минут Ли довел Алексея до штаба – ничем не примечательного домика, от входа в который ему широко улыбнулся стоящий навытяжку часовой, парнишка в теплом бушлате и с длинноватой для него винтовкой в руках.

Дежурный, тот же крепкий лейтенант, который отпаивал их чаем после прибытия, поднялся и, снова улыбувшись глазами, твердо постучал в дверь, табличка на которой пыталась сообщить что-то короткой комбинацией бессмысленных для Алексея корейских букв. Просунув голову внутрь, он что-то сказал, и Алексей одернул покрытую капельками воды от тающих снежных крупинок куртку, ожидая, что его пригласят внутрь. Вместо этого дверь открылась шире, и дежурный отшагнул от нее спиной вперед, давая пройти самому командующему ВМБ, – широкоплечему офицеру, на вид лет сорока двух или сорока трех, сразу начавшему что-то серьезно и твердо говорить. Вместо того чтобы перевести, лейтенант Ли сам что-то сказал, и немолодой офицер кивнул, замолчав и внимательно разглядывая лицо и фигуру Алексея.

– Товарищ военный советник, – начал наконец Ли. – Товарищ командующий военно-морской базой Нампхо капитан Кун Сир Ким выражает глубокую радость по поводу вашего благополучного прибытия. Он уверен, что ваш опыт не только послужит делу обороны Кореи от иноземных захватчиков, но и вдохновит бойцов-корейцев и китайских добровольцев еще сильнее... – Переводчик на мгновение остановился и поднял глаза к невысокому потолку, то ли запутавшись в сложном предложении, то ли просто сначала проговаривая окончание фразы про себя. – Еще сильнее отдавать силы для борьбы.

Фраза получилась довольно корявой, но Алексея она неожиданно действительно тронула. Скорее всего – от накопившейся в костях дорожной усталости, но все же... Когда похожие фразы встречались ему в газетах, он обычно пропускал их мимо. Аналогично он поступал и тогда, когда слышал их на митингах или политинформациях – это были просто общепринятые формулировки, обозначавшие одно и то же, вне зависимости от того, о какой стране шла речь – о занимающихся тралением прибрежных вод от своих и чужих мин Дании и Польше или же об отчаянно сражающейся за свою независимость Корее. Но то, насколько искренне сказали эти слова Кун Сир Ким и переводчик Ли, поразило Алексея своей настоящей глубиной. Корея – маленькая сельскохозяйственная страна, и то, что ее народ обороняет свою землю с таким мужественным отчаянием, делает ему честь. Но одного мужества мало. Выходит, они действительно серьезно рассчитывают на него.

Капитан произнес еще несколько фраз, переведенных теперь более успешно. Он приносившись к темпу перевода и делал теперь регулярные паузы, давая время Ли выстроить фразу.

– Товарищ флагманский минер флота скоро должен прибыть в базу Нампхо. Это будет хорошая возможность встретиться и начать работать.

– Возможно, – сказал Алексей, – мне самому лучше отправиться в Пхеньян к товарищу флагманскому минеру или в штаб флота?

– Нет, – твердо сказал Ли, переводя ответ капитана. – Товарищ флагманский минер настойчиво приказал вам ожидать его здесь. Товарищ капитан Ким также говорит, что ему очень понравилось, что вы сразу пошли смотреть корабли. Он говорит, что опытного моряка всегда можно узнать по тому, что не сразу идет спать на новом месте. Он очень доволен и вдохновлен.

Склонив голову, Алексей принял незаслуженную похвалу, не дрогнув лицом. Отогревшись двумя чашками жидкого чая с сахаром, он пошел тогда на пирсы в первую очередь

потому, что уже не мог больше сидеть на одном месте. Спрессованная плоским автомобильным сиденьем уже до состояния деревянности задница выла и требовала движения или хотя бы лежания на животе. Вместе с действительно разыгравшей в нем любознательностью здесь было стремление взглянуть на море, которое должно стать его рабочим полем на весь следующий год. Это перевесило желание прямо сейчас прилечь на диванчик в приемной отсутствующего тогда командующего базой.

Он задал капитану вопрос о городе – том самом Нампхо, до которого было достаточно далековато: минимум двадцать минут на машине до ближайшей окраины. Город был сравнительно большой, и в нем, насколько Алексей помнил ориентировки, имелся свой порт со всеми портовыми службами. До линии фронта отсюда было порядочно, и то, почему военно-морская база выглядит настолько ненормально, Алексей действительно не понимал.

«Товарищ капитан Ким» несколько удивился или даже смутился, но без колебаний объяснил, что это само по себе является средством маскировки. ВМБ Нампхо официально считается главной военно-морской базой ВМФ КНА в *Хуанг Хай*, то есть в Желтом море, но до сих пор бомбить и обстреливать находящееся в пятнадцати километрах от города скопление рыбацких сарайчиков и деревянных причалов ни американцам, ни англичанам в голову не приходило. Они продолжают бить только по городу, от которого и так уже мало осталось.

На взгляд штурмана, каковой с получением четвертой звездочки на погонах никуда от Алексея Вдового не делся, сказано это было, пожалуй, слишком громко. Бухта Нампхо относилась все же не к Желтому морю, а к Корейскому заливу, ну да это неважно. Скорее всего капитан Ким просто сам стеснялся того, в каком состоянии находятся доблестные ВМФ Северной Кореи.

– Сколько у флота торпедных катеров? – спросил он второй раз за день, и лейтенант Ли послушно перевел сначала вопрос, а потом и ответ:

– Товарищ капитан Ким говорит, что это ему, к сожалению, неизвестно.

То ли от неловкости, то ли от искреннего желания хоть как-то оправдаться за состояние флота и базы, корейский офицер, сдержанно жестикулируя, рассказал историю о том, как были потеряны три торпедных катера, сумевших провести результативную торпедную атаку в Восточном море в самом начале войны. Алексей покивал. Про эту атаку он слышал уже не раз – в советских центральных газетах ее в свое время расписали всеми красками. Судя потому, что капитан Ким рассказал о гибели трех катеров совершенно спокойно, можно было заключить, что атака на самом деле состоялась. В тоже время три-четыре заявленных корейскими катерниками торпедных попадания так и не были ничем подтверждены, что капитан так же спокойно признал. На оккупированных японских территориях, в первую очередь на Окинаве, у американцев базировалось такое обилие крейсеров, что их ротация была постоянным рутинным процессом. Поэтому то, что два исчезнувших крейсера действительно были повреждены корейскими торпедными катерами, доказать теперь было невозможно. Похоже, это устраивало обе стороны.

– Когда флагманский минер флота товарищ Чен прибудет в Нампхо, вы, товарищ военный советник, скорее всего, перебазируетесь на какую-нибудь из передовых баз, – предположил Ким. Вообще любое его выражение звучало теперь странно: приносившись к манере лейтенанта Ли, он делал длительные паузы, и возникало ощущение, что ни он, ни переводчик не говорят сами, что слова просто рождаются между ними сами по себе. То, что возникшее в начале разговора чувство искренности и даже приязни исчезло так быстро, Алексея огорчило, и ему пришлось сделать усилие, чтобы не менять выражение лица и выбранные с начала интонации. Скорее всего, азиаты все равно не уловили бы такую мелочь, по даже просто рисковать обидеть их он сейчас не хотел.

– Он сейчас в Пхеньяне? – спросил он про флаг-минера, но капитан опять только развел руками. Похоже, он вообще мало что знал, если это не относилось непосредственно к его базе.

Помолчав с минуту, Алексей все же спросил капитана о минах. При этом вопросе тот наконец-то закивал, выставил на лицо улыбку и сообщил через переводчика Ли, что он с удовольствием покажет мины немедленно после ужина. Практически немедленно после того, как лейтенант перевел эту его фразу, в дверь постучали, и подтянутый мальчик лет семнадцати, одетый в великоватую ему на пару размеров военно-морскую форму, сказал из коридора несколько слов. Как у корейцев получилось устроить такое совпадение, Алексей не понял, но капитан снова кивнул и поднялся со своего насиженного места.

Занявший следующие полчаса ужин практически не отложился у Алексея в памяти. Они о чем-то говорили – скорее всего, о море и войне, но даже просто смысла большинства реплик он потом не смог вспомнить. Возможно, от того, что китайского лейтенанта без погон и одетого в не слишком хорошо на нем сидящую китайскую же форму офицера-славянина, не стесняясь, разглядывали со всех сторон человек двадцать. Этого можно было ожидать, и в другой обстановке любой нормальный человек чувствовал бы себя неуютно, но не здесь. Во-первых, большинство находящихся в столовой корейцев были матросами и старшинами: это само по себе приятно Алексея порадовало, поскольку было единственной мелочью, полностью совпавшей с тем представлением об этой войне, которое он успел составить в воображении. Единственный офицер, кроме оказавшегося в столовой уже знакомого дежурного и самого капитана, немедленно подошел к ним и представился по форме – и ему, и переводчику Ли. Уже после этого он поздоровался по второму разу – весьма сердечно; но общения все равно не получилось – офицер вернулся на свое место и продолжил какой-то разговор с тяжеловесным матросом, при одном взгляде на которого сразу приходило на ум слово «моторист». Во-вторых, порадовало Алексея и то, что все ели одну и ту же еду: какую-то пряную и достаточно, на его взгляд, вкусную массу из переплетения нитей почти прозрачно-белой тонкой лапши с вкраплениями моркови и чего-то непонятного, но явно растительного.

– Что это? – все же спросил Алексей.

Лейтенант Ли назвал, но незнакомое слово почти немедленно вылетело у Алексея из головы. Потом пили чай, снова имевший незнакомый вкус, и только под конец ужина, когда разговоры в тесноватой для такого количества людей столовой стали громче, а взгляды ужинающих начали потихоньку переползать с его лица и рук на что-то другое, произошел единственный эпизод, запомнившийся ему навсегда и до деталей. Неслышно ступая, со спины к ним подошел матрос с широкими плечами и сжатыми в кулаки крепкими кистями рук, покрытых въевшейся в складки кожи чернотой.

Запинаясь, матрос произнес длинную и сложную фразу, и Алексей выжидательно поглядел на комвзвода Ли, который, как ему показалось, несколько растерялся. Сидящий рядом капитан Ким сказал несколько слов спокойным тоном, и подошедший матрос склонил голову и застыл на месте, как будто дожидался ответа. В который раз за последние дни «военного советника при флагманском минере флота» неприятно уколола собственная безъязыкость. Наверное, найти офицеров-моряков, хоть как-то знающих корейский или китайский языки, действительно было непросто, но все равно удивительно, как он сумеет здесь освоиться, со своим немецким на уровне семиклассника-троечника, подкрепленным бурятским на уровне деревенского дурачка.

С полминуты помолчав и как будто что-то сначала проговорив про себя, Ли перевел слова матроса. Алексей слушал со звоном в голове, как пьяный, – и от переполненности новыми впечатлениями и новыми лицами, и от наконец-то пришедшей сытости, сразу сделавшей голову пустой и тяжелой.

– ...Мы знаем, что советским товарищам было гораздо тяжелее, чем нам, но они выстояли и победили врага, – произносил матрос голосом лейтенанта Ли. – Мы гордимся, что наши советские братья пришли к нам на помощь в самые трудные наши дни. Наши северные братья,

китайские добровольцы, сражаются плечом к плечу с нами, и мы счастливы видеть в братском строю и советского товарища. Это наполняет наши сердца гордостью.

Лейтенант запнулся, оглянулся на матроса, и тот сказал что-то еще, то ли напомнив, то ли добавив еще несколько слов к сказанному им ранее.

– Мы будем учиться у вас, товарищ военный советник, так, чтобы лучше воевать. Мы клянемся, что вы никогда не услышите от нас слов усталости или обиды. Мы просим вас учить нас всему, что вы знаете. Мы будем очень стараться.

Капитан-лейтенант советского военно-морского флота, военный советник при флагманском минере ВМС Корейской Народной Армии Алексей Степанович Вдовый поднялся со своего места, не отрывая взгляда от лица молодого корейца, сжимающего кулаки и напрягающего мышцы лица в непонятном выражении – так, что оно стало почти страшным.

Видя, как застыли все остальные, и понимая, что происходит что-то неясно сложное и важное, он шагнул вперед, протягивая перед собой руку. Незнакомый матрос крепко сжал ладонь Алексея, и тот неожиданно для самого себя вдруг обнял его широким мужским жестом, ухватив за плечи. С боков что-то заорали, несколько корейцев, подскочив к переводчику, начали наперебой что-то горланить, капитан, смеясь, тоже говорил что-то свое неожиданно высоким для его комплекции и возраста голосом, а они с безымянным матросом так и стояли, глядя друг на друга. Жест был слишком уж по-газетному красивым, но ощущения неловкости так и не возникло – все и на самом деле было серьезно. И ни разу потом, что бы ни было дальше, давно заостеневший нервами и характером капитан-лейтенант Вдовый не пожалел о сделанном. Более того, как показали дальнейшие события, этот нехарактерный для него порыв стал одним из наиболее правильных поступков, которые он совершил в ближайшие недели.

Узел 2.0

Январь 1953 года

Посол Союза Советских Социалистических Республик в Корейской Народно-Демократической Республике генерал-лейтенант Разуваев занимал должность главного военного советника при Корейской Народной Армии с конца ноября 1950 года. Два с четвертью года на этой должности стоили ему десяти лет жизни, но это не имело никакого значения. Генералу было уже достаточно много лет, и в этой жизни он видел многое, чтобы не задумываться слишком сильно над тем, какая именно цифра будет написана на гранитной или сланцевой плите над его могилой, если эту плиту ему все же удастся заслужить. Пока вроде бы получалось.

Прибыв сутки назад в Москву, сейчас генерал-лейтенант стоял навтыяжку около стула, отодвинутого от широкого, абсолютно пустого стола, и ожидал, что скажет ему Сталин. Сталин молчал – как молчал он последние несколько минут, мягко расхаживая из одного конца огромного светлого кабинета в другой.

Разуваеву показалось, что шаги Вождя замедляются и он вот-вот начнет говорить, но тот только покачал головой, сморщил нос и продолжил свое молчаливое хождение. Генерал-лейтенант, не шевелясь, продолжил следить за вождем, не опуская глаз ниже уровня его груди – почему-то ему казалось, что Сталину такое не понравится. «У великого человека есть чему поучиться, даже когда он молчит», – вспомнился ему классический афоризм – зацепившийся за память хвост нескольких лет того образования, которое в свое время мечтали ему дать родители. Генерал не был уверен, что именно так изречение формулируется по-русски, и, чтобы занять свои мысли в ожидании, он начал произносить его по-немецки, – так, как заучивал. „Von einem gro?en Menschen kann man immer...»

– Товарищ Разуваев... – именно в этот момент и сказал вождь, неожиданно остановившись прямо посреди своего кабинета, причем достаточно далеко.

– Да, товарищ Сталин?

– Есть ли нам смысл устроить совместную встречу с товарищем Котовым, как вы считаете?

Голос вождя был глубоким и надтреснутым, и генерал с тоской и жалостью подумал о том, что за последний год Сталин постарел больше, чем за пять предшествующих лет. Нет чубука трубки в руке – к 1953 году генералиссимус бросил курить; не видно и знакомого по военным годам хищного блеска в глазах. Так выглядит старость.

– Полагаю, товарищ Сталин, что нет.

– С товарищем Дэ-хуаем?

Разуваев не знал, что ответить, но отвечать было надо, поэтому он снова сказал «Полагаю, что нет». Генерал-лейтенант Котов-Легоньков занимал должность главного военного советника при контингенте КНД, то есть Китайских Народных Добровольцев в Корее, генерал Пэн Дэ-хуай был собственно главнокомандующим силами КНД в Корее. Обоих генерал Разуваев достаточно хорошо знал, а дипломатический пост, полученный им «в нагрузку» к военному, все же в какой-то степени позволял ему решать некоторые вопросы и за них.

– Я не уверен, что вы понимаете всю серьезность момента, товарищ Разуваев, – с сомнением сказал Сталин.

Глубоко внутри себя генерал передернулся, но твердым и уверенным голосом возразил, что все достаточно хорошо понимает.

– Война на распутье, – произнес Сталин после глубокой, продолжительной, напряженной до звона в ушах паузы, и главному военному советнику при КНА уже не в первый раз с начала

их многосложного разговора подумалось о том, что вождь иногда разговаривает сам с собой, поглядывая на собеседников только для удобства.

– Ни разу после вступления США в полномасштабную войну я не верил, что Ким Ир Сену удастся добиться победы. Хотя, конечно, начало было обнадеживающим...

Он снова помолчал и с отсутствующим видом посмотрел на свою свободную ладонь.

– Мы с вами и не слишком пытались помогать корейцам побеждать в этой войне, мы пытались хоть чуть-чуть помочь им обороняться. Но иногда мне казалось, что у них нет другого выхода, кроме как победить. Это, товарищ Разуваев, просто грустно.

Произнесенное слово было настолько необычным для этого кабинета, что генерал моргнул, и только многолетняя, въевшаяся уже в душу привычка к самоконтролю помогла ему не приподнять брови. К счастью, даже при том, что последняя фраза Сталина была обращена непосредственно к нему, сам Вождь в эту секунду находился метрах в шести или семи, лицом к висящей на стене карте, занавешенной сейчас широким белым полотнищем, и благодаря этому ничего не заметил.

– Я признаю, что мне сложно предугадать, что именно выберут американцы в качестве выхода из ситуации, в которую они сами себя загнали. Многие, а то и просто все возможные варианты мы с вами сегодня если не обсудили, то по крайней мере упомянули. Хоть какой-то худой, рваный мир в результате этих очередных дурацких переговоров в Паньмуньчжоне. Или – введение в войну уже не экспедиционных корпусов, а полностью развернутых армий всех участников конфликта. Как вариант – всех без, скажем, Греции и Турции. Всех с Турцией, но без Франции. – Сталин усмехнулся в свои седые усы. – Или без Абиссинии. Полномасштабное вторжение – уже под своими собственными флагами, а не под тряпкой ООН. Удар в основание Корейского полуострова. Высадка в район Шанхая. Высадка в район Находки и Владивостока. В район устья Тумыня, с выходом к Амурску и Хабаровску. Атомный удар по нашим группировкам в Европе. Развертывание на пространстве от Лиссабона до Кагосимы полномасштабной химической и биологической войны, на фоне которой 38-я параллель покажется нам счастливым детским праздником. И все это – на заднем плане того, что мы общими усилиями дождем остатки Европы, и государства американского континента останутся единственными участниками всего этого, оставшимися не затронутыми новой чумой и вонью от миллионов разлагающихся тел, которые почти некому будет убирать. Попробуйте представить себе именно такое развитие этой ситуации, товарищ Разуваев. И скажите мне, что этого быть не может. Что каких-то девять с лишним миллионов убитых корейцев – хорошая плата за то, чтобы ничего этого не было.

Он опять посмотрел на генерал-лейтенанта грустными, больными глазами, и тот снова ощутил укол жалости, которой от себя не ожидал. Этот человек нес на своих плечах больше груза, чем любой из попятанных осколками бомб атлантов у Нового Эрмитажа. На его руках было больше крови, чем, наверное, у Атиллы и Тохтамыша вместе взятых. Он был старым. Вытягивающему на себе четвертую войну генералу было жалко его так, что становилось жалко и себя.

– Три года назад американцы не были готовы к войне с нами, – глухо сказал Сталин, на этот раз глядя на посла и главного военного советника уже в упор. – Именно поэтому они якобы и потратили большую часть времени, продолжая топтаться между Сеулом и Кэсоном и кидая в огонь какие-то щепочки дивизионного уровня. Но за это время численность их вооруженных сил возросла с полутора миллионов до трех с половиной миллионов человек. Военный бюджет – вчетверо и больше. За два, за три года... Про флот я уже молчу... Вы понимаете, что этот может означать, товарищ Разуваев? Не представляя, что можно на такое ответить, генерал-лейтенант расправил плечи и в первый раз за все это время опустил глаза. Он понятия не имел, почему Сталин разговаривает с ним наедине в таком стиле. Если бы в кабинете были Громыко, Берия, Соколовский, Малиновский, если бы шел нормальный предметный разговор,

это было бы гораздо лучше для того, тогда бы он если не придумал сам, то хотя бы понял с подачи других, что нужно говорить. Но так... Неужели Вождю просто хочется выговориться о том, что его мучает?

– Последний раз подобный уровень напряженности международных отношений мы с вами видели в 1949 году. Когда началась война в Корее, при всей ее неожиданности, это было даже полезно. Первый год этой войны позволил сбросить напряжение всем участникам потенциального конфликта великих держав. Те из американцев и англичан, у кого чесались руки повоевать и отмыться за старое, получили возможность повоевать практически в свое удовольствие. Те из них, кто выжил после контрнаступления китайских народных добровольцев, похоже, слегка протрезвели. Помните Зимнюю войну?

– Конечно, товарищ Сталин.

– Помогла она нам протрезветь, как по-вашему?

– Конечно, – снова ответил генерал-лейтенант. Он хотел добавить, что та страшная война их, собственно, и спасла, позволив начать перевооружение, реформу армии за полтора года до подхода их очереди участвовать во вселенской бойне в полную силу – вместо того, чтобы мучительно и безнадежно пытаться делать это уже под вражеским ударом, и так-то прорубившим европейскую часть страны едва ли не на треть. Но сказать это вслух он так и не рискнул – и правильно, разумеется, сделал. Сталин все равно спрашивал не его, а себя.

Еще в течение десяти или пятнадцати минут общение на темы, касающиеся участия в схватке за юг Азии обеих Корей, Китая, Британии, США и Советского Союза продолжалось в примерно том же стиле: генералиссимус говорил, генерал-лейтенант отвечал несколькими короткими словами или просто кивал. У него складывалось все более твердое убеждение, что, несмотря на всю расслабленность и даже чуть ли не потерянность Иосифа Виссарионовича, он на самом деле достаточно трезво его изучает, и вся эта комедия без единого зрителя призвана ответить на какой-то заранее подготовленный им для самого себя вопрос. Касающийся, разумеется, именно его, главвоенсоветника Разуваева. Сталин потратил на него уже больше двух часов и до сих пор не перешел к делу, ограничиваясь общим введением в свое понимание политических аспектов «большой» ситуации. Похоже, всей ее сложности генерал из своего дальневосточного болота до сегодняшнего дня действительно не видел.

– Ладно, – сказал Сталин, то ли прочитав что-то по выражению напрягшегося все же лица собеседника, то ли получив наконец ответ на тот самый, оставшийся с ним вопрос. – Я больше не буду вас обижать, товарищ Разуваев. Вы для этого слишком, гм... разумный человек.

Сталин хмыкнул и неожиданно жестко улыбнулся.

– В ближайшее время мы можем ожидать начала новой войны. Скорее всего – локальной. Вероятнее всего – начавшейся с какой-нибудь серьезной провокации, вроде той, которой с успехом воспользовались немцы в тридцать девятом. А может, и провокации никакой не будет – просто, скажем, ударят по Владивостоку, Баку и Аньдуну двухсоткилотонными атомными зарядами и потом объяснят сочувствующей «международной общественности», что это мы на них вероломно напали.

С улыбкой такие слова не вязались настолько резко, что только-только начавший отогреться внутри генерал чуть не захлебнулся воздухом.

– Если перевести паровоз экономики на военные рельсы, то его уже нельзя просто так, отдав машинисту небрежное приказание, вернуть обратно. А американский... паровоз – это очень большой паровоз... С прицепленным к нему британским тендером, суммарный объем валового национального продукта которого тоже нельзя не уважать. Несмотря на наши успехи, несмотря на оставшуюся позади разруху... Да, страна отстраивается заново, и Советский Союз даже сумел первым в Европе отменить продовольственные карточки, но мы... Мы до сих пор отстаем. В течение трех лет этой войны мы отдавали корейским и китайским товарищам минимум. Через войну прошли и по очереди проходят 10 истребительных авиадивизий, несколько

отдельных авиационных истребительных полков, включая 2 ночных, 4 зенитных артиллерийских дивизии, обеспечение для тех и для других: медики, связисты, интенданты, инженеры. Мы дали им несколько десятков торпедных и сторожевых катеров, несколько сотен самолетов, артиллерийских орудий, танков и самоходок. Сравнительно немного автомобилей и топлива, немного устаревшего для мерок хорошо обученной пехоты стрелкового оружия и чуть побольше боеприпасов. И очень много инструкторов, советников и инженеров, которые строят военные заводы по всему Китаю – на наши деньги. Военная помощь Китаю за последние годы составила... Да, она составила уже более четырехсот миллионов рублей... Это много. Вы, товарищ Разуваев, полагаю, знаете это не хуже меня. А теперь я задам вам один, самый последний на сегодня вопрос. Что, по-вашему, сделает генерал Дэ-хуай, если потеряет две трети своих сил и средств в течение одних суток?

Выйдя из кабинета Сталина почти через два часа после начала разговора, генерал-лейтенант испытал отчаянное желание уехать в гостиницу, потребовать у адъютанта принести из ресторана бутылку ледяной водки и выпить ее в одиночку, глядя на себя в зеркало. Посмотрев на вскочившего с дивана незнакомого подполковника, ожидающего чего-то в приемной, он представил, как Вождю рассказывают об этой картине, и сам себе покачал головой. Уже через несколько минут, шагая вниз по широкой лестнице, застеленной вытканной в цвета ленты ордена Суворова ковровой дорожкой, прищипленной к ступенькам латунными штангами, генерал Разуваев без большого труда заставил себя поверить в то, что на самом деле ему хочется не водки, а кофе. Спускаясь, он продолжил размышлять над цепочкой вопросов, исходящих из того самого «одного, самого последнего», ради которого Сталин потратил свое время на такую некрупную фигуру, как он.

Что сделает товарищ Йен-чан-чун Су-линг-ян² Пэн Дэ-хуай, потеряв две трети или даже половину сил и средств под первым атомным ударом, Разуваеву, как реалисту до мозга костей, было совершенно понятно: он немедленно выведет добровольцев с территории Кореи. Почему – понятно тоже.

Сражение на пороге собственного дома и за выживание собственной страны немедленно станет для него, как и для любого нормального человека, наиболее приоритетным. Возможно, Дэ-хуай оставит какой-то номинальный контингент для партизанской войны – хотя бы просто для того, чтобы сохранить уважение к себе у тех корейцев, кто не способен понять значимость для них выживания Китая как независимого государства.

Что сделает Ким Ир Сен после того, как остатки войск КНД уйдут, а обугленные по живому остатки его собственных регулярных частей во второй раз покатаются от искромсанной линии фронта на север – к горам, за массивы которых можно хотя бы попытаться зацепиться? И на этот вопрос ответ также может быть только один. Ким Ир Сен, человек достаточно неглупый, немедленно начнет переговоры о прекращении войны с теми, кто захочет с ним говорить.

Другой вопрос, что пошедшие на подобный шаг американцы будут прекрасно понимать, что, когда атомные бомбы упадут, никакие переговоры им нужны уже не будут, проблему Кореи они решат чисто военным путем, окончательно и навсегда. Это будет отличным уроком для тех азиатских государств, народы и правительства которых еще не осознали, что шутки кончились, – существования ни одного просоветского режима вне собственно Восточной и Центральной Европы они больше не допустят. И даже если Ким Ир Сену выстрелят в затылок его собственные боевые соратники и по отработанной немцами в 1944 году схеме заявят, что теперь они всецело за демократию и свободу в тех рамках, каковые им соблаговолит предоставить, только не бейте... Нет, и это тоже им уже не поможет. Возможно, кого-то из таких

---

² Командующий действующей армией (кит.); звание, соответствующее генералу армии.

шустрых действительно оставят на номинальной должности, создав очередную марионеточную страну, типа Манчжоу-Го, – но это максимум.

Теперь дальше... Поглядывая на дома, мелькающие в окнах несущей его по Москве машины, генерал пожевал нижнюю губу и покосился на затылок адъютанта-капитана, боящегося пошевелиться на переднем сиденье. Этот адъютант был у него сравнительно новый, но он уже научился немного понимать корейский, и гораздо лучше – понимать самого генерала в те минуты, когда от корейского и китайского языков того уже тошнило. Наверняка это известно и Сталину, как известно ему и то, что генерал-лейтенант В. Н. Разуваев ни разу не позволил кому-то напомнить себе о своих старых ошибках. Возможно, это и предопределило выбор Вождя в свое время – поставить на потенциально звездную должность человека, не боящегося вспоминать о своих военных просчетах, за которые заплачено солдатской кровью. В какой-то степени это было даже полезно. Теперь генерал прекрасно знал границы своей удачливости и своей компетентности. Он не обладал агрессивностью Жукова, тонкостью Конева, невероятной, граничащей чуть ли не с ведьмачеством интуицией Батова. Но он был цепок и умел, и это уже само по себе было много.

– Подъезжаем, Владимир Николаевич, – повернулся к нему на мгновение капитан.

Нечленораздельно буркнув, генерал склонил голову и, снова отвернувшись к окну, продолжил размышлять на ту тему, от которой его отвлекли ненужные размышления о самом себе. Существование Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного в феврале 1950 года Советским Союзом и Китаем, остановило в свое время американцев от прямого нападения на Китай, готового перерасти в новую схватку за владычество над восточным полушарием в тот момент, когда они совершенно не были к этому готовы. Сейчас момент полностью другой, и Корея может оказаться просто подходящим поводом. То, что не слишком, к собственному изумлению, успешно воюющая держава наращивает военный потенциал невиданными за последнее десятилетие темпами, не должно удивлять никого. Это удобно, потому что легко объяснимо. Но вот остальное... Отдельная, очень важная деталь, явно «зацепившая» и самого Сталина, – это то, что американцами и англичанами выводятся из консервации сотни эсминцев, десятки крейсеров и авианосцев. Вот это объяснить Корейской войной уже невозможно – флот у Народной Кореи кончился еще в 1950-м, и 5-6 торпедных катеров, ежегодно переправляемых им по железным дорогам и вдоль побережий служат лишь одной-единственной цели: вызвать ответ, стоимость которого будет гораздо выше, чем стоимость самих катеров – даже если все они до последнего погибнут в бесплодных атаках. Условно говоря, если построить тяжелый бомбардировщик стоит полтора миллиона рублей, то для того, чтобы его сбить, нужно будет потратить все двадцать: сконструировать, довести и построить способный потягаться с ним в небе истребитель, выпускать зенитные пушки, прицелы к ним, производить массу боеприпасов, обучать летчиков-истребителей и зенитные расчеты и так далее... Подобный подход Советский Союз изо всех сил старался применять где только возможно – причем как качественно, так и количественно. Отсюда и практически бесполезная в полномасштабной мировой войне пара легких авианосцев, и безумные по дороговизне линейные корабли, против каждого из которых американцы и англичане в любой момент могут выставить по четыре своих, и все остальное.

Как любой нормальный армеец, генерал Разуваев полагал, что в годы войны стране гораздо выгоднее строить танки и самолеты, чем линкоры и крейсера, но то, что в относительно мирное время флот гораздо полезнее и тех, и других, он уже вполне понял. Созданное всего пять-шесть лет назад первое поколение строевых реактивных истребителей уже устарело, армады всего восемь-десять лет назад не имевших себе равных прославленных «Т-34» или законсервированы, или потихоньку переправляются тем же китайцам. Но при этом и предвоенные, и построенные в самое тяжелое военное время корабли продолжают плавать по своим

морям и океанам и заставляют врагов вводить в строй по пять своих вымпелов на каждый советский: слишком уж хороший, неожиданный урок они получили в 1944-м.

Двадцать минут назад генерал потребовал от своего адъютанта кофе, и тот не нашел ничего лучше, как отвезти его в «Метрополь». Машина остановилась у подъезда, и капитан, выскочив со своего места и потратив полминуты на то, чтобы уже почти профессионально оглядеться вокруг с ладонью на раскнопленной кобуре, открыл ему дверцу. В Корею капитан был неформальным командиром «внешней» группы охраны главного военного советника, состоящей из корейских ребят во главе с их собственным командиром, и то ли неосознанно, то ли совершенно целенаправленно успел многому от них нахвататься.

– Номерок, пожалуйста, – старый, но крепкий еще гардеробщик принял у генерала шинель и фуражку, посмотрев на него цепкими, серьезными глазами. Или бывший пограничник, или старый чекист. Что он, интересно, делал во время войны?

Капитан прошел вперед, в зал, и через минуту вернулся, молча кивнув. Он нравился генералу, поэтому тот и забрал его, тогда еще старшего лейтенанта, из своего округа – Белорусского, Западного, Минского, – как бы он по очереди ни назывался. За войну капитан выслужил лейтенантское звание из сержантского, то есть был тем, кого американцы называют «мустанг», а англичане «ранкер». В строевых частях он успел дорасти всего-то до исполняющего обязанности командира роты мотострелкового батальона гвардейской танковой бригады, но даже уже когда они сработались, генерал Разуваев пообещал себе не держать не старого еще, бывшего строевого офицера при своем дряхлеющем теле слишком долго. Если они сумеют пройти Корею вместе до самого конца, он с чистым сердцем отпустит его учиться. Если получится – сразу в академию Фрунзе, а если нет – то куда возьмут. Он слишком уважал этого мужика для того, чтобы держать его на привязи. Но все это – только если не начнется следующая бойня, в которой пехотинцам, как обычно, будет не до учебы.

Высокий худой человек в черном и белом проводил мрачного генерала к столику в самом дальнем от сцены углу зала. В ресторанах Разуваеву приходилось бывать все же не слишком часто, но что ему там нужно, капитан уже знал. Чашка с горячим, насыщенным сахаром кофе появилась в его пальцах, стоило ему только присесть и протянуть в сторону руку. Выпив ее как курортный жлоб, в два глотка, генерал посмотрел в тисненый узор обивки стен и ощутил, как голова проясняется. Все-таки решение не пить водку было совершенно правильным. Возможно, Сталин завтрашним днем вызовет его уже для нормального, прямого разговора. Почему он выбрал на роль главного военного советника именно Разуваева и почему оставил ему эту должность на все эти годы? Округом он, тогда еще генерал-майор, командовал всего-то с июля 1945-го по февраль 1946-го. Но даже отсутствие равного Курску и Оснабрюку блеска в его военном пути, даже провал его первого удара на Севастополь не заставили Ставку поставить на нем крест. А теперь это. Интересно, для чего его так оберегают? Или ему кажется?

Певица на сцене начала что-то негромко петь – что-то непонятное, то ли без слов, то ли на незнакомом языке. Генерал посмотрел и поморщился: он не любил джаз. Потом, пользуясь ясной головой и четким на ближайšie, как он знал, часы зрением, огляделся и вокруг. Капитан пялился на сцену, но это его право – здесь безопасно. За столиком справа – достаточно спокойная четверка: высокий светловолосый крепыш в парадной форме летчика полярной авиации (в этих знаках различия генерал никогда не разбирайся) и подполковник бронетанковых войск – оба были с женами или подругами. Поймав взгляд генерала, офицеры встали и вытянулись – возможно, не в первый раз, но до сих пор он их не замечал. Успокаивающе качнув рукой и брезгливо скривившись на широкую улыбку одной из женщин, по виду – клинической дуры, Разуваев повернулся в другую сторону. Там оказался одинокий человек в штатском, приветственно поднявший бокал. Стол перед ним был пустым. Товарищ из военного министерства?³

---

³ В феврале 1950 года Министерство (до марта 1946 года – Народный Комиссариат) Вооруженных Сил СССР было раз-

Лицо человека на мгновение показалось генералу знакомым, но потом он понял, что скорее всего ошибся. Более того, даже по самому жесту можно было понять, что это чужак: скорее всего европеец или североамериканец. В Советском Союзе отковырять стаканом или бокалом может разве что женщина, ни одному мужчине такое в голову не придет.

«Предположим, – подумал он, снова уткнувшись взглядом в стену. – Предположим, первый удар их нового наступления будет не атомным. Скажем, химическим. В Корее это действительно может оказаться более выгодно – атомное оружие в гористой местности и при хорошей инженерной подготовке оборонительного рубежа и в самом деле будет не слишком эффективным. Кроме того, при всей убогости системы ПВО, на две трети обеспечиваемой одним их 64-м истребительным авиакорпусом, истребители защищающих небо Кореи полков способны проредить боевые порядки носителей атомного оружия до такой степени, что даже сам успех бомбардировки не сможет компенсировать ожидаемый уровень потерь. И если при ударе, скажем, по Баку или Грозному прорыв даже одного бомбардировщика окупает потерю целого звена с несколькими зарядами на борту, то испепеление какого-нибудь Унсана или Симпо, со всеми их окрестными деревушками, не стоит такого риска – как не стоит он и собственно атомных зарядов, которых на них вдруг придется потратить.

Вероятно, Сталин был совершенно прав, настолько регулярно осуществляя ротацию советских истребительных авиачастей с самого начала их участия в войне. При том, что действительно выдающихся асов эта война пока дала лишь считанные единицы, через Корею прошло уже десять истребительных авиадивизий – считая с отдельными, это 29 полков. Теперь у страны есть уже больше тысячи обстрелянных боевых летчиков-истребителей нового, реактивного поколения, только и мечтающих увидеть «В-29» в своем прицеле.

Бактериологическая война провалилась с тихим, но отчетливым треском, со скандалами в ООН, погасить которые американцам стоило больших трудов. Усилия и материальные средства были ими затрачены огромные, а толку – пшик. Несколько самолетов, «засевавших» север Корейского полуострова и южные провинции Китая полудохлыми мышами и крысами, перьями со вшами и прочей дрянью, были сбиты зенитками или даже легким стрелковым оружием: работать они могли только с малых высот и на ограниченных скоростных режимах – а это, знаете ли, чревато... По крайней мере двое пилотов попали в плен, и это было для них большим везением, потому что сбитых летчиков пострадавшие крестьяне обычно забивали мотыгами... После того, как пилоты поняли, чего избежали, получить от них показания не составило особого труда. Режим прививок, инструктаж в стиле «Делайте, что вам приказано и не задавайте лишних вопросов», дооборудование задействованных боевых машин и их бакобработка, способы доставки и варианты тактики применения... Даже собственно производство возбудителей эпидемий особо опасных инфекций в «рабочих» объемах должно было стоить американцам огромных затрат, многих миллионов долларов – и все это оказалось почти бесполезным. Несколько вспышек чумы и менее чем полсотни погибших (даже включая вспышку в китайском Хэйлунцзяне) не в счет, – как не в счет и несколько погибших в Ляодуне и Ляоси от никогда не встречавшейся здесь формы сибирской язвы. Но когда объем осознанных доказательств, вроде выступлений тех же пилотов перед международной юридической комиссией, а также количество предъявленных ей контейнеров и проб, превысили какую-то значимую черту, бактериологическая война незаметно сошла на нет. В конце концов, японцев из «Отряда 731» полковника Исии американцы вешали почти за то же самое, что уже десять лет спустя пытались практиковать сами, уверенные, что у них это получится лучше... Но не получилось – и не в последнюю очередь благодаря министру здравоохранения Ли Бен Наму и генералу Ли Тон Хва⁴, совершившим буквально чудо, да и благодаря советским врачам тоже.

делено на Военное и Военно-Морское министерства СССР, просуществовавшие до марта 1953 года.

⁴ Бывший майор Советской Армии Василий Федорович Ли и годы войны в Корее имел уже звание генерал-лейтенанта

Им удалось главное: свести эффективность бактериологического оружия агрессоров... Ну, почти к нулю... «Реакция мировой общественности» – это уже вторично, это не значит почти ничего. И все равно, ради одной Кореи нарушать худо-бедно соблюдающиеся конвенции США не станут. Значит, остаются два основных варианта. Первый – это попытка все же нанести поражение корейцам и китайцам при помощи обычных вооружений, просто до упора накачав полуостров войсками и современной техникой, – а затем воспользоваться все более зримым и неизбежным вмешательством Советского Союза для «второй попытки» отжать коммунистическую идеологию в границы СССР или даже РСФСР. И второй вариант, более прямой – непосредственный удар по Советскому Союзу без каких-либо политических изысков. Ведение войны на территории Европы и Дальнего Востока всеми силами, которые США смогут в нее вложить. А это много. Очень.

Генерал Разуваев вяло ковырял вилкой в тарелке с чем-то мясным, постепенно раздражаясь на продолжающую ныть и завывать тетку на освещенной сцене за его спиной и стараясь не замечать, как нагло разглядывает его непонятный иностранец, сидящий за пустым столом. Он думал о том, что всякое действие рождает, рождает и будет рождать противодействие, интенсивность которого будет зависеть от возможностей подвергнувшейся нападению стороны сопротивляться. Людские резервы у Китая и даже Кореи все еще есть. Техникой им будут помогать все больше и больше, на это они могут рассчитывать. Поэтому даже при том, что успех американцев и их союзников в Азии вполне реален, военная победа в Корее и даже в юго-восточном Китае не будет способна перевесить в глазах американского народа и так уже готовый перевалить за 50 тысяч убитых и продолжающий расти список потерь. Значит, будет вариант второй. Или, по крайней мере, может быть. Интересно, зачем Сталин заставил его размышлять над подобными страшными альтернативами, хотя мог бы поступить проще: отдать конкретное приказание и посмотреть, как главный военный советник его исполнит. После чего отдать следующее. И аналогично поступить с генерал-лейтенантом Котовым.

«В этой игре много игроков и много фигур», – подумал генерал, задумчиво водя вилкой по скатерти. Будь он дома, в своем кабинете в Пхеньяне, он расчиркал бы блокнот десятком кружков: «Керк – посол США в Москве», «Келли – посол Великобритании, там же», «Болен – посол США в Париже», «Малик – советский представитель в СБ ООН», – и так далее, сверху донизу. Линии тянулись бы от одного кружка к другому, исчеркивая страницу до такой степени, что она становилась бы похожа на туркестанский ковер. «Мэтьюс – заведомо Европы Госдепартамента США», «Бевин – министр иностранных дел Великобритании», «Вышинский – министр иностранных дел СССР», – окружающих имена кружков становилось бы все больше. Генералу уже не надо было их рисовать, – он и так помнил все эти имена наизусть. Царапкин, Харрисон, Пак Ир У, Чжоу Энь-лай, Пак Хен Ен: премьеры и посланники, представители и генеральные консулы... Судьба этой войны, судьба который уже год недостижимого мира зависела от каждого из них – и одновременно не зависела ни от кого. По отдельности, войну не могли остановить даже сами Ким Ир Сен, Мао, Трумэн, Риджуэй⁵, Сталин и глава «Чаюдан» – «Партии Свободы» Республики Корея Ли Сын Ман.

Они пока не могли это даже вместе. Потому что был и второй слой имен: «генерал Ванденберг – начштаба ВВС США», «генерал О'Доннел – командующий бомбардировочной авиацией», «генерал Пауэр – командующий стратегической авиацией»... Адмирал флота США Джой, генерал КНА Нам Ир... Еще два-три десятка имен и лиц: обе Кореи, США, страны Британского Содружества, Китай, Советский Союз и не стоящая упоминания мелочь, о которой, тем не менее, вспомнил Сталин... Кто из них может знать, что будет дальше? Кто из этих госу-

и являлся начальником военно-медицинского управления КНА и одновременно заместителем министра здравоохранения и заместителем министра обороны КНДР.

⁵ Сменил Макатуру на посту командующего войсками ООН в Корее в 1951 году.

дарств возьмет на себя ответственность за начало новой, уже открытой мировой войны? Или посчитает себя достаточно сильным, чтобы «назначить» за это ответственными своих врагов?

Генерал-лейтенант Разуваев поднял голову от тарелки и с тоской посмотрел на сидящего с рюмкой в руке капитана, на танцующего с белобрысой дурой подполковника-танкиста, на смеющихся и разговаривающих людей вокруг. Генералу было плохо. Он был одиноким и злым. Ему хотелось обратно в Корею. И еще больше ему хотелось командовать армией.

Узел 2.1

Все еще январь 1953 года

38-й пехотный полк 2-й пехотной дивизии армии США начал воевать почти с самого начала корейской мясорубки, выстояв в самые ее страшные дни, когда все, казалось, висело на волоске. Теперь – тут был почти санаторий. Именно это и заявили свежему пополнению в первый же момент после прибытия в часть, когда солдаты один за другим выпрыгнули из заиндевевшего кузова грузовика и построились перед встретившим их высоким скуластым мастер-сержантом в каске, надетой прямо поверх капюшона утепленной куртки.

– Вы прибыли в санаторий, девочки, – сказал мастер-сержант, брезгливо разглядывая строй переминающихся от холода рядовых-новобранцев. – Оглянитесь вокруг, не стесняйтесь!

Он широким жестом обвел цепочку стылых холмов на горизонте и жизнерадостно улыбнулся. Машинально проследившие за тем, куда он указал, новобранцы вздрогнули. На санаторий это было не слишком похоже. Все пространство, куда достигал взгляд, имело белый или серый цвет, с редкими пятнами или прожилками других красок. Ряды траншей, капониры и землянки, выступающие наружу только холмиками обсыпки и выведенными наружу печными трубами – все промерзло насквозь и было занесено снегом.

– Вот ты, девочка! – он ткнул в парня, стоящего слева. – Да, ты! Кто ты такой?

– Рядовой Николс, сэр! – выкрикнул парень, вытолкнув изо рта целый столб белого пара.

– Николс?

– Да, сэр!

– Откуда ты взялся, Николс?

– Из Сиэтла, Вашингтон, сэр!

Мастер-сержант удовлетворенно кивнул и отступил на шаг назад, оглядев короткий строй. Дома 38-й полк базировался на Форт-Левис, и учебный лагерь продолжал поставлять им местных уроженцев.

– Есть здесь кто-нибудь не из Сиэтла? – сурово спросил он после недолгой паузы. – Или вообще не из Вашингтона?

– Я, сэр! Рядовой Мак-Найт, сэр! – это был кто-то с противоположного фланга их строя.

– Ну?

– Из Филадельфии, Пенсильвания, сэр!

– Филадельфия – это не то. Есть здесь кто-нибудь из Теннесси, Западной Вирджинии, Небраски? Из сельских районов Пенсильвании?

– Да, сэр! Я, сэр!

Мэтью задрал подбородок и, стараясь глядеть прямо перед собой, наблюдал, как густой пар, образовавшийся от его дыхания и криков, оседает вниз. То, что Мак-Найт был почти его земляком, он знал – но городской, как обычно, успел первым.

– Твое имя?

Мастер-сержант остановился прямо перед ним, и поскольку он, как с перепугу показалось Мэтью, был выше его почти на голову, то ни подбородок, ни глаза опускать не пришлось – они оказались прямо напротив зрачков темно-карих глаз заиндевевшего «мастера».

– Рядовой Спрюз, сэр!

– Фермерский сынок?

– Да, сэр!

– Стрелять умеешь? На кроликов охотился?

Мэтью еще дважды повторил свое «Да, сэр!», и мастер-сержант наклонил голову набок, пристально его разглядывая.

– Видишь вон то дерево?

Он указал на чуть ли не единственный заметный ориентир в пределах прямой видимости, если не считать собственно гряды холмов вдальеке, – крупный черный ствол почти без веток, торчащий прямо из снега: как будто дерево не росло здесь, а было вбито в мерзлую землю неведомой силой.

– Да, сэр!

– Насколько оно далеко, по-твоему?

Мэтью прищурился и внимательно посмотрел на протянувшуюся по снегу тень. Солнце стояло уже достаточно низко, и тень была длинная, несколько раз изломанная в середине нанесенными ветром складками сугроба.

– Около 300 ярдов, сэр! Возможно, чуть-чуть больше.

Он уже начинал догадываться, что «мастер» от него хочет, и когда тот приказал стрелять, не потратил ни одной лишней секунды. Пуля «Гаранда» ушла в черный, как будто обожженный ствол, и вопроса о точности его выстрела даже не возникло: звука удара с такого расстояния слышно почти не было, но с дерева водопадом посыпался снег.

– Отлично, – кивнул удовлетворенный сержант. – Теперь ты ротный снайпер, Спрюз. Встань в строй и осознай свое счастье.

Мэтью отступил назад, заняв свое место в коротком строю. Произошедшее было для него неожиданным и непонятным, и он еще не сообразил, как надо реагировать на случившееся. Интересно, что случилось с предыдущим снайпером, если на эту должность вдруг назначили его? Насколько рядовой Спрюз помнил лекции в учебном лагере, снайперов готовили по специальным программам, длящимся как минимум на шесть недель дольше, чем стандартная подготовка рядовых-пехотинцев. Впрочем, он надеялся, что это дело разъяснится достаточно быстро – вряд ли причина произошедшего окажется очень уж сложной.

Прибывший в сопровождении капрала второй лейтенант с усталым, плохо выбритым лицом выслушал короткий отчет мастер-сержанта, отдал несколько негромких команд, и уже через несколько минут мало что соображающие рядовые были распределены по взводам. Почему так случилось, Мэтью тоже тогда не понял, поскольку командовать и распоряжаться, по его разумению, должны были офицеры. Но капрал отвел его, Мак-Найта и еще одного выбранного им рядового к блиндажу 1-го взвода, где и оставил перед лицами двух десятков ухмыляющихся или равнодушных солдат-«стариков».

– Вишенки⁶, – констатировал один из них, худой и угловатый, с манерами то ли шулера, то ли уличного бандита. Мэтью всегда таких опасался, ощутил он явственный укол опасности и сейчас. – Добро пожаловать в наше теплое местечко.

В блиндаже действительно было весьма тепло, но Мэтью сумел сообразить, что худой солдат иронизирует. Прошедший половину Европы с автоматом дядька Абрахам рассказывал ему, что если уж ты прибыл на настоящую войну, то нужно сразу занять место в подразделении, став для остальных своим как можно быстрее. Мэтью надеялся, что его открытое и честное лицо сможет расположить к нему бывалых солдат так, как не сделает это его не слишком-то хорошо подвешенный язык. Но... Даже представиться как следует оказалось неожиданно трудно, и Мак-Найт опять оказался первым. Спустя несколько минут, когда тот сообщил о себе все возможные сведения, вплоть до домашнего адреса в Филадельфии, а второй прибывший с ними рядовой тоже рассказал дюжине рассеявшихся вокруг на двухъярусных койках «старичков» о себе, дошла очередь и до Мэтью.

Несмотря на то, что Мак-Найт, выслуживаясь, указал на недавнего фермера с насмешкой, солдаты 1-го взвода выслушали его несложный рассказ спокойно и достаточно доброже-

---

⁶ «Cherries», то есть «вишенки» – прозвище новобранцев в американском армейском сленге. Фактически это слово используется в значении «девственники» (от «To lose someone's cherries» – потерять девственность).

лательно. Многие продолжали дремать или просто лежать по своим койкам, то ли слушая его, то ли нет.

– Дело простое, – сказал тот самый не понравившийся ему сразу худой рядовой первого класса в ответ на известие, что вновь прибывший уже назначен снайпером роты. – Старый снайпер наступил на откуда-то взявшуюся здесь мину и сейчас щиплет за задницы флотских медсестричек где-нибудь на полдороге между Пусаном и Окинавой. Откуда здесь взялась мина, никто так и не выяснил, но парню хватило. Полступни как не бывало. Понял?

Мэтью растерянно сказал, что понял, хотя опять не понял почти ничего. Представившийся наконец-то солдат, восприняв его удивление как должное, расщедрился – и со сложными, не до конца понятыми им подробностями рассказал, что мина наверняка была старая, еще от китайцев. Странно, что на нее наступили только сейчас, и еще более странно, что она сработала. Этот солдат явно был во взводе лидером, и это удивило пенсильванца еще раз: рядом он видел по крайней мере троих капралов и сержантов с коллекцией разнокалиберных по количеству и размеру шевронов на плечах, сидевших молча и вообще ведших себя так, будто они собирались ложиться спать.

Большинство сидящих по очереди представилось. Затем все тот же рядовой дал короткие характеристики на нескольких спящих или дремлющих. Во взводе был некомплект человек в десять, и трое прибывших оказались весьма кстати.

– Большой войны как будто бы не намечается, ребята, – сообщил один из сержантов, разглядывавший что-то на обшитой фанерой притолоке. – Так что расслабьтесь. Но не до конца, потому что нас тут регулярно обстреливают и даже бомбят. Да и мины попадают, как видите. Плюс караулы – а рисоеды нет-нет, да попытаются проползти куда-нибудь под проволокой, пошарить в передовых траншеях... Сами увидите, в общем.

– Бомбят? – не поверил Мак-Найт, и Мэтью поймал его действительно недоумевающий взгляд. Это было, фактически, первый раз, когда он увидел, что городской живчик не так уж и уверен в себе.

Несколько солдат или засмеялись, или, по крайней мере, ухмыльнулись, и на душе сразу стало немного полегче. Дядька рассказывал, что может означать «бомбят», но ни в одном случае он при этом не улыбался, так что скорее всего здесь это будет не так страшно.

Так оно, в общем, и началось для него на этой войне. Она действительно оказалась самая настоящая – с артиллерийскими и минометными обстрелами, ночным стрекотанием над головой и ответным ревом двигателей: «ночники» с пасущихся в полусотне миль от побережья авианосцев Флота без толка гонялись за невидимыми в темноте бомбардировщиками рисоедов. Полк стоял во втором эшелоне обороны, восхитившей рядового Спрюса обилием и разнообразием инженерных ухищрений. В передовых траншеях их участка фронта вяло перестреливался с коммунистами потрепанный полк южнокорейцев, по полутора-двухмильное расстояние до собственно линии боевого соприкосновения не являлось таким уж большим: снаряды сюда вполне долетали. Более того, на второй же день пребывания новичков в роте они увидели, как один из прошедшего на юг всего в 50-60 метрах над их позициями звена «Тандерждетов» волочит за собой длинный дымный хвост. Все-таки они попали на самую настоящую войну.

Тогда же, после официального представления исполняющему обязанности командира роты «Д» первому лейтенанту, Мэтью Спрюс был окончательно утвержден в должности снайпера, получив оставшуюся от старого снайпера винтовку с оптикой и несколько пачек патронов. Отказываться он не стал, потому что это не принесло бы никакой пользы. Учебный лагерь твердо убедил призванного непосредственно с кукурузных полей пенсильванца в том, что если ему что-то приказывают, то это навсегда – вне зависимости от того, хочешь ты этого или нет. Причем правомочность этого приказа легко проверялась простым пересчитыванием количества шевронов на плече или взглядом на то, что находилось у приказывающего в петлицах.

«Делай, что тебе говорят, и старайся делать это хорошо», – этот принцип никогда не подводил рядового Спрюса ни в мирной жизни, ни в учебном лагере, и Мэтью твердо собирался следовать ему и в дальнейшем.

2-я пехотная дивизия, в состав которой входила их часть, сейчас насчитывала только два полка. 23-й пехотный уже несколько месяцев занимался где-то в тылу охраной лагерей военнопленных, которые, по слухам, бунтовали не переставая. В качестве компенсации два других полка, оставшихся на линии фронта, «размазали» по всем ее старым позициям и закопали в землю по самые уши. Коммунисты не наступали уже давно, и большинство опытных солдат дружно сходилось на том, что это не к добру.

– Вот видите эти холмики? – указал на те самые возвышенности вдалеке яйцеголовый, бритый наголо капрал, взявший всех троих новичков прогуляться по сети идущих в разных направлениях траншей ротного опорного пункта. – Там сидят рисоеды-коммунисты. В ноябре им удалось потеснить южных рисоедов мили на три, и прежде, чем мы вмешались, они уже врылись в грунт в полный профиль и обложились минами. Мы атаковали их два раза, и оба раза неудачно...

Капрал достал откуда-то изнутри куртки сигарету и прикурил от предыдущей, сведенной уже к коротенькому окурку. Им он не предложил. Впрочем, Мэтью и не курил как следует – отец с матерью, пусть и постоянно ругающиеся между собой по любой мелочи, не одобряли этого совершенно единодушно. Теперь можно будет, наверное, курить не тайком и хоть каждый день, но вряд ли стоит начать именно сегодня.

– Попросите ребят, – продолжил капрал. – Они вам расскажут, как мы тут топтались. Второй раз вообще было на редкость погано. Артиллерия молотила холмы почти сутки, авиация летала и бомбила так, что мы только подпрыгивали.

– И что? – спросил Мэтью, как капрал явно и ожидал.

– А то. Ну, мы поднимаемся из окопов, за нами танки и все такое, – и тут коммунаги открывают огонь и кладут нас носом в землю. Два танка подбивают – мы вообще не поняли из чего, и остальные уходят назад. Мы за ними, разумеется. Четверо раненых на взвод. А во 2-м вообще двое убитых. Ну капитан и приказал отходить, потому как мы не морская пехота и даже не китайцы, чтобы с боевым кличем «Я трахал это!» лезть на неподавленные пулеметы... А потом кто-то решил, что черт с ними, с этими холмами, ничего они не значат, – и вот с тех пор мы тут, ребята, и околачиваемся. Впрочем... – Он в очередной раз крепко затянулся и бросил окурочек под ноги. – Раз начали присылать пополнение, то скорее всего, скоро дело пойдет. Это не просто так нам аж девять рядовых на роту прислали. Плюс этот тип из третьего взвода вчера из госпиталя вернулся. Наступление ожидают, что ли? Ну да кто же нам расскажет...

– А что рядовой... – Мэтью замаялся, поскольку не запомнил фамилию удивившего его солдата, а описывать его страшноватую внешность так, как воспринял ее, не хотел.

– Джексон, – вовремя подсказал Мак-Найт.

– «Хорек»-то? Он бывший сержант первого класса. С него сняли сержантские шевроны за то, что спер ящик пива из офицерского бара в лагере Красного Облака. Но он во взводе главный до сих пор. Вы нашего взводного видели? Он на голову озадаченный и в пехотной тактике понимает, как квакерский священник, а в том, чего в бою могут стоять коммунисты, – вообще никак. Только пистолетиком размахивать горазд и орать – ну, это сами поймете... Ждем – не дождемся, когда его переведут куда-нибудь или хотя бы ранят и отправят домой, всего обвешанного медалями. Может, тогда воевать начнем по-человечески. Ты его видел уже?

– Нет, – покачал головой Мэтью, в то время как остальные просто ждали того, что им будут рассказывать дальше. Сам он с неожиданным неловким чувством осознал, что капрал обращается в первую очередь к нему, а двух остальных прибывших вместе с ним солдат практически игнорирует. Это было непривычно и немного приятно. Пока кутающийся в куртку капрал продолжал рассказ о том, что находится в нескольких километрах по сторонам от их

опорного пункта, рядовой Мэтью С. Спрюз, продолжая машинально кивать, поразмышлял о необычности такого отношения и решил, что его стоит отнести исключительно на счет назначения его снайпером. Чтобы избавиться от неловкости, он машинально потрогал торчащий из-за плеча ствол своей новой винтовки и подумал, что ее стоит пристрелять сегодня же.

Было уже около полудня, когда наконец-то появившийся командир взвода обратил внимание на свежее пополнение. Они представились второму лейтенанту по всей форме, как положено задрюченным в учебном лагере новобранцам. Тот же бритый капрал сообщил взводному, что рядовой Спрюз утвержден действующим командиром роты в должности ротного снайпера, и Мэтью воспользовался случаем попросить о возможности пристрелять винтовку и осмотреть передний край, – это было буквально все, что он мог себе представить из обязанностей снайпера подразделения, находящегося во втором эшелоне. Лейтенант ничего не сказал и только пожал плечами, а потом отвернулся. Если бы не утренние слова капрала, знакомство с ним оставило бы впечатление о лейтенанте как о немногословном и явно умном человеке (к таким Мэтью всегда относился с робостью), но лишь один день рядом с войной, в сочетании с тяжестью без счета выданных ему патронов в подсумке, придали рядовому такую уверенность, что он стал несколько критичен и даже позволил себе внутренне усмехнуться.

В течение нескольких следующих дней поступившее в роту «Д» пополнение вполне асимилировалось. Новоприбывшие бойцы пообтерлись и постепенно перестали смотреть вокруг с тем смешанным выражением испуга и любопытства, которое всегда отличает молодых солдат. Окончательно статус рядового Спруса утвердило занятие на батальонном стрельбище, располагавшемся милях в пяти или шести к югу. Форсированный марш в полной выкладке – это всегда не сахар, а уж на таком морозе – тем более. Тем не менее, 1-й взвод совершил его в отличном темпе и слитно, как один сапог, подтвердив самим себе неизменно отличный уровень подготовки американской пехоты. Стрелковые упражнения также были обычными: по 60 патронов на человека, грудная мишень на 50 ярдов из положения стоя, грудная мишень на 100 ярдов из положения лежа, «пулеметное гнездо» на 150 ярдов. Отстрелявшись, взвод построился и почти немедленно перешел на бег, подгоняемый ругательствами своего командира. Пристроившись к солдатам первого отделения, Мэтью побежал было вместе со всеми, но приказ первого лейтенанта, исполняющего обязанности командира роты, выдернул его из общего строя. Остановившись, он проводил окутанную снежной моросью удаляющуюся колонну недолгим взглядом, прежде чем подбежать к первому лейтенанту и застыть в ожидании приказаний.

– Неплохо отстрелялись, – заметил ротный, глядя на часы. Было где-то восемь утра, и до того, как до стрельбища доберется 2-й взвод, сменный на позициях 1 -м, у них было, наверное, еще почти два часа. – Хочешь еще? ? Стрелять Мэтью хотелось не слишком, потому что стрельбище было оборудовано плохо, и вместо соломенных матов на огневом рубеже лежали просто доски, брошенные на промерзшую землю. Лежать на них было неприятно, и, даже изо всех сил концентрируясь на стрельбе, чтобы не ударить лицом в грязь, он все равно ощущал, как мерзнет. В то же время, по его представлению, ни один «настоящий» снайпер никогда не стал бы отказываться от дополнительного упражнения, поэтому он сказал «Да».

Хмыкнув, и. о. командира роты поднял с земли многократно простреленную и ищарапанную каску с намалеванной на налобнике красной звездочкой, а потом снял свою собственную каску стандартного образца. Держа последнюю в руках, он стащил с нее потертую покрышку серого цвета и натянул ее на каску убитого когда-то китайца или северокорейца. Даже это само по себе вызвало у Мэтью очередной укол удивления – на тех плакатах, которые им показывали в учебном лагере, все коммунисты носили исключительно меховые шапки или просто кепи, касок не было ни у одного.

– Пятьсот ярдов пойдет? – спросил первый лейтенант. Отвлечшись на нехоти пришедшую в голову мысль, Мэтью не нашелся, что ответить сразу, и поэтому офицер, не дождав-

шись его, широкими шагами двинулся вперед. Чтобы преодолеть назначенную дистанцию, ему потребовалось несколько минут, поэтому свежее испеченный снайпер успел разобраться в том, что ему предстоит. Пятьсот ярдов – это очень много. Попасть с трехсот или трехсот тридцати в широкий древесный ствол он не затруднился, но в каску... Это даже меньше, чем стандартная грудная мишень, да еще покрывка, которую лейтенант зачем-то на нее надел. Хотя зачем – это как раз понятно, – сделать задачу труднее. Наверное, какой-то смысл в таком упражнении есть, но... Скорее всего, он просто промахнется, и его свежечычищенную винтовку отдадут какому-нибудь другому любителю стрельбы по кроликам в вырубленных и высохших августовских кукурузных полях, хрустящих от его бега.

– Здесь! – крикнул офицер издали, то ли просчитав шаги сам, то ли найдя какую-то знакомую метку. Ну конечно, здесь же должны упражняться, скажем, пулеметчики, поэтому и разметка должна быть ярдов до семисот или даже восьмисот, а то и до полной тысячи.

Только потому, что командир роты показал нахлобоченную на сформированный несколькими движениями его сапога сугробчик каску, и лишь потом двинулся в обратный путь, – только из-за этого Мэтью сумел быстро найти ее взглядом. Все же зрение у него было что надо – излишним чтением их в школе не перегружали, поэтому похожий на сосок козьего вымени холмик, увенчанный укутанной серой покрывкой каской, он смог отыскать и тогда, когда лейтенант вернулся к нему.

– Готов? – спросил он.

– Да, сэр.

Только сейчас Мэтью снял с плеча винтовку и аккуратно откинул заглушки с линз оптики. Снег вроде бы не шел, разве что отдельные снежинки поднимало ветром с земли, но стекла все равно могут обмерзнуть, и тогда он точно ничего не увидит. Надо бы носить с собой флакончик со спиртом или эфиром – как раз для таких случаев; но где можно достать спирт, он еще не выяснил. Более того, в рассказ о том, что спирт ему нужен для подобных глупостей, никто, скорее всего, просто не поверит...

– Зарядить оружие!

Стреляя вместе со взводом, он пользовался обычными патронами. Теперь же, подумав, Мэтью распечатал пачку, оставшуюся от подорвавшегося снайпера, владевшего этой винтовкой до него. Патроны были масляно-желтыми и на вид – неуместно теплыми на таком морозе. Один за другим Мэтью задвинул их в приемный паз обоймы, вщелкнул ее на место и поворотом рукоятки затворного механизма взвел боевую пружину, услышав, как сработала прекрасно отлаженная механика. Осталось тронуть предохранитель, и все – оружие было готово к стрельбе.

Поглядев под ноги, он лег на доски и выложил ступни своих длинных нескладных ног так, чтобы носки утепленных сапог смотрели друг на друга. Куртка сплюснулась под весом его тела, и холод почти сразу начал проникать и под кожу.

– Стреляй, когда будешь готов, – приказан офицер сверху.

Сделал он это вовремя, а то бы пришлось выворачивать голову, чтобы поймать его взгляд. То, что этого делать не пришлось, сэкономило Мэтью почти полминуты, и от этого он окончательно проникся уважением к и. о. командира роты.

Найдя нужный бугорок сначала невооруженным взглядом, а потом в прицеле, он мягко подвел его разметку под указанные лейтенантом пятьсот ярдов. Увеличение было слабым, но света хватало, и видно все же было сравнительно неплохо. Проверив прицел еще раз, Мэтью прижался щекой к отполированной поверхности приклада и только тогда, подышав напоследок на оголенные трехпалой рукавицей, замерзшие уже пальцы, впервые дотронулся до спусковой скобы.

Выстрел! Ему показалось, что лежащая в перекрестье прицела маскирующаяся под цвет грязного снега каска дернулась, но она осталась на месте. Дешевую автоматическую снайперскую винтовку пока не придумали, поэтому передернуть затвор той, которая у него была,

заняло еще почти целую секунду, прицелиться – еще две. Снова выстрел. На этот раз энергии пули хватило на то, чтобы своротить небрежно сделанное из слегка спрессованного снега основание, и каска улетела далеко в сторону.

– Неплохо, – заметил лейтенант, оторвавшись от бинокля. Очень неплохо, Спрюз. Для пятисот ярдов – так вообще отлично.

Поняв, что стрельба окончена, Мэтью проверил положение предохранителя и поднялся с досок.

– Что ты скажешь о винтовке?

Не зная, что ответить, Мэтью погладил пистолетную рукоятку и пожал плечами.

– Я не снайпер, – честно ответил он. – Но мне нравится. Прицел новый.

Офицер кивнул. Винтовка была достаточно уже устаревшей – «М1903А4», но прицел на ней действительно стоял последней модели. Впрочем, он был лишь ненамного менее хреновым, чем предыдущие. То, что пеисильванец со второго выстрела сумел попасть в замаскированную каску с 500 ярдов, его впечатлило. Это было почти вдвое меньше «теоретической» предельной границы прицельной стрельбы снайперской винтовки, но весьма близко к границе ее реальной эффективности. Поднявшись за девять лет от своего первого боя до первого лейтенанта, и. о. командира взвода научился ценить хорошую стрельбу в тех случаях, когда сзади не порывается моторами автоколонна с предназначенными для его подразделения боеприпасами. Парня стоило запомнить.

Через несколько минут, разбрасывая ногами камешки и комки смерзшейся грязи, первый лейтенант дошагал до перевернутой набок каски и с удовольствием понял, что и ошибся, и не ошибся одновременно. Лопух-новобранец попал в цель оба раза, но первая пуля прошла касательно, разорвав тонкую ткань и от ricochetив от крутизны стального горшка в том месте, где у человека находился бы висок. Вторая пуля попала почти точно в лоб, и иод таким углом и на такой дистанции пробила сталь без труда. Будь в ней в это время рисоед-коммунист, ему снесло бы крышу черепа. Лейтенант облизнул потрескавшиеся от ветра и мороза губы и пожал плечами. Никого лучшего на эту должность он в ближайшие дни все равно не найдет, а поведение китайцев ему весьма не нравилось уже давно. От них можно было ожидать любой пакости, и лучше, чтобы рота была пополнена до штатного состава хотя бы к 30 января. Тогда есть шанс, что им удастся хорошо поработать, если коммунисты ограничатся локальным ударом по измотанному полку южнокорейцев и их батальону.

– Выберешь себе второго номера, – приказал он, вернувшись к ожидающему его рядовому с каской в руке. – И завтра же пойдешь к соседям, познакомишься с Большим белым мужчиной.

Он помолчал, дожидаясь то ли реакции молодого снайпера, то ли чего-то еще, и, не дождавшись, объяснил:

– Это прозвище снайпера роты «Е». Он уже полгода здесь.

Видел он все, что ты только можешь себе представить. Я попрошу их лейтенанта, пусть Большой сводит тебя на линию фронта, покажет, что к чему. Меня ты устроил. Посмотрим, устроишь ли ты коммунистов.

Узел 3

Начало февраля 1953 года

1 февраля 1953 года советский военный советник при флагманском минере военно-морских сил КНА товарищ До Вы, то есть капитан-лейтенант Вдовый, встретил в отличном настроении. Несколько дней он провел в Нампхо, затем еще несколько – в Соганге, потом снова день в Нампхо. Днем 31 января он вернулся в передовую военно-морскую базу Со-ганг и, едва ли выспавшись за обрывок ночи, к 2:30 следующего утра был уже на пирсе.

Импровизированный минный заградитель, в мирной жизни – безымянный кунгас, а теперь «Вымпел № 4», загружался минами с подъехавшего прямо к сходням грузовика. Взвод солдат-корейцев из батальона береговой обороны, разбившись на две бригады, аккуратно скатывал тележки с якорными минами заграждения с досок, выложенных наподобие огражденного перилами моста, трещавших и прогибающихся под их весом. Мины были старые, производства межвоенных лет, классического «образца 1916 года», то есть отлично знакомые Алексею еще с курсантских времен. Грузовик брал две таких мины, кунгас – шесть. Уговорить его командира взять хотя бы еще пару не удалось, и поскольку в море все равно предстояло выходить именно ему, а не военному советнику, то на этом и ограничились.

Весила каждая мина 750 килограммов, и, помня, как это было в те годы, когда они зелеными курсантами таскали эти мины по рельсам, Алексей мысленно сжался. Солдаты, натужно ухая, дружно вцепились в очередную тележку и достаточно ловко вкатили ее на палубу минзага, освещенного с берега парой прожекторов. Его двадцатилетний командир орал и размахивал шапкой. У него не было даже военной формы, но на корме его кораблика с флагштока свисал самый настоящий красный флаг. Впрочем, его можно было трактовать просто как «имею на борту взрывоопасный груз».

– Товарищ военный советник, – подошел сзади переводчик. – Товарищ капитан спрашивает, будут ли от вас какие-нибудь еще указания.

– Да, – кивнул Алексей. – Всех лишних немедленно убрать с пристани.

Он обернулся и увидел, что погрузка уже почти закончилась, – оставались последний грузовик и последняя мина. После этого капитан-лейтенант посмотрел в темное еще небо. Вызванная необходимостью ночной погрузки иллюминация может привести к тому, что все уважающие себя «ночники» слетятся к ним, как мотыльки. Причем вооруженные до зубов. И если зенитчики, дай бог, сумеют отогнать одиночку-охотника, то он, проникнув к ним почтением, в любом случае наведет на базу уже загруженное как следует и готовое к драке звено бомбардировщиков. А истребителей на прикрытие выхода убогого минзага никто не даст, можно даже не просить. Остается только молиться, чтобы свет никто не увидел. А корейцам – чтобы их посуда не попала к какому-нибудь шарящему между островами сторожевику.

– Уводите грузовик, как только они скатят, – сказал Алексей. – И всех лишних тоже уводите. Как только они закрепят все мины, немедленно свет долой. Если американцы налетят, здесь одно мокрое место от всех останется. Видывал я такое...

Он ожидал, что Ли направится к капитану и передаст ему совет, но переводчик вместо этого подбежал прямо к грузовику и сам прокричал что-то на своем чирикающем языке ждущему шоферу. Дождавшись, чтобы солдаты забросили доски в кузов, он, взмахнув рукой, выкрикнул несколько энергичных слов (отчего те разразились приветственными воплями), и все тут же трусцой побежали в сторону собственно порта. За ними покатила и сама грузовик.

Все-таки лейтенантское звание на войне – это достаточно много, даже на флоте. И даже при том, что Ли – китаец, а батальон корейский. Алексей уже знал, что имя Хао Мао, произнеся которое в первый раз, переводчик ждал от него улыбки, а то и насмешки, означает всего лишь

Хорошая Шерсть. На севере Китая скотоводство было развитым, и его родители, небогатые крестьяне, назвали своего младшего сына на удачу. Еще одного лейтенанта, с которым Алексей успел познакомиться, – командира базирующегося на Соганг патрульного катера, звали в переводе на русский Крепкая Сталь. Можно было догадаться, что его отец был из рабочих.

– Давай! Давай! – прокричал с кунгаса высокий жилистый кореец в шапке, «уши» которой стояли торчком, как у зайца. Это само по себе придавало ему достаточно забавный вид, а выученное им за несколько часов подходящее русское слово сделало бы ситуацию окончательно комичной, если бы этот молодой офицер не должен был выходить в море уже через полчаса. Ставить мины между островами, в надежде на то, что на них подорвется какая-нибудь шхуна, везущая продовольствие и боеприпасы островным гарнизонам юж-нокорейцев – а если повезет, то и тральщик. И еще больше надеясь, что в процессе минной постановки его никто не обнаружит.

Погрузка уже заканчивалась. Не сумев поймать его взгляд, Алексей обернулся, и Ли тут же оказался рядом, дожидаясь новых указаний. Все же командиру минзага потребовалось еще несколько минут, чтобы тщательно проверить выстроившиеся на палубе мины, и только после этого он взбежал на пирс и молча остановился перед ними.

– Погрузка произведена недостаточно быстро, – высказался Алексей, глядя прямо перед собой. Ли перевел, и от военного советника потребовалось усилие, чтобы не посмотреть в лицо корейского моряка. – Если у вас будет такая возможность, я рекомендую тренироваться в погрузке до тех пор, пока вы не сумеете сократить ее время вдвое. Учебных мин нет, поэтому я попрошу товарища капитана обеспечить вас деревянными чурбаками. Значение тренировки вам понятно?

Только задав этот вопрос, он перевел наконец взгляд и встретился глазами с командиром «Вымпела № 4».

– Да, товарищ военный советник, – утвердительно кивнул кореец. – Я знаю, что мы плохо справились, но бойцы редко привлекались к подобным работам. У них мало опыта.

– Будут чаще, – пообещал ему Алексей, сумев наконец-то, улыбнуться с чистым сердцем. – Нам обещали мины и минные защитники. В сорока милях отсюда ходят корабли и суда интервентов, и если мы собираемся мешать им снабжать свои гарнизоны, высаживать десанты и разведгруппы, то нам всем придется воевать лучше, чем мы воюем сейчас. Погрузка мин – это тоже война.

Офицер кивнул. Ему явно не терпелось, более того, в своем нетерпении он был совершенно прав. Утренние сумерки с их зимним туманом были на вес золота – вовсе не каждый американский, британский или южнокорейский сторожевик имел ежеминутно готовый к фактической работе радар, а мимо эсминца ребят, дай бог, пронесет. Так что пока не взлетели дневные разведчики, «Вымпел № 4» должен выставить мины в проливе. В принципе, они успевали.

– Удачи! – коротко пожелал Алексей корейцу, и тот, пожав его руку, напряженно кивнул. Удача им понадобится, в этом сомнений нет. Сегодняшняя операция была, по местным меркам, достаточно рутинной, но для нового советника она была первой, разработанной полностью самостоятельно. Повезет ли ему, как иногда везет новичкам? Не придет ли в голову флагманскому минеру военно-морского флота КНДР, пожилому флегматичному мужичку с усталыми собачьими глазами, что молодого русского до реального дела допускать незачем. Мол, его работа – заглядывать через плечо в карты и таблицы и робко подсказывать глубины установки минрепов и соотношение мин к минным защитникам в каждой индивидуальной банке. Одной – у Тэчон-До, другой – у Тэйонпонг-До, третьей, если повезет и им это разрешат, – аж у самой пасти тигра, между Махангом и островами Сокмо-До, где вражеские сторожевые катера считаются на дюжины. Пожалуй, можно вспомнить, что в Европе подобный масштаб минно-заградительных операций (таких, как сегодня – шесть мин на единственном

убогом, вооруженном одним пулеметом кунгасе) вызвал бы просто смех. Но здесь это не было смешно...

Где-то внутри посуды взвыл и застучал двигатель. Освещение с берега уже погасло, и в еще полной по зимнему времени темноте ходовые огни кунгаса светились, как планеты в ночном небе юга. Потом, мигнув, погасли и они.

Лейтенант выкрикнул несколько команд, и темные фигуры матросов забегали у причального борта. Через два десятка секунд минзаг, качнувшись, отвалил от брусьев причала, унося с собой полдюжины сделанных в СССР морских якорных мин. Лично проверив каждую, Алексей был уверен, что они не подведут. Год выпуска на формулярах к минам стоял 1938-й. Ему показалось странным, что их, во-первых, производили в годы, когда на вооружение были уже приняты более современные образцы, а во-вторых, так и не использовали в Отечественную, но это могло быть просто проявлением секретности, как и намалеванные на корпусе широкими мазками сурика непонятные ему иероглифы. С другой стороны, ему понравилось, что минрепы у мин были не из тросов, а из чередующихся с участками тросов коротких фрагментов крепких цепей. Насколько он помнил, делать такие минрепы начали действительно сравнительно недавно – так что, быть может, мины и в самом деле достаточно новые. Предполагалось, что цепи должны заклинивать резак трапов, подтягивая мины к бортам тральщиков. Более того, такие минрепы делали малоэффективными параваны-охранители, с какими здесь ходили, насколько Алексей знал, почти все крупные боевые корабли интервентов. Вероятно, из экономии длина минрепов была уменьшена со стандартных 400 метров вдвое – этого вполне должно было хватать, что для Финского залива, что для мелководных Западно-Корейского залива и Желтого моря. В любом случае, стоимость изготовления такого минрепа вполне окупалась массой интересных возможностей, сразу встающих перед теми, кто занимался тралением. Сейчас это был не он, это были враги, поэтому Алексей стоял, улыбаясь, и шурился на серое мерзлое море.

Минный заградитель уже разворачивался, показывая переделанную в транцевую, как у эсминца, корму с узкой рельсовой колеей для ската. Ребятам где-то три часа хода до района выполнения боевой задачи, и каждую минуту их могут перехватить. Сама постановка заграждения может занять минут пятнадцать или двадцать – и это уже напрямую зависит от подготовки команды, в которой Алексей вовсе не был уверен. Даже самого командира минзага он встретил вчера первый раз в жизни, и хотя парень ему весьма понравился, но опыт есть опыт: кадровый военный моряк, капитан-лейтенант Вдовый отдал бы четверть наличного корейского запаса мин только на то, чтобы вытренировать офицеров и матросов так, как в свое время тренировали его самого – до безрассудного автоматизма.

Отняв ладонь от виска, Алексей обернулся от дунувшего в лицо порыва холодного ветра с моря, принесшего стук двигателя и голоса команд. Лейтенант Ли стоял рядом, за плечом, и, оказываясь, тоже отдавал честь – то ли помня правила, то ли просто копируя его. Солдаты-корейцы, грузившие мины на борт, и несколько портовых матросов также стояли на пристани и на мостках. Без всякого подобия строя, просто отдельными группками по несколько человек, они стояли почему-то в полном молчании. Это было не просто «тихо», без выкриков и пожеланий удачи: молчание было каким-то неживым. Именно поэтому Алексей не почувствовал их за спиной – как любой человек, включая его, осознает присутствие других людей. Эта мелочь почему-то неприятно уколола его, и хотя ничего страшного в произошедшем не было, на душе от этого остался холодный, нехороший осадок.

Шагая к домику столовой передовой ВМБ, Алексей продолжал морщиться и уговаривать, убеждать себя в том, что в чужой стране могут и должны быть свои собственные традиции и суеверия, тем более в стране отсталой – какой, надо признать, является Корея. В советском флоте плохой приметой считалось отвечать на пожелание удачи в бою вежливыми словами. Может, и не везде, но по крайней мере на Балтийском и Северном флотах, где Алексей воевал

от самого первого и до самого последнего дня войны, на такое пожелание надо было или выматериться, или как минимум грубо обругать пожелавшего. Почему – черт его знает, но вот так прижилось... Может, как рудимент какой-то народной традиции стародавних времен. Можно было припомнить, например, что в деревнях матерными ругательствами до сих пор отгоняют болезни от скота.

Ну кто его знает, как принято провожать в бой у корейцев... Может, у них так и надо: стоять, как на похоронах соседа, морща лицо от ветра, но не произнося ни слова. Интересно, переводчик Ли знает, или ему это так же удивительно – как китайцу из северной провинции и вдобавок бесконечно далекому от моря и военного флота человеку?

Внутренне посмеиваясь и проникаясь к своему «второму языку» все большим уважением, Алексей отмечал, что Ли ежедневно записывает на бумажки новые для себя слова и проговаривает их по 20 раз в день, пока произношение не станет если не чистым, то по крайней мере понятным. «Минреп», «гальвано-у-дарний», «ком-бини-рован-ний» – на этом слове он пока спотыкался чаще всего. Лейтенант с минзага, с его освоенным за полтора часа «Давай, давай!», мог оказаться в итоге гораздо более талантливым. Но слово было нужное – едва вступив в должность, Алексей сразу начал терзать флаг- минера по поводу необходимости использования современных, или по крайней мере «более современных», мин, – с индукционными, акустическими, комбинированными взрывателями, приборами срочности и кратности, и так далее. Если умело их применять, то даже не прикрытое береговой артиллерией и ударной авиацией, «мертвое» по сути заграждение может стоить интервентам немало пота. А пока они его будут тралить – можно будет поставить другое, в другом месте. Или в двух.

Погрузившийся в свои мысли Алексей вдруг заметил, что комвзвода Ли сзади начал какой-то разговор. Он обернулся на незнакомого солдата или матроса, зачем-то увязавшегося за ними, и тут в его голову пришла очередная неприятная мысль. Флагманский минер, советником при котором являлся капитан-лейтенант Вдовый, проводить заградитель в боевой поход не пришел. Почему – опять же, бес его знает. Он немолодой человек, и в два с лишним часа ночи, когда началась погрузка, а тем более к моменту выхода ему наверняка очень хотелось спать. С вечера они работали вместе, но вопрос о том, нужно ли Алексею идти на причал, а флаг-минеру оставаться, даже не вставал – все решилось как-то само собой. Плюс задача опять же была микроскопической: наверняка надменный старший офицер предположил, что шесть мин не стоят того, чтобы, не выспавшись, два-три дня потом ходить как поскользнувшийся. Но все равно... Когда балтийские «Марти» и «Урал» уходили ставить мины, было понятно, что флагманский минер флота должен или идти с ними, или, по крайней мере, непрерывно держать руку на пульсе происходящего – готовясь требовать прикрытия авиации, помощь Отряда легких сил и так далее. Никакой помощи, разумеется, почти никогда не было даже на той войне и уж точно не будет на этой, но Алексей, мысленно матюгнувшись, заключил, что спокойствие, с которым флагманский минер флота коммунистической Кореи относится к своей работе, объясняет то, что к ней с таким же спокойствием относятся и американцы с англичанами.

Они подошли к столовой и остановились, обметая сапоги заботливо приставленной к крыльцу метелочкой из плотных, коротко обрезанных сухих стеблей.

– Проголодались, товарищ военный советник? – спросил лейтенант Ли.

Проголодался Алексей отчаянно, потому что встал почти немедленно после того, как лег, а завтрака в четверть третьего ночи, разумеется, не было и быть не могло. С тех пор прошло не так уж и много времени, но все эти часы он провел на морозе, ощущая, как холодный ветер пробирается через швы бушлата. На часах не было еще шести, а он уже устал и наголодался впрок на целый день. Хотя если лейтенант со своим «Вымпелом» придет вовремя и без мин, то это, разумеется, будет стоить любого голода.

Заранее истекая слюной, он вошел в помещение столовой – немаленькую квадратную комнату, уставленную лавками и столами, со стенами, расписанными наивной батальной живописью.

– Что это такое изображено? – спросил Алексей переводчика, активно работая ложкой над миской с горячей рисовой кашей – насколько он уже понял, традиционным завтраком корейских моряков.

– Товарищ Ким Ир Сен, – сообщил тот.

– Ну, это понятно. А что он делает?

Лицо вождя корейских коммунистов Алексей уже научился узнавать: на большинстве изображений оно было одухотворенным, как, скажем, лицо декламирующего поэта. То, что на изрисованной гуашью стене, яркие краски с которой радовали глаз любого завтракающего или обедающего во флотской столовой передовой ВМБ Соганг, изображен именно будущий маршал Ким Ир Сен, Алексею было попятно. Непонятно ему было то, что делает Ким с таким странным видом. Местный художник, пожалуй, не слишком блистал талантом, и будущий маршал на росписи выглядел странно: его вдохновенное лицо не слишком вязалось со схематично изображенной винтовкой в руках и ползущей мимо колонной грузовиков.

Переводчик Ли спросил о чем-то солдата из рассеявшегося за соседними столами взвода, добравшегося до столовой на 10-20 минут раньше их. Тот обменялся с друзьями несколькими быстрыми фразами, и переводчик Ли коротко сообщил, что нарисованная на стене сцена изображает отряд Антияпонской партизанской армии, который готовится к нападению на воинскую колонну японских захватчиков. Подумав, он добавил, что это происходит в Маньчжурии, в Китае.

– Да, – кивнул Алексей. Ну что ж, таким вождем можно гордиться. Молодой коммунист, с нуля создавший партизанский отряд, затем целую армию, мужественно дравшийся с интервентами без всякой надежды на успех и за считанные годы после завоеванной общими усилиями победы превративший сельскохозяйственный и ресурсный огрызок Японии в молодую и гордую своей независимостью страну, – это действительно, без шуток, вдохновляло.

– Я рад за вас, – искренне сказал Алексей ждущим хоть какой-то его реакции солдатам-корейцам и кивнул Ли, чтобы переводил сразу. – Ваш вождь – мужественный и стойкий человек. Я уверен, что и эту войну вы тоже выиграете. Я не сомневаюсь в этом.

Выслушав энергичные слова переводчика, солдаты закивали и заговорили, воспользовавшись несчастным случаем выразить советскому военному советнику свою признательность за помощь в их нелегкой борьбе. В свою очередь, на согласное кивание, выражения благодарности за доверие и прижимание рук к груди в попытках компенсировать убогость своего корейского лексикона (не выходящего пока за пределы с запинками произносимого Чосон Ин-Мин Кун⁷) Алексей потратил еще несколько минут, поглядывая одним глазом на истекающую дымом холодеющую кашу в своей миске и уже немного жалея, что вообще задал такой вопрос. В общем, то ли ранний, то ли поздний завтрак, при всей его сумбурности прошел как какой-то маленький стихийный митинг. Это, похоже, становилось местной традицией. Хотя... Корейцев тоже можно понять. Корея – это маленькая и бедная страна, а одним мужеством много не навоеешь, особенно при подобном неравенстве сил. Именно поэтому местные простоватые ребята относятся просто к самому факту присутствия среди них иностранца-коммуниста как к чуду. Хорошо бы так чувствовали себя и их командиры, включая и самого флаг-минера, но этого Алексей пока не видел и в помине: тот не проявил большой радости ни при знакомстве, ни в последующие дни. Возможно, флагманский минер просто слишком устал либо ждет, пока в точке, выбранной военсоветником До Вы под минную байку, подорвется и безвременно утоп-

---

⁷ Корейская Народная Армия (корейск.)

нет американский «Гиринг» или британский «С»⁸. Но, как Алексей сказал сам себе после этой мысли, всему свое время.

Алексей предполагал, что оказался первым советским моряком в Соганге после вывода в 1948 году нашего воинского контингента. Учитывая, что на весь северокорейский флот советников из Союза приходилось всего восемь и большинство из этих восьми на передовые военно-морские базы не заглядывали ни разу, вид европейца, с видимым наслаждением уплетающего остывший рис, пусть и своей варварской ложкой, действительно являлся поводом для почти детского восторга солдат и матросов Корейской народной армии. Большинство из них были самого юного возраста, от 17 до 20 лет, и многие видели русских впервые в жизни. Главное политическое управление КНА и культурно-просветительное управление фронта в течение всей войны в своей работе весьма активно использовали пример «Верного Брата, Советского Союза», выстоявшего и победившего в войне, во многие десятки раз превосходящей их собственную по масштабам вовлеченных в нее сил. Советник прибыл в Соганг вчера в середине дня, и хотя он немедленно пропал в штабе, его появление тут же стало предметом самого активного обсуждения в те минуты, когда сержанты объявляли хотя бы пятиминутный перерыв в делящихся с утра до вечера тактических занятиях.

Ходили слухи о готовящемся наступлении, в котором примет участие целый корпус советских добровольцев, способный смести фронт проклятых лисынмановцев и их друзей-интервентов, как зимний ветер сметает сухой снег с крутых склонов гор Хокудайхо. Девятнадцатилетний заместитель командира одного из отделений, дневаливший по бараку 3-й роты дислоцированного здесь батальона береговой обороны, сумел поговорить с переводчиком советника командиром взвода Ли, когда тот умывался перед сном – и к тому времени, когда соседний взвод подняли на погрузку мин, большинство сержантов их роты уже знали, как советского советника зовут и что он собирается делать.

– Теперь все будет иначе, – с убеждением сказал этот же младший сержант, глядя в окно на склонившегося над миской высокого темноволосого моряка в китайской форме. Стоящий рядом солдат приподнялся на цыпочки и с восхищением присвистнул, разглядев длинный косой шрам на лице советского офицера, о чем-то неслышимо переговаривающегося с китайским переводчиком. Как и замкомандира отделения, сам рядовой никогда в жизни не был в бою и даже ни разу не выстрелил из винтовки в то и дело проносящиеся высоко в небе вражеские самолеты, поэтому шрам на лице советского товарища, неоспоримое свидетельство его храбрости и мужества в жестокой схватке с врагами, вызвал у них трепет. Они верили, что прибытие советского человека, настоящего, истинного коммуниста в их передовую базу, пристанище нескольких катеров и мобилизованных шхун, может стать точкой, от которой весь ход их чудовищно, неправдоподобно жестокой и неравной войны пойдет по-другому. Не из-за одного человека, разумеется, – каким бы бесстрашным и умелым в бою он ни был. Но не зря же советник впервые за все эти годы появился именно здесь, почти вплотную к линии огня. Может быть, это означает нечто большее, чем задолго до рассвета ушедший в море заградитель.

Человек любит надеяться, особенно тогда, когда надежды не слишком много. Военные – совершенно не исключение. В чудо верить хочется всем...

Занимаясь своей нормальной работой, то есть проверяя формуляры находящихся на складе мин и сверяя записанное у корейцев в книгах с реальным положением вещей, несколько последующих часов Алексей был достаточно занят для того, чтобы не волноваться. Мины хранились в деревянной клетке, вмурованной в нависающий над поселком холм. На нормальный каземат, вроде кронштадтского, где ему приходилось бывать, помещение не походило совершенно: не хватало света, не хватало места даже для имеющихся мин, как бы мало их ни было.

---

⁸ Типы эскадренных миноносцев

Вместо этого среди спящих в темноте, наполненных пироксилином и тротилом рогатых шаров было отчаянно холодно. Сыро здесь быть просто не могло – ни малейшего следа инея на плотно пригнанных друг к другу досках обшивки стен Алексей не заметил. Но все равно, даже в полностью укрытом от ветра помещении кожа его лица и рук за два часа стянулась в настоящий дерматин.

– Холодно, – честно признался он одетому в буро-желтый ватный бушлат бойцу, держащему вытянутую из лючка под дверью лампу-переноску. Солдат-кореец, разумеется, ничего не понял, но вымученно улыбнулся. Он наверняка замерз не меньше, но старался почти не двигаться, опасаясь или задеть торчащие в разные стороны «рога» ударных взрывателей или хотя бы просто помешать работающему советнику.

– Ничего, еще штуки три... – все же сказал ему Алексей, и тот снова улыбнулся и кивнул. Написание китайских цифр освоить было достаточно несложно – но это пока все, что он сумел сделать. Даже как они произносятся, он еще не знал. Можно написать солдату цифру, и тогда он поймет, но это уже не имело значения. Мин действительно было мало – максимум на четыре похода одного этого заградителя. Либо на три, если к нему присоединится шхуна, способная взять на борт еще две.

Половина мин была того же «образца 1916 года», с примитивными ударными взрывателями, защищенными тяжелыми свинцовыми колпаками – их солдат боялся совершенно зря. Все – из одной и той же партии. Можно только представить, какого огромного труда и риска стоила доставка этих мин из Советского Союза вплотную к линии фронта, под ударами вражеской авиации. Несколько мин были более современными – типа «КБ», с гальваноударными взрывателями и мощным зарядом, способным, если повезет, переломить пополам тральщик. Одна «Тридцатка-бис» брала таких 52 штуки, но ни одного советского эсминца за корейцев пока не воевало. Какая будет морока с использованием этих весящих больше тонны мин с хлипких деревянных посудин, Алексей представлял себе с ужасом. И все же радовал сам факт, что эти мины имелись. Вот минных защитников не было пока ни одного, но по этому поводу можно было надеяться на слова флаг-минера, твердо обещавшего доставку нескольких штук во все три передовые базы ВМФ на западном побережье – то есть в Соганг, Калчонг и Монггумпхори. Представив себе то, что могут сделать даже четыре-пять «МЗ-26» или «ГМЗ-43», если применить их с умом, Алексей ухмыльнулся, и держащий над его руками лампу солдат посмотрел на него более пристально, чем раньше. Деликатность, видимо, мешала ему разглядывать советского советника слишком настойчиво, но любопытство побеждало, и молоденький солдат то и дело поглядывал на притягивающий его внимание шрам на лице Алексея, каждый раз тут же виновато опуская глаза.

Ну, вот и последняя мина. Согнувшись пополам и чуть посторонившись, чтобы дать уже знающему что делать парню возможность просунуть лампу под его рукой, Алексей прочитал ее заводской номер и сравнил его с формуляром, а затем и с журналом склада. С этой миной все оказалось нормально, но в целом на складе явно имелись проблемы. Несколько проведенных по всем бумагам морских мин не хватало, и ни одного документа, подтверждающего их использование по прямому назначению, начальствующий над базой офицер КНА продемонстрировать им с переводчиком Ли не сумел. Сложно, конечно, предположить, что защищающие свою землю северокорейские моряки способны, что называется, «утилизировать», то есть бесцельно потратить такой ценный в военном деле предмет, как морская якорная мина. Более того, учитывая габариты и вес таких мин, теоретическое предположение о том, что кто-то из командиров-катерников мог прихватить лишнюю парочку таких в поход ко вражеским островам, также исключалось. Значит, эти мины установили точно так же, как и все другие, просто не провели соответствующие бумаги, позабыв оформить их в суматохе насыщенных событиями дней. Но, извините, с минами так нельзя – в том числе и с минами морскими, в каждой из которых по 118 килограммов взрывчатки.

Выйдя из склада и жмурясь от яркого света даже еще в туннеле, Алексей с улыбкой посмотрел на солдата, который, изо всех сил стараясь не дрожать, аккуратно и тщательно сматывал провод переносной лампы в бухточку. Двери в само складское помещение (язык все же не поворачивался назвать его казематом) были сделаны на совесть, из броневых листов. Наружные же двери, выходящие из-под склона холма после резкого поворота семи- или восьмиметрового туннеля, были уже с окошком, и проходящий из него свет заставлял обоих крикнуть лица даже сильнее, чем это делал окончательно проникший во все суставы холод. Наверное, летом здесь, внизу, было почти так же холодно, как и зимой, но поскольку сейчас только-только начался февраль, то хуже явно уже не будет. Кроме того, вряд ли Алексею понадобится проводить в этой норе столько же времени еще раз. Даже если все эти мины будут израсходованы в ближайший месяц – что было его первейшей задачей – ведение журналов и оформление формуляров на базе требуется наладить так, будто это сам Кронштадт.

Добравшись до штаба, найдя там переводчика Ли, гонящего чай в компании пары молодых офицеров с катеров, и заставив того немедленно выдать по дымящейся чашке и по паре кусков сахара и ему, и замерзшему солдату, Алексей немного отошел. Чашка была возмутительная – на треть нормального стакана, но пополняли ее первые пять минут чуть ли не после каждого глотка, поэтому согреться было можно, пусть и потихоньку.

Вопрос по поводу недостающих документов он задал сразу после того, как немного пришел в себя. Переводчик сообщил, что их, насколько ему известно, действительно нет. Видя, что чаепитие затягивается, Ли предложил сбегать и спросить еще раз. Получив от Алексея согласие, он действительно убежал, оставив капитан-лейтенанта наедине с двумя офицерами и причмокивающим от удовольствия солдатом, обнимающим свою чашечку, словно сокровище. Офицеры негромко переговаривались между собой, время от времени поглядывая в сторону Алексея, сидящего прямо напротив. Неизвестно почему, у него создалось впечатление, что корейцы говорят о нем. Поймав взгляд одного из них, он вопросительно приподнял брови, но кореец никак не отреагировал, и пришлось смолчать. Плохо быть безъязыким, чего уж там, – но винить за такое было, увы, некого.

Переводчик Ли вернулся минут через десять, когда чай был допит и можно было уже уходить самому искать флагманского минера – спрашивать, на сколько тот собирается задержаться в Соганге. Документов лейтенант не принес, но пересказал полученную от кого-то из моряков информацию о том, что офицер, выполнивший большую часть минно-заградительных операций до предпоследнего на этой должности (считая последним того, кто ушел в море этим утром), переведенный в Соганг из Гензана⁹, погиб уже достаточно давно, в марте 1952 года.

Очередной налет реактивных штурмовиков отбивать тогда было совсем уж нечем, попытки нескольких зенитных пулеметов исполнить хоть какое-то звуковое сопровождение реву их двигателей и разрывам града мелких осколочных бомб, были подавлены сразу и с исключительной эффективностью. Сбросив бомбы на поселок и портовые постройки, штурмовики сделали по паре заходов, поливая пулеметным огнем все, что еще не слишком сильно горело, и исчезли, сочтя задачу выполненной. В том налете погибло всего человек десять – но среди них был и офицер-минер. Если вызвавшие неудовольствие товарища военного советника обрывочные документы датированы хотя бы началом 52-го, то это, скорее всего, объясняется именно гибелью минера.

– Спроси у них, помнят ли они такое? – попросил Алексей переводчика, указывая на замолчавших при его появлении офицеров.

Тот спросил, и корейцы один за другим покачали головами, произнеся по несколько слов. Оба они служили в Соганге меньше полугода. Налеты случались здесь раз в несколько недель, и каждый раз кого-то убивало – но тот давний налет они уже не застали.

---

⁹ Японское произношение названия города Вонсан, принятое среди советских военнослужащих в Корее.

Выслушав перевод, Алексей развел руками. Выдумывать такое смысла не было. Местным морякам достаточно было просто показать ему какую-нибудь написанную по-корейски бумагу, для того, чтобы он поверил, что недостающие мины не растворились в воздухе сами собой, а либо не были доставлены вообще, либо оказались дефектными, либо (что вероятнее всего) были установлены и успешно вытралены врагом.

Опять склонившись над своей чашкой и испытывая сложное смешанное чувство усталости, удовольствия и напряжения, он попытался занять свои мысли хоть чем-то еще – лишь бы не думать о ползущем мимо чужих островов кораблике и о молодом корейце, размахивающем своей обвязанной тесемками ушанкой и криком «Давай-давай!» подбадривающем солдат, из последних уже сил подтаскивающих к рельсам тяжеленную мину.

Мины он наверняка уже поставил, и если считать по времени, то им уже пройдена как минимум треть обратного пути. Но это теоретически. Конечно, расчеты времени они произвели вместе, а все необходимые резервы и погрешности были заложены в них с самого начала. Но не раз прикрывавший тральщики Алексей знал, как бывает на самом деле, поэтому смело прибавил к тому времени, которое команда «Вымпела № 4» затратит на собственно постановку, еще по крайней мере минут двадцать. От этого и надо было считать ходовые мили обратного пути. Таким образом, волноваться было еще рано, но волнение все равно не проходило. Отвык, наверное... На их войне, когда он был на десяток лет моложе, за ушедших в море спокойно и деловито переживали, ждали их, но при этом старались не тратить собственные нервы на бесцельное волнение. Это касалось, разумеется, мужчин. С тех пор он то ли постарел, то ли обабился – но мысли о беззащитном минзаге с семьями килограммами пороха на борту лезли и лезли к нему в голову сами по себе.

Подняв голову, Алексей обнаружил, что переводчик Ли явно собирается что-то ему сказать – или, скорее, спросить. Столкнувшись с капитан-лейтенантом глазами, тот неожиданно смутился, и Алексей с удивлением понял, что и спросить Ли собирался как раз про то, не волнуется ли советник. Это понимание было настолько удивительным и странным, что он застыл с почти пустой уже чашкой между сплетенных пальцев, моргая и зацепив кончик языка между клыками. Собственная боль заставила его очнуться от наваждения, и снова вернувшись в привычки военного советника, представляющего великую державу, Алексей спокойно спросил у Ли, что тот хочет сказать. Китаец замаялся (что окончательно убедило Алексея в точности его догадки), по потом пробормотал, что если чая больше не надо, то можно вернуться к товарищу флагманскому минеру флота, потому как до назначенного им времени осталось всего десять минут.

Обрадовавшись, Алексей поднялся, оставив чашку на столе и попрощавшись с вежливыми молодыми офицерами. К временному кабинету своего непосредственного начальника – если считать им все же не советского генерал-лейтенанта, которому он несколько дней назад имел возможность представиться в Пхеньяне, а корейского офицера – капитан-лейтенант Вдовый добрался уже вполне спокойным, собранным и уверенным в себе. Хорошо выспавшийся капитан первого ранга, фамилия которого была Ко, сиял золотым шитьем погон и хорошими белыми зубами. У него явно было неплохое настроение, но вид отнюдь не легкомысленный, да и разговор он тоже завел серьезный. В отличие от предыдущих дней, когда их работа по утрам каждый раз начиналась с получасового обсуждения того, нравится ли военному советнику Корея и как тяжела и свята их борьба за родную землю, сейчас корейский флаг-минер сразу взял быка за рога – сообщив, что мины в ближайшие десять дней доставлены все же не будут.

Это настолько не вязалось с его вчерашней убежденностью в совершенно противоположном, что Алексей внутренне выругался. Пока ему переводили последние фразы, замолчавший уже кореец так и не перестал улыбаться, что возмутило советника окончательно. Оставшись, к своему удовлетворению, полностью бесстрастным внешне, советский военный советник выра-

зил «глубокое огорчение» офицеру братской Кореи, превосходящему его на целых три ступени в иерархии званий. Того его реакция вполне устроила, и с этого момента разговор пошел уже вполне конструктивный.

Флоту КНДР предложили поставку партии в полсотни несколько устаревших уже донных мин «АМД-1-1000», и товарищ До Вы требовался флагманскому минеру для выполнения одной из его прямых обязанностей – рассказать о том, что это за тип, и смогут ли окупиться усилия и жертвы, на которые придется пойти, чтобы выставить такие мины в тех районах, где на них сможет подорваться транспорт или боевой корабль интервентов.

– Видите ли, товарищ капитан первого ранга, – сказал Алексей, с минуту помолчав. – Мины эти, конечно, хорошие. Тем более, что донных мин здесь, насколько мне известно, пока не применяли, и как новый неожиданный фактор они свою роль сыграть смогут. Но... Тяжелые это мины. Да, не тяжелее типов «КБ» или «КБ-КРАБ», но гораздо менее удобные в работе...

Алексей остановился, дожидаясь, пока его слова переведут, и за это время еще немного поразмышлял.

– Ставить их придется с плохо для этого приспособленных кунгасов и шхун, – высказал он ту мысль, которую только что мысленно покрутил, разглядывая ее с разных сторон.

– Поэтому лично я предпочел бы пятисоткилограммовый тип, но он к постановке с надводных кораблей и катеров не пригоден вообще, а тонная «АМД» хотя бы универсальна...

Ему снова пришлось остановиться, потому что Ли не понял слова «тонная» и его пришлось объяснять. Фразы «значит, всящая одну тонну» хватило, и Алексей продолжил. Морской авиации в КНА не существовало, и ее появления не предвиделось, а те самолеты, что имелись у китайцев, были не таких типов, что смогли бы поднять подобную мину.

– «Ту-2С», – предложил флаг-минер. Название Алексей понял без перевода, и сообразивший это Ли смолчал.

Пришлось пожать плечами. На флоте «Ту-2» как-то не прижились, хотя фронтные «Пешки» они за считанные годы вытеснили так же, как новые «Ил-десятые» вытеснили в свое время заслуженных «Ил-вторых». Может ли туполевский бомбардировщик взять мину класса «АМД», Алексей просто не знал. Но все же он рискнул предположить, что поскольку этот тип мин создавался в массогабаритных характеристиках нормальных фугасных авиабомб, то такой шанс действительно есть.

– Лучше бы «Гейро» дали, – посоветовал он. – Или новые «АМД»: второй-четвертой серии.

Про себя он подумал, что новейшие «АМД-4» весят аж полторы тонны вместо одной, но рассказывать об этом каперангу Ко, подумав, все же не стал. Кто знает, можно ли такую информацию разглашать. Адмиралов Кузнецова, Галлера, Алафузова и Смирнова сместили за переданные англичанам характеристики высотных авиаторпед, не принесших за войну практически никакой пользы. Кто знает, куда может завести капитан-лейтенанта его разговорчивость, если на каком-нибудь из высоких совещаний корейский товарищ вдруг проявит удивительное знание параметров мины, принятой на вооружение в советском флоте всего пару лет назад, и едва ли передававшейся даже союзникам – скажем, полякам.

Беседа через переводчика о типах мин, их возможностях и недостатках длилась настолько долго, что под конец Алексея начала уже тяготить. Все равно понятно, что новые образцы корейцам не дадут: либо из-за секретности, либо из-за их практической бесполезности в местных водах – как, например, противолодочные мины, которым капитан первого ранга посвятил минут сорок. В другое время Алексей был бы не против поговорить на настолько интересную тему, особенно с таким искренне заинтересованным собеседником, но сейчас ему все сильнее хотелось посмотреть на часы – чего при общении с начальством делать, разумеется, нельзя. По времени ушедший утром минный заградитель должен был уже подходить к Согангу. Более того, он мог уже швартоваться, а его молодой командир – топтаться на покрытой инеем земле, отходя от качки и опасности, способной настичь в любой момент...

Думая об этом, Алексей напрягался все больше, но флагманский минер то ли не замечал этого, то ли не собирался обращать на это внимание. В данный момент его интересовал минный защитник «МЗ-26», который вроде бы им обещали, как и многое другое. Этот тип Алексей прекрасно знал – более того, ему повезло быть знакомым с предложившим его конструкцию контр-адмиралом. Ничего более неприятного для противодействия контактному тралению, чем четырехкратный «минный защитник-26», ни один конструктор пока не придумал, и можно было ожидать, что этот тип наверняка останется самым значимым детищем того самого контр-адмирала с умильной фамилией Киткин. Теперь тот с гордостью носил на кителе неожиданную медаль лауреата Сталинской премии, полученную за его создание, и если что-то и изобретал, то наверняка в другой области: подобного чуда ни ему, ни кому-то другому в ближайшее время все равно было не повторить.

– Все это очень хорошо, – согласился Ко после рассказа Алексея, позволившего тому хотя бы немного отвлечься от мыслей о том, что происходит сейчас на пирсе. – Но на больших глубинах его ставить нельзя, а нам послезавтра в Аньдун, и как раз там...

Военный советник попросил флагманского минера повторить, предполагая, что недопонял, но и после повторения последней фразы все равно не понял ничего. Во-первых, он предполагал, что послезавтра они должны быть в Гензане, как тот же флаг-минер сообщил ему еще вчера. Это было в двухстах километров от Аньдуна. Во-вторых, Аньдун находился в полусотне километров от побережья, и хотя Ялуцзян – река весьма полноводная, но ни мины, ни минные защитники там сейчас не нужны совершенно точно. Тем более глубоководные.

Не зная, как выразить свое недоумение так, чтобы не выглядеть туповато (или, как говорили на флоте, «дубовато»), Алексей снова перевел разговор на глубины, длины минрепов и соотношение мин к минным защитникам в заграждениях разного типа. К его удовольствию, через несколько минут столь вдумчивой беседы кореец догадался сам ответить на наводящий вопрос, и тогда выяснилось, что Аньдунов как минимум два. Один – это тот, который он и имел в виду, китайский, его еще иногда называют не очень красиво звучащим по-русски словом Дандонг. А вот второй – это, оказывается, действительно маневренная военно-морская база в Тонг-йюшон-ман, то есть заливе Тонг-йюшон, или, как это название можно произнести, Тонггёшон, он же Восточно-Корейский залив.

– В Гензане ввели в строй новый минный заградитель, – с забавной важностью произнес переводчик Ли. – Специальной постройки и способный брать много мин. Но его немедленно переведут в Аньдун.

– Почему? – поинтересовался Алексей, хотя тут же сам понял наиболее вероятную причину.

– На Гензан бомбардировщики и штурмовики интервентов совершают налеты каждые два-три дня, практически без перерывов. Преимущественно по нему действуют палубные машины с авианосцев американских и английских агрессоров. Иногда – ночные бомбардировщики, но пока не слишком часто. В любом случае, мы полагаем, что оставлять достаточно крупный корабль пусть даже в прикрытом артиллерией ПВО и хоть какой-то авиацией Гензане означает потерять его немедленно и окончательно. Любой американский палубник вылезет из кожи вон, лишь бы привести домой фотоленку со столбом воды в районе ватерлинии корабля столь редкого для этих вод размера. Кроме того, еще Гензан обстреливают с моря.

– Достаточно крупный – это сколько? – поинтересовался Алексей, на мгновение оторопевший от употребления Ли русской поговорки настолько к месту: такого он не ожидал. Впрочем, это тут же вылетело у него из головы. Мысль о том, что корейцы сумели сами построить крупный минзаг, была слишком утопична, чтобы в нее поверить. За последнюю неделю, одну из самых насыщенных в его жизни, капитан-лейтенант Вдовый встретил немало примеров того, как с искренностью в глазах и с убеждением в голосе высказанные слова в устах корейских или китайских товарищей могли означать весьма мало или вообще не значить ничего. Причем

характерно, что это даже не было ложью – это было что-то вроде правды, которая формировалась в момент ее произнесения, прямо на языке говорящего. У детей такое является почти нормой – но ведь не у взрослых же мужчин, говорящих о серьезных вещах...

Мысленно Алексей с сомнением покачал головой, и когда кореец ответил, едва не улыбнулся.

– Шестьсот пятьдесят тонн. Две сорокапятимиллиметровые пушки и пулемет.

– А мин?

Переводчик переадресовал его вопрос капитану Ко, и Алексей опять с обидой понял, что даже простое одиночное слово он ухватить из чужой речи пока не в состоянии.

– В зависимости от типа, – логично ответил флаг-минер. – Если считать на «КБ», то 14 штук, а если типа «М-26», тот и все 16.

«А если противодесантные «Рыбки», которых на складах в Балтийске до сих пор завалились, то и все полсотни, – мысленно продолжил Алексей про себя. – Но надо признать, это действительно неплохо. Для корейцев – так просто отлично».

Минзаг требовалось сразу же маскировать, как наших научили это делать немцы, сумевшие в годы войны потопить немало кораблей и судов прямо в портах и базах, несмотря на прикрытие из зениток и истребителей, которое там имелось. Хотя... Корейских товарищей жизнь учила не хуже и не менее жестоко. Так что понимать важность хорошей маскировки они должны были и сами. Но при этом на «Вымпеле № 4» никакого камуфляжа Алексей не заметил.

Снова вспомнив об ушедшем утром минзаге, почти наверняка уже вернувшимся, он заерзал на стуле, пытаясь придумать, как бы поспокойнее закончить разговор, чтобы не выдать флаг-минеру свое волнение. К счастью, тот то ли вспомнил о скором обеде, то ли о тех делах и разговорах, которым присутствие советского военного советника могло помешать, и закончил беседу сам, многословно выразив глубокое удовлетворение тем, насколько удачно они с товарищем До Вы срабатываются, и предложив продолжить после некоторого перерыва. Скажем, часа в три дня.

Алексей вместе с переводчиком Ли уже стояли у самой двери, дослушивая и договаривая последние вежливые слова, когда капитан Ко вдруг спросил у него, зачем, по его мнению, в Гензан вне всяких планов вдруг прибывают мины «АГСВ».

– Что? – переспросил Алексей, не поняв.

– «АГСВ», – четко повторил Ли. Это не помогло. Что это такое, Алексей все равно не знал.

– Может, какие-то другие? – осторожно поинтересовался он. – Точно не «АМД»?

– Нет, «АГСВ», – подтвердил сам флагманский минер. Ему явно не понравилось, что под конец беседы военный советник вдруг то ли выявил свое незнание, то ли начал что-то от него скрывать. – Вчера пришла инструкция о том, что эти мины должны быть выставлены в первую очередь. Сорок штук. Противолодочные.

– «АГСБ»! – наконец-то понял Алексей. – Не «АГСВ», а «АГСБ», так?

– Я и говорю, «АГСБ», – недовольно произнес переводчик. Сдвинув брови, корейский капитан спросил его о чем-то, и Ли несколько раз повторил одну и ту же короткую фразу, каждый раз повторяя название мины с тем же самым неправильным произношением, которое едва не оконфузило нового военного советника.

– Зачем? – повторил Алексей заданный ему вопрос. – Зачем в Тонг-йюшон-ман глубоководные антенные мины? Я могу только предположить, товарищ капитан первого ранга.

– Да, разумеется, – кивнул флаг-минер, лицо которого разгладилось, когда причина непонятного ему поведения советника разъяснилась самым нормальным образом – трудностью произнесения китайским переводчиком одной из букв аббревиатуры.

– Я предполагаю, что в залив могут перебросить одну из эскадр надводных кораблей Тихоокеанского флота. Для нашей эскадры в Желтом море угроза от вражеских подводных

лодок не столь высока, поскольку глубины там сравнительно небольшие, а самолеты с аэродромов Дальний и Янтай висят в воздухе постоянно. Если там заметят подводную лодку, то ее, пожалуй, сначала будут бомбить, и только потом разбираться – была она американская или британская. А вот в Восточном море субмарины обнаружить сложнее. До сих пор им делать там было особо нечего, потому что торпеда стоит гораздо дороже, чем те шхуны или мотоботы, по которым они могли бы стрелять. Но вот если для Восточного моря наши ВМФ сформируют вторую эскадру, то...

Он покачал головой, размышляя, насколько верны эти предположения. Алексей являлся всего лишь капитан-лейтенантом и в оперативном искусстве понимал весьма немного. В то же время одной только логики хватало ему для того, чтобы понять, что боевых кораблей интервентов у восточного побережья Корейского полуострова и так заметно больше, чем нужно. Появление второй советской эскадры будет встречено ими с радостью профессионалов. Потому как пара американских «Айов» и один британский «Энсон» (если разведсводки не врут, и он там действительно есть) в дневном артиллерийском бою разделают ее начисто, насколько бы перedomым ни было наше основное оружие – марксистско-ленинская философия. Но... Созданная за секунду теория была все же слишком красивой, чтобы сразу с ней расставаться. Советский линкор с парой крейсеров в Тонг-йоншан-ман... Это было здорово. А учитывая непосредственную близость Владивостока, главной советской военно-морской базы на Тихоокеанском театре, вполне можно рассчитывать на то, что эта эскадра будет включать хотя бы неполный дивизион современных эсминцев, в первую очередь нацеленных на противолодочную оборону.

Впрочем, на то, что хотя бы один из эсминцев выделят ему для постановки мин или их переброски в тыловые северокорейские базы, Алексей не рассчитывая совершенно – не таким все же он был наивным. Везти военную контрабанду настолько внаглую, означало бы прямое и непосредственное вступление в войну в отчаянно невыгодный для страны момент. Стандартным, классическим путем: отслеживающие каждое движение советских боевых кораблей сторожевики, эсминцы и крейсера американцев или британцев – да пусть даже тайландцев! – могут рискнуть потребовать досмотра. Их логично пошлют туда, куда посылать в таких случаях положено, поскольку попытка досмотреть или преградить путь боевому кораблю есть *casus belli*. Последует обмен залпами – после чего те, кому повезет уцелеть, расплзутся по своим базам и начнется новая большая война. Которая, собственно, стоит на их пороге уже не первый месяц.

Нужно ли это сейчас Советскому Союзу? Вероятнее всего – нет. Потому что страна только-только оправилась от предыдущей выигранной войны, и начинать новую в год, когда на каждый закладываемый в Ленинграде или Владивостоке киль приходится по три-четыре закладываемых в глубине страны сталелитейных, сталепрокатных или химических завода, ей нет никакого резона. На новую войну сейчас не хватит ни средств, ни валового национального продукта, ни моральных сил рвущихся из нищеты и горя людей. Значит, надо тянуть время, делая при этом такое выражение лица, чтобы сигнальщики на мостиках вражеских кораблей обмирали от страха, разглядывая сквозь стелющуюся над водой дымку развернутые башни «Москвы» и тихоокеанских «Максимов Горьких». Кто, мол, знает, что этим ненормальным русским может прийти в голову... А учитывая, что командующий советской эскадрой в настоящий момент – это вообще украинец, причем с отлично знакомой им фамилией Москаленко, – то и слегка подрагивая икроножными мышцами, если и не от страха, то хотя бы от разумной настороженности.

А пока война будет делом северокорейцев и китайских добровольцев, равно как и нескольких направленных на флот военных советников от великого северного соседа.

Торопливо шагая в сторону пристани, Алексей улыбался, представлял себе, как станет спрашивать занятых матросов о командире ошвартовавшегося минзага без помощи переводчика Ли, помогая себе жестами и гримасами. Он полагал, что найдет того либо на самом кун-

гасе, либо, скорее, отогревающегося чаем или обедом в одном из ближайших приспособленных для этого домиков. Можно было надеяться, что одного выражения лица молодого офицера хватит ему, чтобы понять, насколько точно тот выставил мины в указанном ему районе. Даже если на них не подорвется ни одна баржа лисынмановцев – лиха беда начало. Заставивший поверить в свои силы флагманского минера ВМФ капитан-лейтенант Вдовый в сочетании с вводимыми в строй малыми минзагами и переоборудованными для постановки мин кунгасами, их тренируемыми командами, а главное, все более значимым потоком доставляемых в передовые военно-морские базы мин – все это вместе взятое может стоить для хода войны больше, чем лишняя бригада торпедных катеров, спешно доукомплектовываемая во Владивостоке, чтобы заменить уходящие на формирование «второй эскадры» крупные корабли.

Продолжая улыбаться, щурясь от морозного ветра, Алексей вышел из стиснутой осыпавшимися щебеночными холмами лощины на пригорок, с которого открывался вид на гавань. Ветер ударил ему в ноги, подкинув кверху короткие полы бушлата – как Алексей называл выданную ему еще в Пекине утепленную матерчатую куртку. Ему пришлось на мгновение зажмуриться, чтобы дать проскочить порыву пахнущего льдом воздуха, ощупывающего стянутое гримасой лицо. Открыв глаза, Алексей поморгал, расталкивая ресницами налипшие на них снежинки, и поискал взглядом «Вымпел № 4» на том месте, откуда он вышел в море сегодняшней ночью. Там корабля не оказалось, и несколько следующих заполненных надеждой секунд Алексей шарил глазами по закоулкам несложного лабиринта причалов, мостков и отдельных вбитых в дно свай, надеясь увидеть простой серый силуэт кунгаса.

Минуту спустя, расстегнув одну из пуговиц, он засунул правую руку под куртку и начал массировать себе грудь, одновременно спускаясь вниз по тропке и размышляя, кого из стоящих на причале одиноких, сгорбленных от холода матросов, можно будет послать за переводчиком пьяй-чанг Ли, то есть командиром взвода Ли, туда, откуда он сам сейчас пришел. Шагая, уже вынув руку из-под шинели, чтобы не дать корейцам заметить то, как он растирает свою кожу, Алексей вернул себе суровое и уверенное выражение лица и еще успел подумать, что передовая военно-морская база ВМС КНА Соганг, конечно же, почти ничего не представляла из себя даже вчера. Но сегодня, лишь несколько часов спустя, все стало еще хуже. Минный заградитель не вернулся. И, скорее всего, не вернется уже никогда.

Узел 3.1

4-5 февраля 1953 года

Летчики 913-го истребительного авиаполка сидели на обрубках бревен вокруг угасающего костра, негромко и расслабленно переговариваясь между собой. Было уже около девяти вечера, но погода сегодня оказалась на редкость мягкая – три или четыре градуса мороза, и в двух метрах от огня было уже не холодно.

Олег обратил внимание, что вокруг него собралась сплошная молодежь: ни одного комэска и ни одного старшего офицера из штаба полка рядом не оказалось. Максимум – командиры звеньев. Трепались о боях, о ходе то угасающей, то снова вспыхивающей войны. Переваривали беспочвенные, по мнению большинства, слухи о том, что корпусу в течение ближайшего месяца якобы обещали добавить еще одну готовящуюся в Китае истребительную авиадивизию, пусть даже двухполкового состава. Впрочем, их заслуженному 64-му истребительному авиакорпусу, воюющему третий год то одной, то двумя, то тремя дивизиями с несколькими отдельными полками, обещали это уже давно – по крайней мере, с тех пор, как на китайские аэродромы Мукден и Аньшань прибыл их полк. С конца января полк был уже «первой линии», перебазировавшись на Аньдун.

На самом деле количество действующих самолетов прямо ограничивалось пропускной способностью маньчжурских аэродромов, поэтому к таким разговорам летчики более или менее привыкли и вели их уже почти спокойно. Истребительному авиакорпусу, в состав которого входили их дивизия и их полк, ставилась достаточно ограниченная задача: добиться тактического господства в воздухе на сравнительно узком участке, включающем юг Китая и север территории КНДР. А заставить врагов обратить на себя серьезное, на пределе напряжения сил, внимание можно было и тремя полностью развернутыми авиадивизиями. Тем более что их прямо поддерживали четыре китайские и одна корейская авиадивизии со своими десятью полками. Начавшие оказывать хоть сколько-нибудь заметное влияние на ход воздушной войны лишь в течение самых последних месяцев, они так и не стали корпусу «братьями по оружию», и отношение к ним было «разное» – как разными были и задачи, и командование.

Сидящие рядом с Олегом два молодых офицера обратились к нему с каким-то несложным вопросом о береговой черте, и начальнику штурманской службы полка пришлось отвлечься от пляски языков огня над рассыпающимися уже в отдельные угли поленьями, перечисляя впечатавшиеся ему в память ориентиры на сотню километров к югу от линии фронта, куда корпусу все равно никогда не придется летать. Подобрал с земли палку полуметровой длины, он поерзал на своем отрезке бревна и начал чертить на очистившемся от инея теплом пятачке земли перед собой контуры отдельных островков с их невообразимыми названиями.

– Даже не запоминайте, ребята, – посоветовал он. – Незачем. Разве что для собственного удовольствия. Вернетесь домой, переженитесь окончательно, выйдете в запас по возрасту лет через двадцать, тогда будете внукам байки травить: «Лечу я, значит, от Суньхуньчаня в Цинь Дзинь Мэй, и тут мне эскадрилья «Сапогов»¹⁰ прямо в лоб от солнца! Му, я им как дал!...»

Молодежь шутке доброжелательно посмеялась – пошутить в полку вполне любили. Но все же ему в очередной раз стало немножко неловко. При том, что 90 процентов командного состава в корпусе была из фронтовиков, это поколение строевых летчиков оказалось уже совершенно другим. В самых дружеских в разговорах с ними Олег регулярно чувствовал какую-то неуютную натянутость, и даже шутки у него получались глуповатыми. Хотелось бы верить, что

---

¹⁰ Редко употреблявшееся прозвище американских истребителей F-86 «Ссайбр» и некоторых советских частей, воевавших в Корее (за форму киля); также «горбатые» (за выпуклый фонарь) или «зебры» (иногда употреблялось зенитчиками)

это ему только кажется. Да и странно такое, если глядеть со стороны: с капитанами и старшими лейтенантами, сидящими вокруг него, он ходит в бой так же, как ходил в бой с десятками других молодых ребят в однопросветных погонах на своей первой войне. По при всем при том ощущение не проходило – даже если его прогонять, упираясь всеми мышцами. Возможно, это вызывалось не только тем, что Олег был каким-то другим, но и тем, что он в полку являлся относительно новым человеком. Бывший штурман полка капитан Костенко (вспоминаемый в полку почти исключительно как «КостЭнко») ушел «на повышение» – «инспектором-летчиком по технике пилотирования и теории полета» их же 32-й истребительной авиадивизии, после чего Олега, тогда служившего в другом полку, прислали на его место – штурманом 913-го ИАПа под командованием майора Марченко. За прошедшие недели перезнакомиться и с летчиками своего полка, и с летчиками 535-го, базирующегося на этот же аэродром, Олег успел, а вот подружиться – пока нет.

«Ночников», 351-й ИАП. Он почти не знал – но тем в любом случае было не до общения: этот полк уже готовился к возвращению домой. При разговоре с почти любым комэском дивизии подполковник Лисицын чувствовал себя совершенно свободно, едва поглядев в его глаза, где сразу же отражалась «наваринская» планка медали «За Победу над Германией», – даже при том, что львиная доля этих офицеров застала максимум последний год войны. Но действительно отвоевавших Отечественную в 32-й ИАДе было немного: сформированная в 1943 году, дивизия всю войну провела на авиабазах Дальнего Востока, и, лишь перевооружившись на «Ла-7», примяла участие в войне с Японией. Старшее поколение еще было ему как-то близко, но с молодежью, рядовыми летчиками, общение почему-то не получалось, и это его почти пугало.

– Товарищ подполковник...

Молодой старший лейтенант, сидящий прямо напротив Лисицына, взмахнул рукой, отгоняя лезущий ему в лицо кусочек пепла, поднятый из костра вместе с искрами порывом холодного ветра.

– Расскажите про море, пожалуйста. Про поход.

– Да поздно уже, ребята.

Скорее всего, кто-то просто додумал навеянную его шуткой мысль о навигации над морем до конца и теперь желал продолжения. Это Олегу не понравилось: повод был недостаточно важный, чтобы вызвать его на откровенность, а уж то, что он думал про море на самом деле, рассказывать даже армейским летчикам было совсем непедагогично.

– Ну, товарищ подполковник!.. – это протянул уже другой летун, тоже в звании старшего лейтенанта, которого никак нельзя было назвать «парнем» – это был полностью сформировавшийся мужик, на той войне давно считавшийся бы «стариком». Странно, но хотя в Корее, на этой войне, полк воевал уже больше полугода, в отношении этих летчиков такого ощущения не возникало до сих пор.

– Да что вам, ребята, сказать...

Олег сунул суковатую палку в костер и с хрустом поворошил засыпанные пеплом угли, так, что во все стороны полетели сине-белые искры. Молчал он долго – почти полную минуту. Его не торопили.

– Все время усталость, – наконец сказал он. Медленно, с напряжением в голосе. – Усталость каждую минуту. Тренировались – гордились. Нас лучших выбрали, оторвали от фронта, от войны. Натаскивали от пуза, не жалея бензина, патронов, моторесурса. Вдалбливали в наши головы все, с чем мы можем столкнуться: «Барракуды», «Хеллкетты», «Сифайры»... А вот того, как это будет страшно...

Олег помолчал, вперив неподвижный взгляд в снова разгоревшееся пятно костра. Вот точно так же они сидели с ребятами в Крыму, на «Утесе», где натаскивали авиагруппу. Только тогда он был младшим.

– Вот так же и мы сидели тогда вокруг костра, – негромким голосом вслед за своей мыслью произнес он вслух. – В Крыму, когда нас готовили... Амет-Хан слева, Мишка Бочкарев справа, командир напротив. Мы ничего тогда не боялись, ребята... Даже после первого боя ничего не боялись. После второго. Тридцать с лишним машин на один наш «Як» поменять – я про такое разве что в центральной прессе читал. Не зря именно нас готовили, значит... На меня за день два «Хеллкета» записали, оба над чужой палубой – я вам рассказывал уже. А вот потом... Настоящий океан не ревет. Он рычит и стонет. Даже когда волн почти нет, – все равно в ушах как будто непрерывный крик стоит. И все время ждешь, ждешь...

Ждешь торпеды в борт, ждешь, что чужие мачты из-за горизонта выплывут, – линкоры, крейсера. Те, для кого твое умение не значит ничего. Да и моряки это тоже, по-моему, понимали, в конце особенно... Нас по всем законам должны были поймать и утопить – и то, что этого так и не случилось, в такое всех недоумение, что ли, вогнало... Потом, когда дошли до родных вод, поднялись над эскадрой, посмотрели на нее сверху вниз, и такое, знаете, чувство за сердце схватило! И как мы уцелели? А ведь ждали все время. Каждый день, каждый час этого похода сидишь, вцепившись во что-то, и ждешь. Ждешь, когда тревогу для нас объявят, чтобы хотя бы на равных быть. Когда ребята разведчика прямо над нашими головами завалили, нам уже все, в общем, ясно было. Переодевались в чистое, награды привинчивали, прощались друг с другом, с моряками...

Олег снова замолчал и молчал так еще долго, вспоминая.

– Нас два Лисицына на «Чапаеве» было, – наконец сказал он. – Да и у моряков наверняка тоже кто-нибудь, – простая мне от родителей фамилия досталась, чего уж там. Я и капитан Лисицын из моей же 5-й эскадрильи. Он не вернулся. Никто не видел, как его сбили – но в нашей эскадрилье вообще мало кто остался... Мишку вот англичанин сбил на моих глазах...

– А вы, товарищ подполковник? – спросили сбоку. Голос неожиданно оказался почти мальчишеский, но Олег даже не поднял голову, чтобы посмотреть, у кого он так сорвался.

– А я его, – произнес он равнодушно. – И до него. И после него. Там такое творилось – не считали, не смотрели, кто валится. Самолет трянуло, – смотришь, цел. Пригнешься только к прицелу – и работаешь. Хаос. В наушниках вой, мат, крик... Кто-то стонет, и голос знакомый. Если прислушаться, то можно узнать, но ты себе просто команду даешь – не слушать. Работаешь... «Барракуда», «Файрфлай», два «Авенджера». Это то, что мне по пленкам фотопулеметов подтвердили. За один бой. Если кто и повалился еще, то на группу записали, но это уже вряд ли, как я сейчас понимаю. А вообще, – Олег поднял голову, но ни тон, ни выражение его лица не изменились, – до сих пор неизвестно окончательно, сколько мы там наколотили. Англичане засекретили результаты того боя вусмерть. Мы только по своим и видели: одно пустое место за столом, другое, третье...

Олег снова сунул царапающую снег палку в костер, и она зашипела, выплеснув в прозрачный воздух столбик белого пара. Он был подполковником в тридцать один год – в военной авиации это не такая уж редкость, но в полковом сейфе лежала принадлежащая ему «Золотая Звезда», а любой нормальный военный, открыв рот, смотрел на невероятный для «взвэ-эсника», выдающий его с головой орден Ушакова на груди. Однако при всем этом Олег Лисицын понимал, что тот поход изменил его навсегда. Он никогда не сможет стать прежним. И не хочет. Молодежь молчала, сидя вокруг него. Кто-то глядел в угасающий огонь, кто-то вздыхал своим собственным мыслям или воспоминаниям. Потом, пережив паузу, ребята начали негромко переговариваться. В воздухе висело какое-то странное чувство, и на опустившего в плечи голову подполковника почему-то не смотрел ни один человек. Они все были боевыми летчиками, и на почти каждого сидящего здесь пацана или молодого мужика, как он прекрасно знал, приходились сотни часов полета на реактивных боевых машинах. А также как минимум по три десятка боевых вылетов во враждебном, не прощающем ошибок небе, а то и воздушных боев. У многих на счету имелись сбитые, и по всем законам войны они давно уже были

«стариками» – бывалыми, опытными, умелыми и уверенными в себе пилотами, которых им так не хватало на фронте в сорок втором и сорок третьем... И все же он опять подумал, что эти ребята принадлежат к совершенно другому поколению. Пять лет разницы – ерунда, как лишний просвет на погонах, если не понимать и не осознавать такое нутром, как осознает это он.

Он не сказал ребятам всего, как не мог сказать это до конца самому себе. У него, у закаленного и злого бойца, тряслись пальцы, когда он вспоминал некоторые детали того боя и случившегося за ним, дошедшие уже позже, потом. Гибель в этом бою однофамильца, второго Лисицына, как будто выбила из Олега кусок души. Они никогда не были особо близкими друзьями, но это неожиданно, непонятно даже для него самого воспринялось так, будто его навечно оставшийся 23-летним старший брат второй раз сгорел в своем «МиГе» – и теперь уже на его глазах. А ведь то, как сбили немногословного, вечно улыбающегося одними глазами капитана, пилота отмеченного косым белым кольцом «Яка» их 5-й эскадрильи, с нарисованной на борту карикатурной фигуркой шахматного коня, не видел тогда действительно никто.

Страшным было даже не количество опустевших к концу этого чудовищного дня мест в столовой летного состава. Самым страшным, как Олег понял позже, было то, что кто-то из них еще вполне мог быть жив, по крайней мере, несколько часов. Но разворачивать для поисков не вернувшихся считавшую к этому дню каждую тонну мазута эскадру было бы самоубийством, как самоубийством было бы выпускать в воздух уцелевшие «КОРЫ», хотя бы теоретически способные сесть на воду гидросамолеты «Советского Союза» и «Кронштадта». Ожидая второй волны англичан, в ангаре «Чапаева» с отчаянной скоростью перевооружали и направляли истребители, вокруг наверняка еще шныряли последние недобитые ими одиночки, которых сторожила барражирующая на последних каплях горючего сборная восьмерка Кожедуба и Султана. Операторы последнего работоспособного радиолокатора эскадры вели одновременно десятки целей, и еще больше усложняли причудливую желто-коричневую картину их примитивных разверток означало бы поставить под удар все достигнутое. Достигнутое такой страшной ценой, что она, эта цена, не оставляла выбора.

Тех из не вернувшихся на родную палубу пилотов-истребителей «Чапаева», кому удалось сесть на воду или пережить прыжок с парашютом, не искали. Их имена навсегда остались неизвестными среди имен тех, кто умер еще в небе или при ударе о волны, спрессованные в бетон скоростью падающих машин. И каждый из уцелевших понимал, что он мог быть среди них. Каждый боевой летчик, попавший в авиагруппу первого советского авианосца, пережил за годы войны многие десятки смертей товарищей, погибавших на его глазах или просто не возвратившихся из боевых вылетов. В большинстве случаев летчики воспринимали это почти спокойно: иначе было просто не выдержать. Но смерть в бесконечном море – сначала от холода, а потом от жажды – сторожившая каждого из них за несколькими сантиметрами бортовой брони хрупкого авианосца или за выкрашенным синим и черным цветами дюралем фюзеляжа палубного «Яка», была все же другой. Такой, что не думать о ней было невозможно даже многие годы спустя. Никогда не завидуйте красивой форме военных моряков. Мало есть на свете таких страшных смертей, какие достаются им...

Утром на подполковника посматривали с разных сторон, мелкими, прячущимися взглядами. В летной столовой было по-обычному шумно, офицеры переговаривались и шутили, работая вилками и запивая завтрак или кофе или, для любителей, местным чаем. Кормили в Китае отлично, в том числе не только летчиков, но и технический персонал – для некоторых это служило достаточным основанием остаться даже на «второй срок». Олег подумал, что, судя по всему, с откровенностью он вчера все же чуть-чуть переборщил, пусть даже оставив три четверти собственных мыслей при себе. Возможно, ограничься он общими словами о том, как было зябко и тошнотно в раскачивающемся стальном ящике, наискось ползущем через океан, это их удовлетворило бы, и все остальные подробности были лишними. С другой стороны – это были его боевые товарищи, пусть и нового поколения. Вряд ли признание в том, как стар-

шему лейтенанту Лисицыну было страшно в том походе, способно будет поколебать их уважение к нему – на этой общей для них войне оно будет формироваться совершенно другими факторами.

– Еще, пожалуйста? – спросил Олега наклонившийся над его столиком знакомый солдат. Полтора года назад, по рассказам летчиков, воевавших в Корее до них, подавальщицами в столовых (например, у авторот и прожекторных частей) работали девушки-китайки в чистеньких бежевых фартучках, но после пары «аморалок» их, к сожалению, убрали навсегда. Байки это или нет, он не знал, но в авиачастях такого не было и не могло быть в любом случае – режим секретности всегда важнее физиологии.

– Нет, спасибо, – ответил Олег, закрывая чашку рукой, и парень ушел. За столиком подполковник остался один – комэски почему-то ушли, едва-едва запихав в рот утренний обильный завтрак и не оставшись на почти уже ритуальное двадцатиминутное чаепитие с разговорами. Было очень вкусно, а отсутствие аппетита из-за нервов – это личное дело каждого, и поваров волновать не должно. Предлагаемый желающим зеленый чай Олегу, в отличие от многих, нравился, и солдат это уже знал, но каким окажется сегодняшний день, было еще неизвестно, и почти наверняка ему придется провести несколько часов между штабом и комнатами предполетного инструктажа. Местный чай почему-то регулярно пробивал Олега на туалет «помаленькому» – и будет лучше, если по крайней мере утром, в самое горячее время, его ничто не будет отвлекать.

Жалко все-таки, что здесь нет местных девушек – пусть хотя бы отдохнуть глазами. Многие из тех китайок, которых он видел в Ляодуне и в двухнедельном отпуске в санатории «Улумбей», действительно были весьма милыми. Не очень красивыми, но вполне приятными. С другой стороны, можно было предположить, что те немногие из них, с кем он там сумел перекинуться хотя бы парой общих слов, как сравнительно неплохо понимающие русский язык имели приказ слушать все, о чем говорят советские летчики. С этим ничего не поделаешь: к такому надо относиться с пониманием, поскольку совершенно ничего страшного в этом нет. Но в отпуске на них хотя бы посмотреть можно было... Олег улыбнулся своему отражению в чашке еще раз и допил остатки уже почти остывшего чая. Теперь пора было идти.

Пройдя через столовую офицеров наземного персонала, он столкнулся взглядами с несколькими знакомыми инженерами и обменялся с ними кивками, одновременно отрицательно покачав головой на общий немой вопрос. То, будут ли сегодня боевые вылеты с фактической работой, он не знал – это зависело уже только от противника. Но напряжение висело в воздухе на протяжении всех последних дней, и этот, только что начавшийся, исключением не являлся. На часах было шесть с небольшим утра, и еще до полудня можно было ожидать чего угодно – от стандартных тычков отдельных групп штурмовиков в их растянутую до целлофановой толщины зону прикрытия до налета одной полусотни «Сверхкрепостей» и второй – «Тандерджетов» под прикрытием полутора сотен «Сейбров» на что-нибудь стратегически важное, вроде гидроэлектростанций или железнодорожных мостов через Ялуцзян.

Последний дневной вылет «В-29» в зону ответственности 64-го ИАКа состоялся немногим более года назад, но помнить о такой возможности приходилось постоянно, и сегодняшний день ничем от прочих в этом отношении не отличался. В последние недели американцы, после долгого перерыва, снова начали применять бомбардировщики днем – группами по три—шесть машин, под мощнейшим эшелонированным и прекрасно организованным прикрытием. Действовали они пока что исключительно по ближайшим к линии фронта целям, до которых, с другой стороны, вполне дотягивались менее уязвимые в воздушном бою и более скоростные маловысотные машины, вплоть до палубных «Корсаров» с авианосцев. Это было странно, как странной была и их загрузка: одиночные крупнокалиберные бомбы у одних машин и россыпь среднекалиберных, высыпаемых куда попало, у других.

Советским летчикам запрещалось пересекать линию Пхеньян—Гензан, а китайцам и корейцам перехватить звенья ударных машин в этом месяце пока не удавалось, хотя состоялось уже несколько боев с прикрывающими их истребителями. Даже просто прорваться к бомбардировщикам ни у тех, ни у других не вышло ни разу, а в чисто истребительных боях с ВВС НОАК и КНА американцы имели заметное преимущество. Все это вместе взятое у любого нормального летчика, уже успевшего проникнуться реалиями и стандартами этой войны, вызывало сложную смесь настороженности и интереса. Чего в этой смеси было больше – прямо зависело от того, приходится ли ему по долгу службы совершать боевые вылеты или сидеть за маховиками зениток.

– Ну что? Не выпался?

Командир полка распрямился от карты и улыбнулся, увидев задумчивое лицо Олега.

– Да нет, ничего такого. Просто сердце давит. Наверняка что-то сегодня до нас долетит... Новости есть какие? Разведка, то-се?

– Э-э... Да нет, в общем-то. Ребята интересную вырезку принесли, из газеты. Там наши соседи упоминаются: я бы решил, что это 14-я ИАД китайцев, хотя кто его знает, что там на самом деле... Вон, взгляни.

– Ну... – пожал плечами Олег. Это было именно то, о чем он думал с утра – но в том, что вырезка из какой-то советской газеты может заменить отсутствующие как понятие отчеты о боевой работе «соседей», он весьма сильно сомневался. Все же, взяв из рук командира полка блеклую бумажку, подполковник присел в углу штабной комнаты и включил настольную лампу, надеясь получить от чтения хоть какую-то пользу. Отчеты о том, насколько успешно действуют «соседи», то есть китайские и корейские авиадивизии, в полках получали только при осуществлении совместных боевых вылетов. Например, когда советские истребители обеспечивали прикрытие китайцев, пытающихся действовать по американским бомбардировщикам, либо когда бои велись в общих боевых порядках. А такого не случалось уже весьма давно. «Братская», являвшаяся их прямым соседом 14-я авиадивизия китайцев до сих пор воевала частью своих сил на устаревших за последние годы «МиГ-15», и у любого нормального военного вызывала своей деятельностью искреннее уважение. В отличие от большинства других, эта дивизия воевала активно, и даже, по мере сил, агрессивно, что в истребителях всегда высоко ценили. Учитывая значительную разницу в количестве самолетов, которые участвующие в конфликте стороны могли поднять в небо, это было бы здорово, – если бы заявленное ее летчиками число побед вызывало чуть меньше сомнений.

Судя по газетной статье, которая даже не давала никакой конкретной даты, некая авиадивизия ВВС КНДР (между строчек читалось – НОАК) время от времени все же проводила воздушные бои. В статье таких было описано аж два, и оба звеньями. Пропуская мимо глаз художественные красоты, Олег быстро дошел до сути, то есть до того, что один из них закончился безрезультатно, а во втором был потерян один истребитель и один пилот. Тело заместителя командира звена летчика-истребителя Джа-И Ксиао, погибшего смертью храбрых в боях с интервентами, было обнаружено местными жителями в районе деревни Пу, в ста метрах от останков разбившегося самолета – судя по всему, не хватило высоты на полное раскрытие купола парашютной системы. Ну и всякие стандартные уже формулировки о личных клятвах мести врагу, которую дали летчики его звена, о вечной памяти в сердцах братьев по оружию, и так далее, – в это можно было уже не вчитываться.

В том же бою китайцы заявили уничтоженным один «Тандерджет», но Олег только покачал головой: судя по тому, что в бесполезной статье не нашлось никаких сведений о прочих находках местных жителей, подбитый американец (если летчику Ксиао и его друзьям действительно удалось в кого-то попасть) сумел уйти домой. дочитав, Олег мысленно сплюнул и отложил бумажку в сторону – может, кого-то другого развлечет...

Все утро не происходило совершенно ничего. Штабисты полка, читающие содержимое спущенных из штаба дивизии многочисленных папок с разведсводками и инструкциями, прислушивались к радио и к самим себе несколько часов подряд. Ничего. Это становилось просто опасным.

– Иван, Юра, Олег!..

Командир полка положил трубку аппарата спецсвязи, в которую он последние несколько минут односложно бурчал, и оглядел поднявших на него глаза товарищей.

– В дивизии сказали, что радиообмен «наших» станций американцев упал втрое.

Ни одному из бывших в комнате, вплоть до исполняющего обязанности адъютанта полка старшего лейтенанта, даже не пришло в голову сказать что-нибудь вроде «К чему бы это?» – слишком уже хорошо все они знали этот признак. Затишье перед бурей. Предстоит что-то тяжелое.

– Пойду поднимать ребят, – негромко произнес командир находящейся в «готовности №3» эскадрильи и вышел за дверь. Его проводили помрачневшими взглядами и задвигались сами, наконец-то найдя себе занятия. Олег не был исключением и почти с облегчением сосредоточился на проработке метеосхем в применении к тем направлениям, на которых полку могла предстоять сегодня работа. В феврале погода на севере Корейского полуострова была, мягко говоря, «интересной», а сложный холмисто-гористый рельеф, обилие весьма полноводных рек с прилегающими долинами вкупе с близостью моря приводили иногда к таким причудливым извращениям погоды, что работы по ее прогнозированию приходилось проводить чуть ли не по отдельности для каждого квадрата среднемасштабной карты. Должности «летающего метеоролога» в дивизии пока не ввели, поэтому уточнение спускаемых сверху прогнозов погоды по собственным данным было в интересах каждого воюющего полка.

Телефоны в штабной комнате звонили все чаще и чаще, и минут через тридцать Олег, захватив несколько бумаг, предпочел уйти в соседнюю комнату. В коридоре штабного домика стояли, покуривая, несколько пилотов «Поповской», то есть 2-й, эскадрильи их полка.

– Товарищ подполковник, – обратился к нему один из командиров звеньев, фамилия которого на какое-то мгновение позорно вылетела у Олега из головы, оставив только позывной: «92». – Я понимаю, что вы нам все равно ничего не расскажете, но намекните хотя бы, пожалуйста – что, будет что-то?

Два других летчика уставились на штурмана полка буквально с собачьим выражением в глазах. Собаки тоже бывают весьма разные, но эти ребята смотрели так, как смотрит перед дракой хорошо натренированная овчарка. Вторая эскадрилья стояла в самом хвосте сегодняшнего списка очередности готовностей, и хотя для них ее уже вот-вот должны были поднять по крайней мере на одну ступень, ребята явно ничего не боялись. Максимум – проявляли разумный уровень предбоевого мандража, способный только помочь, до предела обострив реакцию и заранее «прокачав» по сухожилиям мышечные рефлексy.

– Черт его знает, ребята, – честно ответил Олег, наконец-то вспомнивший вылетевшую из головы фамилию: Шляпин. – Ничего конкретного пока нет, но такое ощущение, что скоро будет.

Летчики этого звена были одеты точно так же, как и большинство пилотов корпуса: в штаны и меховые либо кожаные куртки, одеваемые зимой на свитера, а летом прямо на футболки. Некоторые покупали кожанки (за собственные, между прочим, деньги), но сейчас для них был не сезон. В полку, откуда Олег пришел, зимой в полет надевали добротные меховые комбинезоны монгольской выделки поверх двухслойного шерстяного белья, но в Китае были свои правила.

– Настроение как? – спросил Олег, продолжая разглядывать ребят.

– Нормальное, товарищ подполковник, – твердо ответил командир звена, поддержанный спокойными и уверенными кивками подчиненных: своего ведомого Сотина, одного из двух

лейтенантов полка, и Емельяна Карчевского, ведущего второй пары. Интересно, где их четвертый?

– Это хорошо, что нормальное. Карты обновили?

– Так точно.

– Тогда за мной. Вам, я гляжу, делать нечего, так я вас сейчас погоняю.

Олег все-таки не выдержал и улыбнулся, пусть и отвернувшись уже, и прислушиваясь, как ребята топают за ним по узкому коридору. Попавшийся навстречу капитан из БАТО¹¹ посторонился и дал им пройти, снова зашагав по своим неотложным делам куда-то в сторону штабистов.

Выделенный под управление их полка дом был некрупным, и до нужной комнаты они дошли за какие-то два десятка шагов, она была на том же втором этаже. В этот момент за спиной свистнули, и обернувшийся Олег увидел, как Шляпин, который «92», машет рукой еще одному парню, пускающему клубы папиросного дыма в форточку. Парень улыбнулся извиняющейся улыбкой, посерьезнел и щелчком выкинул окурочок за окно. Это Олегу не понравилось, но он смолчал, – делов-то... По крайней мере, это звено собралось целиком.

В учебной комнате уже было человек пять или шесть, при звуке открывающейся двери они дружно подняли глаза на штурмана полка и остальных вошедших. Большинство занималось не подготовкой к возможному вылету, а своими собственными делами. В частности, сидевший спиной к двери капитан Марков из той же 3-й эскадрильи наливал себе в чашку чай из украшенного ярко-синими цветочками пузатого фарфорового чайника. Обернулся он уже после того, как все вскочили, при этом продолжал держать чашку и чайник в руках.

– Вольно, – скомандовал Олег и повторил свой последний вопрос: – Как настроение?

Настроение у летчиков было боевое и ожидающее. Это хорошо, но пока остальные их товарищи мерзли в худосочной китайской «фанзе» непосредственно у взлетно-посадочной полосы, находясь, как и положено, «у машин», эта эскадрилья могла так и «перегореть» в невысокой готовности. Чтобы не допустить подобного сбоя (который, как Олег прекрасно знал, все-таки грозит стоять эскадрилье нескольких жизней), подполковник Лисицын принял командный вид и рассадил всех, кто попался ему под руку, по стульям. Рассудив, что это полезно в любом случае, он устроил импровизированный, пусть и неформальный зачет по последним изменениям в расположении зенитных средств в районе их аэродрома, а также на всю глубину зоны ответственности корпуса. Это помогло – уже через считанные минуты летчики думали не о тех «Сейбрах», с которым им, возможно, предстояло схватиться через несколько часов, а о том, что ответить подполковнику на его очередные вопросы, чтобы он не изменил своего мнения об уровне штурманской и тактической подготовки эскадрильи.

– По сообщению разведотдела со ссылкой на ОВА¹², – громко сказал Олег, оглядывая лица пилотов, – результативность зенитных артиллерийских засад за последние две-три недели значительно снизилась.

Китайские товарищи, как вы знаете, в основном несут потери от реактивных штурмовиков, которые активно работают по наземным целям, а южнее – и от «Мустангов». С точки зрения зенитчиков «Тандерджеты» – это цели высокоскоростные, маневренные и обладающие на редкость высокой боевой мощью. Что такое зенитная засада – вы знаете. Но мне хотелось бы уяснить, насколько вы способны под такие засады не подставиться сами, если нервный наводчик примет вас за американцев. Старший лейтенант Карчевский?

–Я.

– Укажите на большой карте расположение среднекалиберных зенитных батарей в районе к югу от Аньдуна по состоянию на прошлую неделю.

---

¹¹ Батальон аэродромного технического обслуживания.

¹² Объединенная воздушная армия, в которую организационно входили корейские и китайские авиадивизии.

Старший лейтенант, напомнивший Олегу лицом и фигурой снова помолодевшего Николая Шутта, а характером – его собственного когда-то старшего, а теперь уже навсегда младшего брата, начал толково показывать, сопровождая ответ комментариями о том, насколько, по его мнению, та или иная позиция опасна с точки зрения летчика, по самолету которого способна вести огонь.

Сейчас в состав корпуса входила 35-я зенитная артиллерийская дивизия, только с месяц назад сменившая 28-ю, и ее командиры устраивались на новом месте, налаживая взаимодействие с «соседями» – китайцами и корейцами, тоже регулярно меняющими расположение своих батарей. Это было и хорошо и плохо одновременно. Хорошо – потому что офицеры дивизии проявляли заметную агрессивность, стремясь заработать себе все то, что начальство разных рангов будет всю их оставшуюся жизнь связывать с количеством сбитых вражеских самолетов, записанных на их батареи и дивизионы: звездочки на грудь, звездочки на погоны, шанс на Академию и так далее. Не последнюю роль играл и собственно боевой азарт – как и в других подразделениях корпуса, большинство офицеров из старшего командного состава 35-й были фронтовиками, и многие из них имели, за что поквитаться с американцами и англичанами после почти девятилетнего перерыва, потраченного на освоение новой техники.

Самолеты у врагов тоже, впрочем, были новые – и вот это было плохо. Война в Корее уже не первый год шла самая настоящая, воевали в ней профессионалы, и советские зенитчики гибли под ударами «Тандерджетов», «Сейбров», «Шутинг Старов» и «Метеоров», точно так же, как гибли зенитчики-корейцы и китайские добровольцы. Гибли солдаты-срочники из поколения, на шесть-семь лет опоздавшего на войну, выкосившую их отцов, дядек и старших братьев, – шоферы, прожектористы, техники и просто рядовые стрелки, призванные обеспечивать работу корпуса, целиком живущего для одной цели: хоть чуть-чуть заслонить собой кусочек корейского неба. Тремя дивизиями и одним не имеющей собственной техники полком днем, и еще одним полком – ночью.

Кивая старшему лейтенанту в такт его словам и своим мыслям, Олег не сразу осознал, что тот закончил показ. Он позволил парню сесть на свое место и поставил ему лучшую оценку, которую подполковник Лисицын мог себе позволить, учитывая собственные педагогические принципы, то есть «Толково». Наверняка мама в своей школе сейчас икнула, прикрыв рот рукой и вспомнив своего единственного теперь, так и не ставшего учителем сына. «Не все еще потеряно, мама, – сказал он себе. – Крупнокалиберная пуля в любую из конечностей – и на работу мы каждый день будем ходить вместе. Или ты будешь меня возить...»

Со злостью невидимо сплюнув на уколотившую его дурацкую, непонятно откуда пришедшую мысль, Олег продолжил занятие. Опросив еще пару человек, он перевел его в русло общего обсуждения той же самой темы: как не попасть под удар родных зенитчиков, учитывая, что об очередном изменении позиций батарей кто-то всегда может забыть сообщить.

– Вторая эскадрилья! – неожиданно рявкнул динамик в углу под потолком. Все остановились на полуслове, и только что всеобщий гомон оборвался разом. – Принять «готовность номер два»!

Летчики повскакивали, на ходу заправляя свитера, застегивая куртки и складывая листы проработанных с подполковником карт. Поднялся и сам Олег. Он пропустил летчиков в дверь перед собой, а затем свернул в другую сторону коридора – обратно к штабным комнатам. Уже перед самой нужной ему дверью он задержался у подоконника и посмотрел вниз. До противоположного конца ВПП вполне можно было за несколько минут добежать и на своих двоих, но машина с работающим мотором уже ожидала под дверью штаба, и Олег увидел, как стоящий у ее кузова молодой шофер откозырял выскочившим из дверей истребителем – явно излишне в данной ситуации, но искренне и чуть ли не трепетно.

– Товарищ подполковник, «этот самый» в эфир вышел! – сообщил ему капитан, сидящий у занимавшей половину стола рации, которую обслуживал ушастый сержант. – Все уже на КП, и товарищ комполка просил вас сразу туда идти, как вернетесь.

– «Соседи» уже взлетели? – спросил Олег капитана. Он поймал себя на том, что неосознанно начал делать те же самые движения, которые несколько минут назад подметил у спешащих на аэродром летчиков, и заставил кисти своих рук успокоиться. В отличие от них, на Олеге был обычный китайский, горчичного цвета френч, и оглаживать его каждые двадцать секунд было глупо.

– Взлетают, товарищ подполковник. Мне кажется, что в любую минуту может начаться.

Это был уже прямой намек, и Олег, поблагодарив офицера кивком, торопливо пошел к лестнице, ведущей в бункер.

Под многозначительным словосочетанием «этот самый», употребленным связистом в присутствии своего ушастого солдата, понимался совершенно уникальный участник этой войны, лица которого до сих пор не видел ни один человек из знающих его как «Первого четырехпалого». «Первый четырехпалый» – это было устоявшееся за последние два года в узком кругу старших офицеров корпуса прозвище неизвестного американского радиста. Он работал в каком-то из штабов и почти наверняка имел отношение к авиации. Американские военные радиокоды уровней выше батальонного расколоть за последние десять лет не удалось ни разу, и то, что могли означать двух-трехминутные передачи этого радиста, морзянкой улетающие в эфир один или два раза в неделю, не знал никто. Конечно, это могло быть нечто совершенно неважное – но как раз те самые два года назад кто-то догадливый в корпусном разведотделе сумел соотнести нерегулярные передачи одной из сотен работающих в глубине вражеской территории раций с тем, что через час или полтора 5-я и 20-я воздушные армии США проводили совместные боевые операции как минимум среднего по объему задействованных сил и средств масштаба. Исключений из этого правила почти не отмечалось: если операции были чисто тактическими, то есть проводились авиацией флота или морской пехоты США, армейскими легкомоторными разведчиками или вертолетами, либо же не превосходили по своим масштабам каждодневной боевой работы – рация «четырёхпалого» обычно молчала.

Морзянка постепенно отходила в прошлое, а в условиях позиционной войны пользоваться эфиром для общения между штабами и, скажем, аэродромами вообще было несколько странно. К тому же в случаях, когда район работы таинственной рации удавалось вычислить качественно проведенной пеленгацией, она каждый раз давала разные результаты: передатчик, судя по всему, был кочующим. Все это было до такой степени странно, что давало основания предположить, будто таким образом дает о себе знать какой-то весьма осведомленный и невероятно везучий разведчик-инициативник. Понятно, что на самом деле такого не бывает – но, тем не менее, появления в эфире неизвестного американца, южно-корейца или представителя какой-то из иных армий, с достойным лучшим применением энтузиазмом убивающих друг друга в районе многострадальной 38-й параллели, продолжались более или менее регулярно.

Забавное русскоязычное прозвище неизвестного радиста возникло примерно в то же время, когда его выходы в эфир начали использовать для повышения эффективности фактической работы сначала подразделений авиакорпуса, а потом и всей объединенной воздушной армии генерала Лю Чжина. Оно объяснялось не очень обычным, странно смазанным почерком работы радиста на ключе. Скорость передачи у него была превосходная, но что-то в его стиле имелось такое, что заставляло профессиональных связистов в недоумении поджимать губы. Оставшийся неизвестным (и, как ни странно, одновременно с этим прославившийся) советский офицер предположил, что радист четырехпалый, и это определение неожиданно прилипло к неизвестному.

Рация у него все это время была не слишком мощная, особенно учитывая лежащие рядом Восточно-Корейские горы, но и ее передачи в большинстве случаев успешно перехватывались

по крайней мере кораблями советской эскадры, ходящими по бесконечным квадратам в восьмидесяти–ста милях от Инчхона. Ни что это за рация, ни какое значение ее передачи имеют, радисты «Советского Союза» и сменившей его с декабря «Москвы» понятия не имели – но все твердо знали, что сам факт выхода «четырепалого» в эфир должен быть доведен до сведения штаба 64-го ИАК немедленно и с максимальным уровнем защиты содержащейся в передаче информации от декодирования.

Позднее похожий стиль работы был отмечен еще у одного радиста. Этот выходил в эфир раз в пять–шесть реже, и никакого смысла в самих фактах его передач пока не выявили, но на всякий случай несколько занимающихся радиоразведкой офицеров отслеживали и его работу тоже. Некоторые надеялись, что через год–другой это может оказаться хоть в чем-то полезным. Предположение о том, что «четырепалые» могут быть учеником и учителем, либо же двумя учениками одного и того же ставившего им руку инструктора, не было подкреплено уже совершенно ничем, но и разделение их на «первого» и «второго» прилипло тоже – так было удобнее.

– Ну что? – нетерпеливо спросил подполковник Лисицын, закрыв за собой дверь в бункер. Шифровальщик штаба полка, сидящий прямо напротив входа, поднял на него глаза и снова погрузился в свои бумаги, даже не подумав лишнюю секунду отвлечься на человека, не представляющего непосредственной угрозы для содержимого его блокнотов.

– Ловят, – сообщил командир полка, указав Олегу на свободный стул.

Он имел в виду тоже совершенно устоявшееся уже тактическое понятие: отдельные эскадрильи и звенья американских истребителей формировали «заслон» вдоль Ялуцзяна, в то время как другие готовились блокировать аэродромы перед подходом собственно ударных машин. Иногда американцы доразведывали цели непосредственно перед массированным авианалетом, в котором должны были принять участие уже полные авиакрылья. Иногда – работали малыми группами в попытках вступить в бой с малоопытными летчиками, которые никогда не посмеют связываться с сотней «Сейбров», идущих в нескольких эшелонах, растянутых объемным ромбом спереди и сверху над нагруженными бомбами и баками с напалмом штурмовиками, а год–полтора назад – и «Сверхкрепостями».

Китайские и корейские летчики не оставались в долгу и время от времени с переменным успехом пытались реализовать локальное численное превосходство. Пилоты звеньев американских «охотников» были отличными бойцами и за нечастые успехи эскадрильи НОАК и КНА платили дорогой ценой, но бои над зоной ПВО между Анджу и Ялуцзяном продолжались, позволяя наращивать боевой счет и тем, и другим.

Олег сел и выложил карту на колени, прислушиваясь к голосам из динамика. Через минуту он понял, что занимается не тем, и пересел к наиболее свободному от бумаг столу. Следуя координатам, передаваемым не отрывающим от уха «дивизионную» трубку офицером, два планшетиста вели прокладку на поставленной вертикально мутной плексигласовой плите с грубо нанесенными на ней гуашью контурами городов и пунктирами рек под царапинами координатной сетки. Это было красиво и одновременно страшновато: каждая пунктирная линия на ней обозначала группу вражеских или своих самолетов, тянущих свои курсы навстречу друг другу. Такая же прокладка одновременно и независимо велась другой парой операторов на рабочем столе, во всю свою ширину застеленном крупномасштабной картой севера Кореи.

– Район «Огурец», групповая цель курсом триста десять, высота девять—девять с половиной тысяч.

Высовывая от напряжения язык, солдат поставил отметку, оказавшуюся достаточно далеко от других. Эта цель, похоже, была новой.

– ВПУ номер один, малоразмерная цель в квадрате сто девятнадцать/девятнадцать: курс также триста десять, скорость триста, высота не определена.

– Запроси подтверждение скорости.

Командир полка насторожился, и одновременно с ним замерли почти все из находившихся в бункере. Настолько низкая скорость могла означать только одно – бомбардировщики. Пока они находились еще по другую сторону фронта, но курс был явно нацелен «вверх», к территории КНДР. Странно, что цель при этом была малоразмерной, но следующие десять минут почти наверняка принесут новую информацию по этому контакту. Как вариант – это могли быть «Сейбры», маскирующиеся под штурмовики, такие случаи тоже уже бывали.

– Та же цель в квадрате сто двадцать/девятнадцать, курс подтвержден, скорость подтверждена. Высота девять с половиной тысяч. Отмечена вторая малоразмерная цель, параметры цели те же, удаление тысяча – тысяча двести метров к югу от первой.

Под взглядами офицеров планшетист поставил очередной значок и соединил последние две отметки сплошной перемычкой, направленной куда-то в сторону Дану.

– Район «Слон», групповая цель курсом триста, высота девять тысяч... Еще цель, курс тот же, высота та же... ВПУ номер один: третья цель! Квадрат сто девятнадцать/девятнадцать, курс триста, скорость четыреста тридцать, высота пока не определена. Курс первой группы меняется на двести, курс второй неизменен.

– Командир, – Олег поднялся со своего места. – Я иду одеваться. Мне это не нравится. Я такого еще не видел: чтобы бомбардировщики разворачивались в десяти километрах от линии фронта! При том, что перед ними идет расчистка.

– Вторая эскадрилья, готовность номер один! – скомандовал майор вместо ответа, и подполковник Разоренов глухо, вполголоса, ретранслировал его приказание дежурному по аэродрому. Эта команда означала, что летчики эскадрильи должны были занять свои места в кабинах в готовности вырывать на ВПП. Бывалый истребитель, Марченко не собирался расплывать силы, что Олег молчаливо одобрил.

Он дождался ответа на свой вопрос. Ждать пришлось, пока командир полка не закончил двухминутный разговор с дивизией.

– Давай, – одобрил он, оторвавшись наконец от трубки. – Дуй к полосе и будь на подхвате. От телефона не отходи. Как обычно, в общем.

Кивнув, стоящий уже у двери Олег засунул свою сложенную и разглаженную по складкам карту в нагрудный карман и торопливо вышел из бункера. Переодевание заняло у него минуты три или четыре – дело было нехитрое. Тонкая хлопчатобумажная футболка светло-серого, «волчьего» цвета приятно покалывала вспотевшую кожу, поднимая тонус. Куртка тоже пахла каким-то звериным запахом: смесью ароматов грубого «мужского» меха и хорошо выделанной кожи. Если какой-то буржуй когда-нибудь придумает делать одеколон с таким запахом, он наверняка озолотится – всякие тыловые крысы будут лить его на себя ведрами, лишь бы чуть-чуть приблизится к тем ощущениям, которые испытывает летчик-истребитель, готовясь к вылету.

Сдергивая с полки свой шлемофон, Олег попрыгал на месте, прислушиваясь к собственному телу. Все было нормально, если не считать того, что чистая и сухая ткань начала пропитываться потом почти сразу же. Ничего, на улице высохнет, сегодня холодновато. Схватив телефонную трубку и пощелкав рычагом, вызывая оператора; он соединился с КП и спросил о новостях. По словам ответившего ему замкомандира, целей в небе были уже десятки: американцы явно затевали что-то серьезное.

– Судя по тому, что там творится, китайцы уже наверняка кого-то потеряли, – сказал ему подполковник напряженным голосом. Если генерал Ли Минь Хан не спит, то он уже поднял готовность по «второй линии» и своим, и корейцам. Наши «соседи» в воздухе целиком, но у них пока не началось. Минут десять еще, я думаю. Может, пятнадцать.

Посмотрев на часы, Олег кинул трубку и выскочил из комнаты, даже не озаботившись прикрыть за собой дверь. Машина уже ждала его внизу; едва увидев, что он сел, молодой шофер рванул с места, помчавшись по рулежке. Поглядывая то на часы, то в окно, Олег любую

минуту ожидал увидеть и услышать взлетающие истребители полка, но до аэродрома они успели добраться раньше. Хотя где-то к югу в небе уже наверняка шли отдельные стычки, 535-й ИАП подняли не на прямой перехват, а на барраж, это само по себе свидетельствовало о сложности и неясности обстановки.

Множественные малоразмерные группы целей, радикально меняющие курс, но сдвигающиеся в общем направлении к северу... Гм-м... Два года назад, скорее всего, это оказались бы отдельные группы истребителей, прикрывающие тяжело нагруженные бомбардировщики. Но к февралю 1953 года подобная тактика уже устарела – полнокровную дивизию из хорошо обученных и жаждущих подраться пилотов на «МиГ-15» или «МиГ-15бис» остановить достаточно сложно. Хоть одна эскадрилья, да прорвется к «Сверхкрепостям» (если это действительно снова они) и переведет нервную эстетику истребительного боя во что-то вроде посещения разъяренным бегемотом магазинчика с датским фарфором. Сколь просто это сделать «МиГам», американцев в свое время немало шокировало, и поскольку в недостатке логики их пока никто упрекнуть не мог, то значит, дело в чем-то другом.

Еще раз отзвонившись из домика, где летчики до самой последней минуты укрывались от ветра и холода, Олег налил себе из чайника холодного крепкого чая с плавающими лоскутками каких-то завяленных цветочков – пахучих и вяжущих язык. Кивнув принявшему у него трубку дежурному, он сел на стул у окна и принялся ждать. Первая четверка истребителей полка уже стояла в «кармане ожидания» в конце полосы, остальные выстроились на магистральной рулежной дорожке. Поскольку видимость была хорошая, то можно было разглядеть, как высоко над их полем совершает плавные и широкие развороты превращенная расстоянием в темно-серых мошек десятка: звенья какого-то из полков 133-й ИАД, базирующейся на аэродромы «второй линии», прикрывали их взлет.

Так прошло еще три или четыре минуты. Допив чай, Олег поставил украшенную простым орнаментом из веточек и листков чашку на стол и в первый раз за день подумал о доме. В отличие от большинства молодых летчиков, он давно был семейным человеком. Еще в ноябре 44-го, раскачиваясь в нутре идущего через океан авианосца, старший лейтенант Лисицын поклялся себе, что если уцелеет, то заведет семью и столько детей, сколько сможет – за себя и за всех своих ребят, которые не дожили до будущего счастья. Так оно и случилось: немедленно после Победы он написал прочувствованное и полное желаний письмо той девушке, с которой познакомился, когда их переучивали на палубников. Девушке, оставившей на его сердце больше зарубок, чем слетанное звено «Корсаров», и которую он до сих пор не называл невестой даже мысленно.

Ответила она не колеблясь. Письмо, подписанное свежее испеченным Героем Советского Союза гвардии капитаном ВВС ВМФ Лисицыным, было переправлено командованию зенитной артиллерийской дивизии, куда входила ее батарея, и сыграло нужную роль. Понесшая чудовищные людские потери страна нуждалась в свежей крови настолько сильно, что рапорт рядовой Елисеевой об ускорении ее демобилизации в связи с необходимостью выйти замуж за готовящегося к отправке в действующую армию офицера вызвал не смех, как случилось бы год назад, а полное понимание. Немедленно после ее демобилизации они с Олегом и поженились. Это было в январе 1945-го – их как раз собирались отправлять на Дальний Восток, куда шли и шли эшелоны. Начиналась война с Японией, продлившаяся, как и два конфликта тридцатых, не слишком долго. Перед отправкой они с Тamarой успели урвать две недели с какой-то мелочью, и когда он вернулся, она уже ждала ребенка. Вспоминая об этих днях, Олег до сих пор не переставал улыбаться, а теперь-то у него было уже двое, поскольку данные себе обещания они исполняли с тем же энтузиазмом и искренностью, с какими делали все остальное: воевали, жили, любили.

– Товарищ!..

Не дав радисту закончить обращение, Олег выхватил у него телефонную трубку.

– Полку – общий взлет!

В окне взвыло и заревело – в пронизанном редкими снежинками матово-белом небе повисла дымная зеленая ракета, и, когда сигнал продублировали по радио, три десятка истребителей начали запускать двигатели.

Как и в предшествующие дни, Олег остался на земле, провозжая взглядом попарно, с интервалами в пятнадцать–двадцать секунд, срывающиеся с бетона взлетной полосы «МиГи». Самолеты из первых двух эскадрилий (точнее, 1-й и 3-й) взлетели плотной группой, в течение каких-то считанных минут; командир 2-й предпочел задержаться со взлетом, пока из «малых» рулежек, ведущих к полосе от капониров, не вырулили последние машины его второго звена.

В очередной раз за день Олег удовлетворенно кивнул. Комэск Попов, пусть и заставший лишь самый последний год войны в так ни разу и не вступившем в бой авиаполку ПВО, прикрывавшем какой-то важный тыловой объект, был при всем этом опытным командиром и не допускал мелких просчетов, способных дать противнику лишнее преимущество. Отставшей эскадрилье будет проще «срезать угол», догоняя полк в сравнительно компактном и сразу готовом к бою строю, чем рисковать встретить какую-нибудь незамеченную группу «Сейбров» в виде готовой к употреблению растянутой «колбасы»...

Над аэродромом снова хрипло взрычали двигатели машин, прошедших на небольшой высоте. Прощаются уходящие ребята из 133-й? Олег выскочил из домика, морщась от лезущих в веки снежинок, посмотрел в небо из-под сложенной «дошечкой» ладони. Вдалеке над холмами разворачивалась четверка истребителей. Почти одновременно они блеснули остеклением кабин, и на мгновение ему показалось, что это чужаки, но уже секунд через двадцать он опознал «МиГи». Что бы это могло быть?

Самолеты звена пошли на посадку не поодиночке, как обычно было принято, а парами, в тесном строю – пилотаж пилоты показали отличный. Прищуриваясь, Олег сумел прочитать трехзначные бортовые номера, выписанные под каждой кабиной рублеными красными цифрами: «662», «623», «330», «359». Камуфляж у первых двух машин был серо-зеленый, чуть более темного оттенка, чем в их собственном полку. Значит, звено управления. Это откуда-то вернулось в Аньдун командование дивизии.

– Товарищ подполковник...

Высунувшийся из домика связист передал ему сообщение руководителя полетов. Придерживая воротник комбинезона под подбородком, Олег побежал по скользким бетонным плитам к остановившимся в трехстах метрах истребителям, к которым уже подъезжали автоцистерны.

Воюющий летчик-истребитель – это готовый спортсмен. Триста метров Олег, в своем не самом уже молодом возрасте, пробежал секунд за сорок, и даже не слишком запыхался.

– Ага, – поприветствовал его сидящий на нижней ступени приставной алюминиевой лесенки тяжеловесный плотный летчик. – Товарищ Ли Си Цын?

– Так точно, товарищ полковник, подполковник Лисицын, начальник штурманской службы...

– Да я узнал, узнал, не тянись. Ты готов?

Где-то в глубине души вопрос застал Олега врасплох: он был готов подменить любого из летчиков полка, но этого не потребовалось – полк взлетел совершенно нормально, как на учениях. То, что ему предложит лететь комдив, было все-таки неожиданно: раньше такого не случалось. Да и на чем?

– Вот на этой, – в ответ на его заданный глазами вопрос Гроховецкий ткнул «662-ю» в борт. – Ну где, черт побери, машина? Долго я здесь стоять буду?

Машина уже подъезжала – та самая штабная легковушка, в которой на аэродром приехал Олег. Внутри он увидел машущего рукой заместителя командира.

– Пока дозаправляют, знакомься с ребятами. Все боевые, не подведут. Я подзабыл, у тебя сколько сбитых, подполковник?

– Двадцать четыре.

– Угу. А в Корее сколько?

– Пока ни одного.

– А чего так?

Если бы спросивший был хотя бы равного Олегу звания, он с чувством сообщил бы ему, что подобный вопрос решается просто: попробуй сбей сам.

– Летаю мало, – ответил он вместо этого.

– Вот и лети, раз «мало». Задача тебе простая и обычная: прикрытие аэродрома. Может, добавишь. Я за тобой послезу.

Полковник уже полез в машину, но обернулся и, по-доброму улыбнувшись, добавил:

– Не обижайся!

Это помогло – обида на несправедливость угасла, не начавшись. Если комдив прямо в начале чего-то крупного улетел с Апыдуна ради каких-то своих дел, а потом едва успел вернуться – это его командирское решение, наверняка имеющее под собой достаточно веские основания. И то, что на истребителе летал, и с хорошим эскортом – тоже понятно: полковнику почти наверняка хочется жить не меньше, чем любому другому человеку. А летать он явно умеет: это Олег прекрасно знал еще до того, как увидел, как он заходит на посадку.

Олег обернулся к стоящим вокруг него летчикам эскорта и оторопел: ему показалось, что только что на его глазах залезший в машину командир дивизии каким-то невероятным образом раздвоился и все время этого разговора стоял за его спиной. Потом он сообразил, что дело гораздо проще – то есть просто один из прилетевших летчиков невероятно похож на полковника. Следующая промелькнувшая мысль была о том, что полковник не должен был разговаривать с ним в столь легкомысленном тоне в присутствии пусть даже временных подчиненных. Эту мысль Олег отбросил тоже, вздохнув и выругавшись одновременно: десять лет назад он о таком даже и не задумался бы. Возраст, что ли?

Заложив руки за пояс, он покачался на носках, молча осматривая суету техников вокруг остывающих машин.

– Ну, давайте знакомиться, – наконец сказал он. – Подполковник Лисицын, штурман 913-го.

– Майор Скребо, начальник воздушно-стрелковой службы 32-й ИАД. – Это был тот самый невысокий и здоровенный мужик, который напомнил Олегу комдива. Фамилия была знакомой, и сейчас он видел, что лицами они не слишком похожи – просто показалось.

– Старший лейтенант Тимофеев, 224-й ИАП.

Понятно. Раз 224-й, значит Гроховецкий летал на аэродром Дапу, где отдельно от двух других базировался третий полк дивизии.

– Старший лейтенант Федоренко, 224-й ИАП.

– Хм... Не Георгиевич по отчеству?

– Никак нет, товарищ подполковник. Просто однофамилец.

Полковник Федоренко был командиром их авиадивизии с момента ее формирования в 1943-м, прошел с ней Японскую, и если бы у него был сын-летчик, то парень наверняка служил бы именно тут – но это, в конце концов, всего лишь самая простая славянская фамилия, как и у него самого.

– Звено слетанное?

– Так точно. Не первый раз с комдивом.

– Кто его ведомый?

– Я, товарищ подполковник.

Это был первый из старлеев, Тимофеев, – высокий широкоплечий парень, типичный уроженец русского Севера.

– Бои, сбитые есть?

– Пятнадцать боевых вылетов в составе 224-го полка, товарищ подполковник. Бои есть. Сбитых пока нет.

Слово «пока» Олегу понравилось – вместе с внешним видом парня и интонациями его голоса оно окончательно убедило его, повидавшего с сотню таких лейтенантов, что старлей уверен в себе. Это было именно то, что ему нужно было услышать до вылета, если он не собирался провести его с непрерывно вывернутой в сторону ведомого шеей. Понравились ему и остальные двое, ответившие на его вопросы односложно и твердо.

– Готово! – проорали сверху. Подняв голову, Олег увидел, как техники сноровисто отсоединяют шланги от горловины топливных баков первого из истребителей. Необычайно остро, как бывает только на морозе, запахло керосином.

– Ладно, ребята. – Он по очереди посмотрел каждому в глаза и окончательно остался доволен тем, что там увидел. С этими ребятами можно было идти в бой, особенно с майором – таким же, как он сам, «чужаком» в дивизии, бывалым фронтовиком ПВО. Из тех, кто вволю подрался с любителями чужого неба за годы той войны и с успехом продолжал делать это и теперь.

– Сейчас мы подключимся к сети и узнаем, что там, наверху, происходит. Пятнадцать минут назад через фронт прошло полторы сотни машин. На корейцев, как вы знаете, надежды мало, но будем надеяться, что китайцы выложатся как мужики и хоть немного их проредят – или хотя бы просто измотают. В любом случае, нас без работы не оставят. Насколько нужны эти мосты, вы знаете. Если сюда действительно идут бомбардировщики, дойти к переправам через Ялуцзян, к Гисю и Сингисю¹³ не должен ни один. Всем понятно?

Вслух летчики не отозвались, только кивнули, и это его устроило тоже. Да и сказанные подполковником слова тоже не были новыми. Переправы, по которым в Корею шел поток военных грузов, их корпус и входящие в состав ОВА китайские дивизии защищали, не щадя себя – в какой-то степени, эти переправы значили больше, чем многие другие стратегические объекты.

– По машинам!

Полузадушенно шурша шинами по бетону, автоцистерны отползли в стороны, на ходу выстраиваясь в короткую колонну. Подбежавший техник, а за ним трое других, откозыряв, доложились о готовности.

– Товарищ подполковник, самолет к вылету готов!

Олег узнал Кириченко, техника машины Костенко, оставшегося в полку.

– Товарищ майор, самолет к вылету готов!..

– Товарищ старший лейтенант...

– Оружие? – переспросил Олег того техника, который отрапортовал ему, хотя знал, что с пустыми патронными ящиками полковник не полетел бы ни за что.

– В норме.

– Угу...

– Ни пуха, товарищ подполковник.

– К черту, – грубо ответил Олег, уже карабкаясь по лесенке. Устроившись в кабине, он первым делом воткнул пуповины ларингофона и кислородной маски в гнездо располагающегося слева общего пульта, дождался отзвонков своей тройки и только после этого начал тщательно регулировать привязные ремни катапультного кресла.

– Тридцать пятый, – вновь вжав кнопку, сказал он свой новый позывной. – Готовность номер один исполнена.

---

¹³ То есть корейские города Ыйджу и Синыйджу.

Олег был в полку новичком, и хотя своего «личного» «МиГа» он пока не имел, сквозной позывной «35» присвоили ему с первого же дня.

– Тридцать пятый, – отозвался руководитель полетов. – Я – «Вышка». Выруливайте на вз-пэ-пэ. Ждите команды на взлет. Подтвердите, как поняли?

– «Вышка», вас понял. Выруливаю на полосу, ожидаю команды на взлет.

Почему-то Олегу хотелось кого-нибудь обматерить: грубо, не сдерживаясь. Прислушиваясь к себе, он понял, что ему страшно. Летчики корпуса воевали в Корее очень по-разному, тем более в начале 1953 года, когда затяжная война окончательно перестала быть нужной всем ее участникам. Еще не освоившись в дивизии полностью, он уже заметил, что воюют в Корее только те истребители, кто считает это необходимым, а остальные, которых было не так уж мало, боевую деятельность только имитируют. Кто-то из пилотов (таких в 32-й ИАДе было несколько) не сумел реализовать себя в Отечественную и теперь пытался доказать и себе, и другим, что он, просидевший с 1943-го и до начала войны с Японией в училищах или запасных полках, или просто далеко от войны, является истребителем совершенно не хуже прочих. Немало таких было и среди молодежи, расценивавшей эту войну как отличную возможность показать, чего они стоят. Другие честно считали, что если страна затратила на их боевую подготовку такие огромные средства и сочла нужным отправить их сюда, в Китай {«для защиты государственных интересов Советского Союза на дальних подступах» – как говорилось в соответствующем приказе командующего Оперативной группой советских ВВС в Китае генерала Красовского), то надо просто хорошо делать свою работу. То есть – сбивать вражеские самолеты.

Были и искренние сторонники «боевой дружбы» с Кореей, но иногда можно было заметить, что таких людей не слишком любили. Как и весь 64-й ИАК, полк воевал: время от времени его летчики сбивали или подбивали вражеские машины, иногда теряя свои, но ощущение, что летчики-корейцы дерутся совершенно не так, как должны бы при защите своей страны, не оставляло многих. Отсюда и прагматизм в боевой деятельности, радикально отличающийся от того, что Олег видел на той войне. При прочих равных условиях «МиГ» по скороподъемности превосходил почти всех возможных противников, поэтому уйти на высоту и совершенно честно сообщить, что противник не принял боя – такое некоторые летчики тоже практиковали и считали вполне нормальным. Кроме того, в зоне, которую прикрывал корпус, американцы, бывшие их основным противником, почти всегда вели себя очень осторожно. Быть сбитым здесь, вплотную к Китаю, – это для них конец, вертолеты с поисково-спасательными группами сюда не доберутся. А противник – он ведь тоже не дурак, имеет на это те же самые причины и не меньше других стремится остаться в живых, хотя бы до следующей войны.

В то, что война в Корее – это прямое продолжение Хал-хин-Гола и Отечественной, верили далеко не все. Поэтому у многих советских летчиков одной из причин драться с очень большой оглядкой было и наличие в Порт-Артуре кладбища погибших бойцов их корпуса – куда корпус провозил то одного, то другого из воюющих здесь ребят. Слава богу, их полк потерял пока ни одного человека, и счет все еще был в их пользу, но войны без потерь не существует: рано или поздно кто-то из них или разобьется, или будет сбит. Американцами, англичанами, австралийцами – у каждого из которых тоже наверняка найдутся свои причины вступать в бой или не вступать. Увы, нет предела человеческой глупости, совершаемой с самыми лучшими намерениями...

Чуть-чуть подработав тормозами, Олег вырулил свою машину в начало полосы, за ним выкатились три остальных истребителя в зимнем камуфляже. Глупо, но он жалел, что не видел, как «МиГи» выглядели здесь в начале войны: серебро с красным на снегу – наверное, это было действительно, без шуток, красиво. Как и корейские опознавательные знаки на фюзеляже и нижней поверхности крыла: красная звезда на белом фоне, вписанная в красное и синее

кольца. К ним даже ему почти не пришлось привыкать – настолько они были похожи на то, с чем подполковник сроднился за годы службы.

– «Вышка», я тридцать пятый, прошу обстановку, – сказал он через несколько минут ожидания.

– Тридцать пятый, ждите.

Олег решил, что звук в наушниках можно сделать потише, и пошевелил ручку настройки.

– Звено тридцать пятого, доложите готовность к взлету.

Ведомый и вторая пара доложились и продолжали стоять на полосе в ожидании. По подсчетам Олега, бои должны были идти уже по крайней мере над Анджу, и ему не нравилось, что они до сих пор стоят на полосе, расходуя топливо работающими двигателями, но не взлетая. Стоящий на «МиГ-15бис» «ВК-1С» своими 2700 килограммами тяги даже в холостом режиме расходовал не так уж и мало, а в бою может иметь значение каждый десяток литров керосина.

– Тридцать пятый, – снова прорезался голос дежурного. – Пятнадцатый ведет воздушный бой на удалении до двадцати километров к северу от Сукчхона...

Он почему-то замолчал, и у Олега дрогнуло сердце, – это был позывной только одной эскадрильи. Старую машину командира 1-й эскадрильи капитана Бабича «Сейбры» сбили в один день со старшим лейтенантом Смирновым из 2-й, а до этого еще один его «МиГ» списали после посадки «на брюхо»: старлей из 3-й проявил немалую смелость, не став катапультироваться после выработки топлива. Но позывной Бабича, как и «двадцать третий» Попова, не прозвучал. Где две остальные эскадрильи? Почему 3-я осталась одна?

– Звену тридцать пятого, взлет...

Разогнав двигатель до взлетного режима и наслаждаясь мощью истребителя, легко оторвавшегося от клубящейся снегом полосы, Олег счастливо оскалится. И так, все заняты делом, и оказавшемуся под рукой «мало летающему» подполковнику приказали подняться в воздух на прикрытие посадки взлетевших раньше машин 535-го ИАП – а потом, может быть, и своих. Это было несложно – или, по крайней мере, предполагалось таким. Затем, через сколько-то десятков минут кому-нибудь отдадут приказ прикрыть и их собственную посадку – и так будет до самого заката. Прикрытие, как сказал комдив, – это задача «простая и обычная». Но нужная, потому что...

– Тридцать пятый, выше, выше!.. – вдруг заорал не своим голосом дежурный. – Четверка «Сейбров» – разгоняется курсом точно на вас. Шестнадцать километров строго к востоку, высота девять тысяч! восемь с половиной тысяч!.. «Шестнадцать и строго к востоку. Значит, это устье Ялу-цзяна, – подумал Олег, продолжая разгонять свой «МиГ» по прямой. – То есть взлет увидел кто-то из висевших там. С той стороны минимум две батареи, но высота для них слишком большая, не поможет. А разворачиваться и садиться – уже поздно. Не успеть».

– Шесть «Сейбров»:.. Восемь... Змейка, эшелонированы по высоте.

Олег даже не мог ничего сказать, хотя информация о том, далеко ли уже ушли прикрывавшие их «соседи», могла оказаться решающим фактором. Приказав сбрасывать баки, он зарычал, с трудом сдерживая себя, чтобы не тянуть ручку двумя руками. Машина поднималась все выше и выше, но скорость все равно росла слишком медленно для того, чтобы выйти из-под удара. Выбрав секунду, он обернулся влево. Тимофеев висел там, как привязанный, вторая пара шла на сотню метров ниже и на триста позади. Третьей у Олега не было. Советские истребительные полки дрались сейчас звеньями, состоящими из шестерок (то есть четверки с «парой свободного маневра»), но у него было не полнокровное звено, а эскорт полковника.

Хвойно-седая земля продолжала проваливаться все ниже косою двухмерной плитой. Интересно, успеют ли они проскочить, учитывая, что для разогнавшихся до тысячи километров в час «Сейбров» шестнадцать километров – это меньше, чем на минуту полета?

«Скажем, увидели сам взлет, секунд 15 я взял на разгон и отрыв, 5 секунд шасси, – считал Олег. – Скороподъемность эталонного «МиГ-15бис» у земли – 50 м/с. У серийных где-то 46-47.

Когда они пошли вниз, мы были уже на тысяче с лишним. Если успеваем, то едва-едва. Видят ли уже они нас?»

– Тридцать пятый, принять курс двести.

То, что руководитель полетов еще работает, было хорошо. Во-первых, он жив – то есть по аэродрому с самого начала бить не собирались. Следовательно, это еще не начало большой войны, а обычная атака «охотников» на зависшие над полосой взлетающие или садящиеся «МиГи». В этот раз – на них.

– Тридцать пятый, «Сейбры» в твоей задней полусфере, удаление четыре тысячи.

В задней. Значит, не промахнулись. И это при том, что их звено уже развернули на встречно-пересекающийся курс под весьма острым к ним углом. Возможно, американцы разделились. Или задумывали так с самого начала. Ловили комдива? Или ловили его звено на земле? Глупость, конечно, потому что таких подробностей никакой шпийн знать не мог: комдив прилетел тогда, когда «Сейбры» уже давно были в воздухе. Да и не было пока настоящих штурмовых ударов по Аньдуну – разбираемые на сувениры расплюснутые пули от крупнокалиберных авиационных пулеметов американцев имели обычно вполне объяснимое происхождение: промахи по машинам, уже находящимся в воздухе.

– Сколько их? – переспросил Олег, хотя уже и сам мог бы ответить на этот вопрос: видимость была отличная.

– Восемь. Видите их?

– Да...

Высота была 4500, и Олег продолжал тянуть звено вверх, но до сих пор имеющие преимущество по высоте американские истребители продолжали сближение, медленно выбирая сотни метров из разделяющей их дистанции. Раскрашены они были, насколько можно разглядеть, широкими желтыми полосами –похожие, с их тонким черным кантом на фюзеляже и консолях, на дореволюционные штандарты. Олегу показалось, что в кабине остро пахнет подмышечным потом, но через кислородную маску он этого на самом деле почувствовать не мог: значит, просто мерещилось от волнения. Если бы «Сейбры» были ранних модификаций, они бы уже начали отставать, но похоже, они из новых – про такие считалось, что при одинаковой заполненности баков они почти не уступают «МиГам» в скороподъемности. Считалось, что таких в Корее уже немало, хотя по поводу этого говорили разное. Горизонтальная маневренность – вопрос сложный, но в ней у «Сейбров», видимо, превосходства все-таки не было, именно поэтому они всегда атаковали с пикирования, а немедленно после атаки, чем бы она ни завершилась, снова набирали высоту.

Сейчас Олег вел свою четверку по прямой и вверх, но... Баки почти полные, поскольку они только что взлетели. Так драться тяжело, но если американцы шли с ПТБ¹⁴ и сбросили их над заливом, уже переходя в пикирование, то внутренние баки у них тоже почти полные, за вычетом, может, ста—двухсот литров. А это значит, что они проигрывают «МиГам» и по тяговооруженности, и по нагрузке на крыло. Может, попробовать?

Олег крутил головой изо всех сил – из остального больше всего ему не нравилось то, что американцы неторопливо поднимаются вместе с ним, все еще сохраняя превосходство в тысячу метров высоты или около того, но не форсируя начало боя и не уходя. Их было вдвое больше, и они совершенно не боялись его звена. Это были явно не новички. Впрочем, подполковник Лисицын не мог припомнить, чтобы ему хоть раз в жизни приходилось сталкиваться в бою с новичками.

– Тридцать пятый, ваше решение? – спросил молчащий уже почти минуту голос в наушниках.

---

¹⁴ Подвесные топливные баки.

– Прошу помощи, – хриплым голосом произнес Олег. Он знал, что ему никто не поставит в укор такие слова: с этими ведомыми он взлетел впервые, не представляя даже, как их зовут по именам. Знал он и то, что ему ответят.

– Помощи не будет. Все заняты. Держитесь. Уходите вверх.

Похоже, это было глупостью с самого начала. Времена оборонительных кругов давно прошли. «Держаться» в бою истребители могут, только атакая. «МиГи» в глубине своей территории, а американцам еще нужно возвращаться домой. Кроме того, они не знают и не могут знать, что на помощь его четверке с Догушаня или Ляояна сейчас не взлетает корейская или китайская истребительная авиадивизия в полном составе. И при этом они все еще не торопятся начинать бой. Почему-то. Знают ли американцы, что столкнулись с советскими летчиками? Почему они не начинают?

Ходили смутные слухи, что «Сейбры» могут работать в смешанных по типам группах, обеспечивая боевые испытания новой техники. Может, это как раз такой случай? Ладно, не успели атаковать с ходу, имея еще значимое преимущество в высоте, но почему не уходят сейчас? Решили рискнуть, надеясь на численное преимущество?

Еще пятьсот метров высоты, и они пробрили тонкий слой облаков. Потом еще пятьсот. Преимущество американцев в высоте уже почти кончилось. Теперь высота была чуть больше 8000 метров: выше превосходство «МиГов» в скороподъемности станет еще более явным, ниже – шансы повысятся у «Сейбров». К этому моменту их разделяло где-то полторы тысячи метров: огонь открывать рано, но – тоже «почти»... На майора можно положиться, так ведь? Ну?

– Я тридцать пятый, вас понял.

Вторая пара всплыла на его высоту за какие-то секунды. Они сделали пятисекундную паузу в наборе высоты, и скорость «МиГов» быстро приблизилась к «трем нулям» – 900, затем 950, затем 1000 километров в час. При таких условиях на равной высоте «МиГ» вполне может уйти по прямой с набором высоты и скорости. Всего-то – разомкнуть строй и продолжать подъем вверх, строго выдерживая курс, стараясь вывести американцев в район, прикрытый зенитками. Пусть они молятся, чтобы их не сняли, когда они начнут пикировать, если что-то пойдет для них не так. Но у него есть поставленная командиром задача, он привязан к объекту прикрытия... И он не может показать никому, что боится... Высота уже почти 9000. Ну что, дальше вверх? Или рискнуть? Да или нет?

Олег проверил подсветку прицела. Все было нормально. Пальцы в тесно обхватывающих кожу перчатках не тряслись, только потели. Впрочем, это, как обычно, было неважно.

– Тридцать пятый, принимаю бой, – сказал он, вжав кнопку ларингофона. Тройка, как и положено, ответила – голосами, в которых он совершенно не уловил интонаций.

Теперь можно начинать.

Сделав элегантные полуперевороты, четыре «МиГ-15бис» устремились к поднимающимся за ними уже почти вплотную «Сейбрам»: отворачивать и уходить в пикирование те так и не стали.

Тактически это, возможно, было не так уж выгодно – логичнее было бы попытаться потянуть время еще пару минут и подняться повыше, по крайней мере до 12 тысяч метров. Но подниматься Олегу не хотелось: двое из летчиков были молодыми, но соотношение «два к одному» – это, в конце концов, не так уж плохо, если ты знаешь, что делаешь. За себя он был уверен – летать и драться он мог бы поучить многих. Плохо было то, что ни лица, ни фамилии молодых старлеев не значили для него почти ничего и предугадать их поведение в бою он не мог. А еще хуже то, что американцы в учителе не нуждались – одного взгляда на то, как лихо они перестроилась, элегантно выйдя из-под его туповатого первого удара, подполковнику хватило, чтобы осознать: эти ребята так просто их не выпустят. Преимущество «МиГов» на такой высоте – против численного преимущества. Ну-ну...

Избегнув атаки, «Сейбры» разделились на два звена, сразу выстроив в каждом «лесенку» эшелонов с превышением друг над другом в километр с лишним. Выведший свою четверку из пикирования между верхним и средним звеньями, Олег встал в правый вираж, и это, к его радости, оказалось удачным решением – нижнее по высоте звено дало вверх, и неминуемо обстреляло бы их, сохраняя они прежний курс. Теперь же американцы потеряли накопленную скорость и должны были разогнаться заново, а «Сейбрам» это не просто. Верхнее же звено повторило их собственные эволюции, с большим креном уйдя в вираж, выводящий их на встречный курс. Таким образом, размен вышел как минимум равноценный, а то и проигрышный – если учитывать хотя бы просто количественное соотношение выцеливающих друг друга машин в пределах каких-то нескольких тысяч метров.

Бой длился уже почти две минуты, а они все еще были живы. Косая петля, восходящая спираль, боевой разворот, виражи – с их радиусом по 2500 метров. Американцы умело комбинировали вертикальные и горизонтальные фигуры пилотажа, и то виражили, то вздергивали себя вверх, а то и ныряли вниз, умело и даже талантливо выматывая своих противников все сильнее с каждой минутой. Наибольшее внимание они явно уделяли тому, чтобы всегда сохранять «угрозу сверху», не дав «МиГам» просто стать в вираж с выпущенными тормозными щитками – в ожидании, что первым ошибется кто-то из врагов. Да, при одинаковой тяге двигателей «Сейбр» в полтора раза тяжелее, но численное преимущество есть численное преимущество – всякий раз, разогнавшись после очередного боевого разворота, подполковник обнаруживал, что «Сейбры» все так же эшелонированы по высоте, и по крайней мере одна пара уже находится почти прямо над ними. Сам же он по мере сил старался удерживать темп и всем своим безумным поведением демонстрировать, что горючего у него пока много, а случиться за следующие минуты может все что угодно. Для примера – вот сейчас он разогреется как следует и всех побивает к чертовой матери. На пяти километрах высоты «МиГ-15бис» мог за один боевой разворот набрать около 3000 метров, и хотя выше, конечно, меньше, но «Сейбрам» все равно такое и не снилось. И все равно: уверенные в себе, не хотели выходить из боя они, – а он, привязанный задачей к Аньдуну и зная, что в любую минуту могут вернуться для посадки эскадрильи «соседей», точно так же не собирался уходить сам.

Скрипя зубами с такой силой, что отслаивались чешуйки эмали, ощущая, как от перегрузок одна за другой лопаются мелкие подкожные вены на ногах, Олег держал и держал бой всем своим опытом выжившего уже почти в сотне воздушных схваток бойца. Полностью используя возможности машины, экономно расходуя энергию и «МиГа», и себя самого, он продолжал драться. Это могло звучать дико – скажи он такое вслух, но сначала через одну, а потом и через следующую минуту пилотажа на предсрывных режимах, на выворачивающих суставы нагрузках, он ощутил, как к нему приходит сперва окончательная уверенность в себе, а потом – и в тех, кто дрался рядом. Идущий за левым плечом ведомый на глазах превращался в Мишку на его «Яке» – тот тоже был молодой и веселый. Майора Олег припомнить не мог, но и этот типаж был ему знаком. В динамиках шлемофонов не было слышно ни одного лишнего слова, кроме хриплых отрывочных команд и докладов, но большего и не требовалось – настрой ребят он ощущал и так. С самого начала боя он сумел открыть огонь только один раз – когда метрах в шестистах поперек прицела мелькнул чужой перекошенный силуэт. Новый прицел АСП-ЗНМ давал возможность достаточно точно работать до восьмисот, но только теоретически. На больших перегрузках сетка «уходила», поэтому в начале маневренной фазы боя Олег поставил его на «Непод.», надеясь подобраться к кому-нибудь из врагов на сто—двести метров. Лишнего везения не случилось – снаряды двух коротко рыкнувших 23-миллиметровых пушек прошли далеко в стороне от крутанувшего бочку «Сейбра», мгновенно провалившегося вниз.

– Тридцать пятый, крути вправо!

Вправо он и дал, навалившись на ручку управления так, что металл едва не согнуло. Воздух в кабине кисло и горячо пах сгоревшим порохом – и это опять, скорее всего, лишь

казалось. Проскочившая навстречу и чуть выше чужая пара чуть ли не колыхнула его машину потоком воздуха. Прицелиться, благодаря его довороту, они не успели – ни в него, ни, хочется надеяться, в ведомого. А вот вторая пара его звена шархнула по врагам со всех стволов. Мимо, конечно, при такой-то скорости сближения – но красиво. 37-миллиметровый снаряд в центроплан – это почти пополам. Если повезет попасть. Не повезло.

Потом им не повезло еще раз – и уже гораздо хуже. Устав ждать над заливом своей очереди, третье звено «Сейбров» вышло прямо в их растянутую на 5-6 километров «карусель» – вероятно, решив поучаствовать в общении. Судя по точности отлично скоординированного выхода, этих навели их собственные товарищи, понемногу начавшие раздражаться. Выходит, американцев было не восемь, а двенадцать, а радиотехнические станции их проспали: с земли его предупредили всего за десяток километров.

Повертев головой, Олег ощерился и едва не зарычал с подвыванием, как любил раньше. Дюжина «Сейбров» – это половина американской истребительной эскадрильи, которая в норме состояла из 25 машин. Сколько четырехсамолет-ных звеньев из какого числа разных эскадрилий вылетело на блокирование Аньдуна, Мяогоу, Догушаня – бог весть. Но в то, что даже всему их корпусу вместе взятому удастся сбить всю остальную истребительную авиацию американцев за один день, Олег не верил. Значит – остальные американцы чем-то заняты. Возможно, как раз им, но он об этом пока не знает. Не знал этого и руководитель полетов, по-прежнему пытавшийся ориентировать подполковника в окружающем теми словами, что прорывались через шум крови в ушах. Огонь американцев становился все более точным, а на реактивных машинах 500-1000 лишних метров высоты – это какие-то секунды. Но эти секунды все еще были в пользу «МиГов», по-прежнему живших за счет технического превосходства, разменянного на соотношение сил. Пока их так и держали, не давая уйти выше без риска, но больше десяти минут подобный бой длиться не может – кто-то должен захотеть выйти из него первым. И уже именно поэтому, надеясь, что такое решение навсегда излечит его от сжавшегося где-то в глубине души страха, подполковник Лисицын продолжал драться, не собираясь становиться этим первым.

Отражение показаний приборов в его глазах смазывается – «МиГ» потряхивает от первых, неопасных еще срывов на крыле. Это сигнал, предупреждение машины о том, что угол атаки близок к критическому: еще немного – и начнется штопор. За майора Олег перестал беспокоиться окончательно, это явно был летчик не хуже его и не хуже американцев. Но вот то, что настолько уверенно и слаженно продолжают действовать и оба старших лейтенанта, просто вызывало у него восхищение. Очередные трассы американцев проходят мимо широким колыханием веером: сам он не стал бы стрелять с такой дистанции даже из пушек. Вероятно, он им окончательно надоел.

– Тридцать пятый, тридцать пятый, выходите из боя... Вверх, вверх!

И сидящий где-то внизу майор надоел ему тоже. Поднимайся в небо, если ты такой умный. Поучаствуй в веселье. Олег увидел, как два «Сейбра» едва не столкнулись в воздухе, торопясь развернуться в хвосте у его второй пары, и едва не захохотал злобным голосом, не отрывая взгляд от прицела. Нет, далеко... Все равно не попасть.

В этот момент его самолет звонко стукнуло. Задели? Олег навалился на ручку всем телом, с облегчением осознав, что в воздухе он пока держится. И тут в ста метрах перед ним снизу вверх выскочил желто-черно-серебряный «Сейбр». Взрыв от обиды, подполковник буквально извернулся в кабине всем телом, пытаясь повернуть вправо свой до сих пор разворачивающийся в другую сторону самолет, когда входящий уже в поворот американец взорвался. Не весь, конечно – это уже мозг достроил обрывочную картинку первой секунды до чего-то, много раз уже виденного – но обломки из него полетели в разные стороны, а топливо из повалившегося на бок «Сейбра» хлынуло серым водопадом. Второй американец, то ли ведомый подбитого, то ли ведущий, мелькнул где-то далеко, на самой-самой периферии зрения, и именно

тогда Олег наконец-то выдернул свое звено вверх, за магическую границу, куда они не выходили еще ни разу за сегодняшний день. Почти с наслаждением, задыхаясь от счастья, он увидел, как валящийся «Сейбр» выкидывает из себя тело пилота, и только тогда четверка «МиГов» с огромным, безнадежно выводящим из строя авиагоризонт креном, вонзилась в белое от солнечного света, свободное, чистое небо.

Когда они сели, из кабин не сумел вылезти ни один из четверых. Летчики так и сидели, остывая вместе с двигателями своих истребителей, уже зарулив в капониры со стенками, сложенными из набитых песком джутовых мешков – пока техники и остальные летчики полка не начали бить ладонями по плексигласовым пакетам их фонарей. Звено не вышло из боя до получения прямого приказа командира полка: это была высшая честь истребителя, и каждый из них постарался запомнить этот день в первую очередь тем, что в нем было хорошего, то есть победой.

Уже стоя на земле, у левой консоли усталого «МиГа», подполковник Лисицын, придерживая ладонью лезущие на лоб и стянувшиеся в ком от ссохшегося пота пряди волос, посмотрел на пулевые пробоины в левой плоскости – метра на полтора от сопряжения консоли с фюзеляжем. Пробоин было три, и легли они в пространстве размером с тарелку – неожиданно элегантным равносторонним треугольником. Если бы поврежденная машина была бы чьей-то другой, он, возможно, даже подумал бы, что это красиво. Сейчас – разумеется, нет. Не считая трех или четырех потерянных килограммов веса, а также инвалидности, настигшей через сорок лет после конца этой войны двоих из четверых участвовавших в этом бою советских летчиков, а также того, что открыть вечером выданную им на стол бутылку коньяка летчики так и не смогли, это повреждение оказалось единственным, чем впервые поднявшееся с Олегом в воздух чужое звено заплатило за свои и его жизни.

Случившаяся в районе аэродрома Аньдун стычка стала одной из нескольких десятков воздушных схваток средней интенсивности и минимального военного значения, произошедших за этот день. Поймать едва взлетевшие либо садящиеся с пустыми баками эскадрильи американцам на их поле не удалось, как не удалось это и прочим ударным группам, имевшим сходные задачи – так что эта часть плана не сработала. В остальном же воздушное сражение 5 февраля 1953 года прошло вполне обычно, отличаясь от многих других только почти полным задействованием всех наличных сил Объединенной Воздушной Армии – по мнению ее штаба, сумевших максимальным усилием и немалыми жертвами не допустить прицельного удара стратегических бомбардировщиков по железнодорожным мостам и электростанциям.

Как обычно, роль 64-го ИАКа в этом успехе, даже по сводному месячному отчету О В А, не была отражена ничем, кроме нескольких цифр. То же, что роль бомбардировщиков в этой операции американских ВВС была отвлекающей, было осознано далеко не сразу. Фактически свою настоящую роль – выманить на масштабное воздушное сражение все боеспособные истребительные части ОВА – несколько микроскопических, на одно звено, групп «Сверхкрепостей» сыграли отлично. Ни один из бомбардировщиков сбит не был, а три десятка боев, принятых непосредственным прикрытием «Крепостей», группами расчистки, свободной охоты и выделенными для блокирования отдельных аэродромов звеньями и эскадрильями, оказались в итоге достаточно результативными.

Три звена 334-й эскадрильи 4-го истребительного авиакрыла ВВС США, вступившие 5 февраля в схватку с превосходящими силами ВВС НОАК над аэродромом Аньдун, потеряли в тяжелом и продолжительном десятиминутном бою один «F-86 Сейбр» и одного пилота – вероятно, попавшего в плен (что так никогда и не было подтверждено северокорейской стороной). Несмотря на то, что на самом деле ни 913-й ИАП, ни какая-либо другая часть 64-го ИАКа или ОВА не понесла в этот день в районе Аньдуна никаких потерь, оставшиеся в живых пилоты американской эскадрильи заявили, что им удалось уничтожить в воздухе пять «МиГов». Шестая заявленная победа была отклонена командованием после тщательного сопо-

ставления отчетов летчиков с материалами объективного контроля. Таким образом, соотношение потерь и побед в этом конкретном бою составило пять к одному – что было ровно в два раза хуже, чем считающееся обычным для войны в Корее десять к одному в пользу авиации США. Случившееся было объяснено тем, что американские летчики столкнулись с пилотами, явно превосходящими по своей боевой подготовке обычные части китайцев и корейцев – по слухам, в Корее действовали и советские летчики. Тем не менее, пять якобы сбитых истребителей «МиГ-15» и соотнесенный после открытия советских архивов с именем старшего лейтенанта А. Л. Тимофеева потерянный «Сейбр» были навечно запечатлены в отчетах прославленной эскадрильи и навсегда остались доказательством того, что эта война не была простой ни для кого.

Узел 3.2

13-18 февраля 1953 года

Всего через две недели после своего прибытия на войну рядовой 38-го пехотного полка 2-й пехотной дивизии Мэтью С. Спрюз уже настолько походил на нормального солдата, что это могло бы порадовать уже не только дядьку Абрахама, но даже тренировавшего их роту сержанта из Форт-Левиса – не останься тот дома. «Большим Белым Мужчиной», снайпером из роты «Е» оказался худенький смуглый паренек, в котором явно имелась немалая доля крови выходцев из французских североафриканских колоний. После недели интенсивных занятий с ним, укладываемых в промежутки между теми занятиями по стрелковой и тактической подготовке, в которых он обязан был принимать участие как рядовой 1-го взвода, Мэтью начал понемногу понимать, что от него в дальнейшем потребуются. К середине последней недели января Большой впервые взял его с собой вторым номером, и хотя этот выход остался полностью безрезультатным, с тех пор они выходили в снайперские засады уже трижды.

Во второй из этих выходов Мэтью впервые сумел поймать в свой прицел коммуниста, но первый номер их пары даже не дал ему подумать о том, чтобы выстрелить самому. Немедленно после того, как Большой ярдов с шестисот вlepил пулю в голову вражескому солдату, перебегающему по облюбованному ими в качестве цели дну недостаточно глубокого участка траншеи у подножия занятой северокорейцами высоты, по ним начали садить из минометов. Меткость огня коммунистов оказалась не слишком высокой, но мины ложились вокруг с такой частотой, что вырваться из-под огня пара Большого сумела только с помощью южнокорейцев. Поняв, что американские снайперы обнаружены или по крайней мере вычислены, командир батальона армии Республики Корея прикрыл их огнем взвода своих собственных минометов настолько плотно, что минометчики рисоedов-северян вынуждены были перенести свой огонь на их огневые точки.

Под визг проносющихся над головами мин Мэтью и Большой, которого на самом деле звали Стивен, задыхаясь, подползли к передовой траншее, куда и были втянуты нервно пригибающимися солдатами в серой от инея форме. Оглянувшись назад, на заработавший откуда-то из-под холма станковый пулемет, они, не сговариваясь, побежали по траншее дальше, в глубь батальонного узла обороны. Мины продолжали ложиться за спиной и по бокам, и хотя стреляли уже явно не по ним, Мэтью Спрюз продолжал прыгать за старшим товарищем едва ли не зажмурив глаза, настолько ему было плохо от противного воя и писка, похожих на звуки, которые способна издавать больная бронхитом рожаящая кошка.

То, что всего-то одного далеко отлетевшего при взрыве осколка вполне хватит, чтобы пройти на два-три дюйма в глубь его молодого и здорового тела, Мэтью понимал очень хорошо. Именно поэтому он впервые поднял взгляд от сапог и прыгающего черного пятна оклеенной потертой изоляцией пятки приклада Стивенова «Спрингфилда» лишь после того, как они, несколько раз меняя направление движения, пробежали ярдов четырехста.

– Поздравляю с крещением! – нервно засмеялся Большой, стараясь отдышаться. Мэтью искренне и даже с удовольствием перекрестился, чувствуя, как мелко подрагивают его руки. Стыдно ему не стало ни на минуту – понимание того, что бояться можно сколько угодно, в свое удовольствие, лишь только делай свое дело, было теперь вколочено в него четко и навсегда.

Начиная с третьей своей засады, Мэтью впервые начал «делать» сам. Под «делать» Стивен понимал конкретную и простую вещь – прицельную стрельбу по живой силе противника. Вообще, за эти дни, особенно после того как они оба поползли и побежали иод огнем коммунистов и Большой, то есть Стивен, начал принимать его более всерьез – снайпер роты «Е» научил бывшего пенсильванского фермера такому количеству новых слов и выражений, что

при попытках употреблять их к месту у того начала путаться голова. «Лу-лу», например, означало «отличный», к чему бы это ни относилось – к выбранной Мэтью по его указанию позиции, предназначенной для обстрела определенного микроскопического участка позади первой линии траншей противника, или к самостоятельно пришитому им к своей форме «маленькому» шеврону рядового «образца 1948», официально уже упраздненному, но почему-то модному в их полку.

Другое выражение, которое Стивен употреблял настолько регулярно, что оно запомнилось само собой, было «Quien sabe?» – в значении «А кто его знает?». Со своей широкой искренней улыбкой и летящими шагами легкоатлета-спринтера, снайпер Стивен был в глубине души то ли искренним фаталистом, то ли просто флегматиком – и это обращенное то к окружающим, то к самому себе выражение звучало из его уст по любому поводу, который он мог найти. Судя по всему, оно здорово помогало ему жить.

Первый на этой войне выстрел рядового Мэтью С. Спрюса по врагу был произведен в 9 часов 10 минут утра 13 февраля 1953 года. Заняв тщательно выбранную им с вечера позицию еще в полной темноте, снайперская пара провела в широком и изначально мелком окопе свыше четырех часов, замерзнув от ночного холода и неподвижности до предела человеческого терпения. В служивший ранее пулеметным гнездом окоп (точнее, в самый край его бруствера) когда-то попал среднекалиберный снаряд – вероятнее всего, от танковой пушки – и вспученный закаменевший холмик выброшенной земли, наполовину сползшей в окоп, послужил отличным укрытием от взгляда вражеского снайпера или наблюдателя.

Ярдах в двухстах в сторону стоял одинокий остов сожженного в ходе последнего наступления китайцев танка, уже потерявшего под копотью и инеем вообще любое подобие окраски. Вытащить его с нейтральной полосы не сумели ни коммунисты, ни южнокорейцы, за две или три недели оставившие вокруг него по десятку тел бойцов разведгрупп, отчаянно резавшихся друг с другом в ночной темноте. В итоге произведенный где-то на заводах Советского Союза «Т-34-85» так и остался «ничейным», служа ориентиром для наблюдателей и репером для минометчиков и артиллеристов. Любой нормальный снайпер должен был стараться держаться от такой отлично пристрелянной цели подальше, и то, что Мэтью сумел дойти до этого своим собственным умом, окончательно уверило его в себе. Все-таки даже импровизированного снайпера можно подготовить достаточно быстро, если он будет воспринимать свою задачу всерьез.

Пропитанный холодом приклад его винтовки уверенно ударил в плечо, когда Мэтью нажал на спуск. Пулеметчик коммунистов мелькнул в амбразуре занесенного снегом дота всего на пару секунд, но Мэтью ждал появления того в этой точке уже достаточно долго и своего шанса не упустил. Теплая сдвоенная куртка смягчила удар, но отдача от мощного «Спрингфилдского» патрона «.30-06» все равно была достаточно сильной, и винтовку бросило в сторону, вырвав запрокидывающееся пятно плоского азиатского лица из линз прицела. Прицел у «M1903L4» был явно слабый, 2,2-кратный, но это компенсировалось широким полем зрения, и Мэтью самокритично подумал, что ему, как новоиспеченному снайперу, предстоит еще много тренироваться, прежде чем мишень перестанет уходить за границы видимости при каждом его «рабочем» выстреле.

– Сделал, – подтвердил наблюдавший за его выстрелом Стивен секунд через тридцать, когда оба они уже лежали лицами друг ко другу, вжимаясь в брошенные на дно окопа стеганные «ромбиком» серо-синие ватные куртки южнокорейской армии, используемые хотя бы для какой-то защиты от холода земли, вытягивающей из тел всякое тепло.

– Чисто сделал. Правки не потребовалось. Лу-лу.

Несколько минут они ждали того же раздирающего уши визга падающих на их головы мин, которым коммунисты отреагировали на проявление их жизнедеятельности в прошлый раз, а то и струи огня из этого же двухамбразурного дота, теперь все обошлось. Через два

часа, когда Стивен и Мэтью тихонько выползли из лежки и аккуратно, по несколько дюймов за движение, проползли до ожидающего их ответвления старой траншеи, охраняемого давно ожидающей их тройкой южнокорейских пехотинцев, они смогли поговорить уже нормально.

– Ты сам не увидел, как я понимаю? – уточнил Большой, – но я успел поймать картинку. Ты в лицо попал – лучше и я бы не выстрелил. Молодец.

Смущенный рядовой пожал плечами, потрогав не подведший его прицел задубевшим пальцем, и с чувством вздохнул.

– Совершенно верно, – подтвердил Стивен. – С тебя причитается. И еще кое-что...

Подышав на пальцы, он засунул руку глубоко под одежду и, покопавшись там, вытянул на свет новенькую нашивку, представляющую собой оформленную в виде щита эмблему их 2-й пехотной дивизии, «Голову Индейца», выполненную яркими шелковыми нитками, – предел мечтаний любого новобранца.

– Заслужил, – со значением в голосе сказал Стивен. – Пришей крепко, носи с честью и все такое. Вечером я напишу рапорт с подтверждением убитого, и ты передашь его своему командиру. В общем, тому и. о., который у вас там командует. Впрочем, зачем вечером? Прямо сейчас и напишу, все равно на сегодня у нас здесь все. Теперь ты сам по себе будешь. Выберешь себе второго номера, как я говорил, и будешь учить его, как можешь.

– Слушай, Стивен, – озвучил Мэтью с большим опозданием пришедшую к нему в голову мысль. – А где твой второй номер? Ты про него не рассказывал ничего. Ты что, один работаешь?

Снайпер роты «Е» усмехнулся нехорошей, мрачной улыбкой.

– Снайперы поодиночке не работают. Если, конечно, не охотятся на старину Ким Сун Чу¹⁵, по шею закопавшись в снег позади его личного утепленного сортира в Пхеньяне.

Я – не исключение, но мой второй номер за три дня до твоего появления наступил на такую дрянь, которая размозжила ему половину костей в ступне. «APMS» – ты знаешь, что это такое?

– Как? – переспросил Мэтью, не разобрал.

– Эй-пи-эм-эс, – отдельно, по буквам произнес тот еще раз. – Не знаешь? Мой старший братец наступил на такую в самом начале контрнаступления в Германии в ноябре сорок четвертого. Русским, как ты знаешь, задницу тогда надрали капитально, но он инвалидом так и остался, – будет теперь хромать всю оставшуюся жизнь: остатки пятки ему просто набок выкрутило. Поскольку таких раненых было немало, то им рассказали, что это за штука. Меньше двух унций взрывчатки, корпус по форме и виду – как коробочка из-под табака, красится в цвет местности. Взрыватель самый примитивный, нажимного действия. Если сапог хороший, да с парой крепких носков, то стопу не оторвет, но пальцы и пятку – в клочья, – а это все, ты уже не боец.

– Почему русская мина? – спросил Мэтью, не поняв всего сказанного до конца.

– Ну, здесь, наверное, не русская. Китайская или местная, – таких наделать в любом гараже можно, дело нехитрое. Но принцип тот же. Так что смотри под ноги все то время, пока немотришь по сторонам. А по сторонам смотреть надо всегда. Понял теперь?

– Да, – соврал Мэтью, окончательно запутавшись. Стивен с усмешкой кивнул и отвернулся, задумавшись о чем-то своем. Мэтью вспомнил, что тот снайпер их роты, чье место он занял, тоже подорвался на старой китайской мине, и по описанию – похоже на брата Большого и его же второго номера. Но поскольку он так и не понял, что бы это могло значить, то промолчал.

Разглядывающие американцев корейские солдаты негромко переговаривались между собой, поглядывая на них с выражением, которое оба снайпера, не сговариваясь, определили

---

¹⁵ Настоящее имя Ким Ир Сена.

про себя как иронию. На большинстве из них были такие же стеганные куртки, какие они использовали в качестве подстилок. Насколько Мэтью выучил, у китайцев и северокорейцев они отличались и цветом, и фасоном, и он изо всех сил старался запомнить, как именно подобные такие куртки должны выглядеть у «своих», чтобы не перепутать, когда стреляешь.

То, во что одет тот коммунист, которого он, скорее всего, убил, открывший личный снайперский счет рядовой Спрюз просто не имел шанса разглядеть, поэтому в ожидании следующей возможности сделать это ему пришлось провести несколько дней. За это время он, с равнодушного разрешения командира взвода, подобрал себе в помощники рядового Закария Спринга из очередной прибывшей команды новобранцев, сразу же получившего прозвище «смоляные пятки»¹⁶.

Несмотря на новоприобретенную уверенность, в глубине души Мэтью все еще чувствовал себя страшновато и неудобно, поэтому возможность поговорить с кем-то, кто жил хотя бы приблизительно в его краях и так же занимался фермерством, значила для него очень много. Опытного же солдата он брать себе в помощники не решился, поскольку ему продолжало казаться, что ветераны взвода относятся к нему все с той же иронией, что и в самый первый день после его прибытия в часть.

На следующий день после того как Большой белый человек признал его готовым «делать» самостоятельно, он попытался, с одобрения и. о. комроты, устроить первую полностью самостоятельную снайперскую засаду – надеясь подловить «кочующий пулемет» коммунистов, уже не одну неделю портящий жизнь корейскому батальону, занимающему раздолбанные артиллерией позиции непосредственно перед участком их роты. Это было 14 февраля, но единственным, чем этот день отложился у него в памяти, стал жуткий, редкий даже для суровой дальневосточной зимы ветер, который дул почти точно с севера большую часть ночи и дня. Этот ветер не только не дал Мэтью Спрюсу возможность как следует вести наблюдение, но и вызвал у него не проходивший потом несколько дней тяжелый конъюнктивит от протиснувшихся под веки ледяных крупинок.

Через несколько дней он решил попытаться снова. Командир одной из корейских рот, с яркой треугольной нашивкой 3-й дивизии армии РК на плече и со знаками различия капитана в виде наложенных на узкий золотой галун трех брусочков серебряного цвета, как выяснилось, запомнил американца еще с «первой попытки», и когда Мэтью, стесняясь, начал ненужно долго объяснять цель своего второго появления на его позициях, сразу его оборвал.

Как оказалось, капитан, фамилия которого была Куми, неплохо говорил по-английски. Хотя практики у него наверняка было достаточно, но он то ли скучал, то ли решил зачем-то поиграть в либеральность и братство по оружию, начав многословно рассказывать мрачно и настроенно слушающим его американцам о том, насколько ему этот пулемет надоел.

– Понимаете, с год назад коммунисты открывали огонь только тогда, когда наступали сами или когда их атаковали мы. Почти без исключений, понимаете, да? А сейчас... Я никогда не видел у них столько патронов – а я воюю почти два года. Сейчас они открывают огонь каждый раз, когда наши пулеметы прогревают ме-ха-ни-ку.

Последнее слово он выговорил по слогам, но чисто и со зримым удовольствием от своего успеха.

– Потерь от одного крупнокалиберного у нас не так уж много, этого я не скажу. Но этот пулеметчик у них действительно хороший, в таком стиле он действует несколько недель, и наши солдаты и пулеметчики уже устали. Я правильно сказал?

Приняв чашку чая от прибывшего солдатика, весящего максимум фунтов сто десять – как Мэтью весил лет пять или шесть назад, – капитан даже не подумал угостить замерзших уже просто на пути к нему американцев. Вместо этого он продолжил свой не слишком интересный

---

¹⁶ Классическое прозвище уроженца штата Северная Каролина в американском сленге середины XX века.

рассказ о том, что китайцы не просто катают свой «ДШК» с одной позиции на другую чуть ли не посередине нейтральной полосы, а бегают и ползают налегке – причем так быстро, что их ни разу не удалось подстрелить, а затем подтягивают пулемет к себе на длинном тросе.

– Патронов они много с собой не таскают, – доверительно сообщил он. – Отстреляют ленту, даже не целиком, по какой-то мо-мен-таль-ной цели, и тут же уходят. Пока запрос открыт по ним огонь проходит через наш минометный взвод, они уже далеко. После того ветреного дня, когда у тебя не получилось его дожидаться, – капитан указал дымящейся чашкой на Мэтью и с демонстративной грустью покачал головой, – они сумели поймать рабочую команду моей роты, когда она углубляла гнездо авианаводчика. Из этого гнезда едва ли не самый лучший обзор в западную и северо-западную сторону на всем нашем холмике. Это было примерно в четыре утра, но китайцы одновременно подвесили над гнездом штук пять осветительных ракет – знаете, таких розово-белых – и этот пулемет открыл огонь ярдов с четырехсот, из воронки от вашей бомбы. Эта воронка якобы была заминирована нами едва ли не с Рождества – значит, они сняли мины то ли в начале ночи, то ли еще раньше, и заранее притащили туда свой пулемет. Помимо нескольких тяжелораненых, у меня четверо убитых – одним махом. Этому Ир-тьюиг Санг-са¹⁷ Чу, – он пощелкал пальцами, подыскивая перевод, но только махнул рукой, – шею разорвало едва ли не пополам.

Его младшего брата забрызгало с головы до ног, он уже три дня ничего не делает, только плачет. Я же говорю, устали люди.

– Это точно китайцы? – зачем-то спросил его Мэтью, даже сидя переминавший свои поставленные под лавку ноги так, чтобы вес все время переходил с одной на другую – попытка авансом согреться за предстоящее пребывание на позиции.

– Точно, – кивнул капитан и, поднявшись со своего табурета, полез куда-то в шкаф. – Вот, возьмите, – он протянул им по шоколадному брусочку «Херши». – Светает где-то минут через тридцать или сорок, и к этому времени вы должны быть в своей лежке. Мои люди там посмотрели как следует, никаких сюрпризов нет. В 0750¹⁸ мой пулемет на левом фланге проведет несколько раз очередями по позициям коммунистов, затем замолчит. Минут через пятнадцать или двадцать после этого, то есть в 0805 или 0810, этот же пулемет откроет огонь с новой точки, ярдах в ста от первой. К этому времени и вы, и те китайцы должны быть уже готовы. Постарайтесь хотя бы задеть одного-двух солдат из его расчета – лучше всего, конечно, самого пулеметчика. Удачи, в общем.

Корейский капитан поднялся, сменив приветливое выражение лица на сурово-мужественное. Двое американских рядовых, к его удовлетворению, сами догадались откозырять и выйти из его блиндажа.

– Да-а... – протянул старший в их паре рядовой Спрюз, разглядывая плиточку шоколада в руке. – А я до этого думал почему-то, что это мы должны корейцев шоколадом кормить.

– Ну, нашему лейтенанту вообще такое в голову не пришло, – не согласился каролинец. – А в подобный холод всегда полезно похрустеть чем-то таким...

Подняв на него глаза, Мэтью едва не засмеялся внезапно пришедшей в голову мысли. Но сохранив порадовавшее его самого спокойствие, он выставил шоколадку перед собой и несложным движением кисти ободрал с нее бумажную обертку, аккуратно зажав ее между пальцами. Под взглядом напарника он сделал то же самое и с фольговой «бандеролькой», отпустив ее на волю ветра, тут же забравшего бумажку с собой, после чего кривовато обмотал «Херши» обратно в бумагу и засунул плиточку в нагрудный карман. Приоткрывший от удивления рот

---

¹⁷ Старший унтер-офицер – звание, примерно соответствующее старшему сержанту.

¹⁸ В Вооруженных Силах США время указывается четырехзначным числом. Армия РК была почти полностью оснащена и обучена именно американцами.

Закарий секунд десять постоял, наклонив голову вперед, прежде чем сделан абсолютно то же самое с благоговением человека, на которого снизошла чужая мудрость.

– Это чтобы не шуршала? – восхищенно спросил он все так же уверенно-спокойного Мэтью.

– В основном – чтобы не блеснула, когда мы начнем ее есть, – сообщил тот, уже даже не радуясь своей впечатлившей новобранца сообразительности – настолько его захватила мысль о том, не специально ли корейский капитан сделал такой богатый подарок уходящим в засаду снайперам...

Подошедшие к блиндажу командира роты вице-сержант с рядовым, объяснившись жестами, проводили их к передовой траншее. Затем Мэтью с Заком провели несколько минут, просчитывая подходы к лежке и рассматривая местность перед собой в неверном колеблющемся свете ракет, медленно раскачивающихся иод порывами ветра. Понаблюдав в свое удовольствие и не заметив ничего необычного на поле, изрытом воронками и полуоплывшими от разрывов, наполовину занесенными снегом старыми ходами сообщения (всего ярдов десять или пятнадцать не доходившими до запланированной ими точки), они, переглянувшись напоследок, легли животами на бруствер и поползли вперед.

Потратив сотню извивающихся движений, чередуемых с бегом на четвереньках в чуть заметных низинах, они достигли оказавшейся пустой и нетронутой лежки. Стараясь не слишком громко шипеть, выгребая из-за пазух набившийся туда через вороты курток снег, оба застыли на месте. Только теперь они сделали то, что должны были сделать сразу, как только добрались до места, – то есть начали внимательно прислушиваться к окружающему миру. Было вроде бы тихо, но через минуту или две невдалеке приглушенно стукнуло чем-то тупым – то ли по камню, то ли по бревну. Едва слышный звук тут же увяз в косо падающих с неба снежинках.

«Туда», – молча указал Мэтью в направлении, противоположном к источнику невнятного звука. Сам он выложил на бруствер винтовку, ствол которой был обмотан серым хлопчатобумажным чехлом, и для проверки приложился к оптическому прицелу. Было еще, разумеется, слишком темно – но если им действительно повезло оказаться рядом с пулеметом, то как только он заработает по проявившим себя в 0805 (или даже сразу в 0750) южнокорейцам, у него появится шанс уложить весь его расчет за какой-то десяток секунд. Это, возможно, впечатлит корейцев до такой степени, что весь оставшийся срок этой войны ему можно будет просидеть в блиндаже с капитаном, чавкая американскими шоколадками и храбро позвякивая какой-нибудь положенной за такой подвиг медалью.

Или все наоборот, и им как раз не повезло? Если они услышали этот звук настолько легко, всего за какие-то минуту или две вслушивания в темноту после десяти минут пыхания по шею в снегу, то его источник, вероятно, находится достаточно близко – ярдах в двухстах, скажем, а то и в ста пятидесяти. Вполне можно предположить, что даже если утверждение корейского капитана о том, что лишние патроны китайцы с собой не таскают, есть чистая правда – даже тогда в расчет «ДШК» наверняка будет входить человека четыре. Трое из них непременно будут с личным оружием, а при том, что солдаты они наверняка бывалые, это, скорее всего, будут автоматы. На полутораэта ярах даже один пулемет не даст им высунуться из окопа ни на миллиметр, а уж с тремя автоматами... Забросают гранатами?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.